

8P2
K-21

В.В. КАРГАЛОВ

Московская Русь в советской художественной литературе

В. В. КАРГАЛОВ

*Московская
Русь
в советской
художественной
литературе*

*Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве
учебного пособия
для студентов
исторических факультетов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА — 1971

Данное пособие является продолжением пособия того же автора «Древняя Русь в советской художественной литературе». В нем анализируются художественные произведения исторического жанра, посвященные Московской Руси второй половины XIII—XV столетий, разбирается вопрос о достоверности исторических романов и повестей, отмечаются их положительные и отрицательные стороны, выделяются некоторые ошибки в освещении исторических событий и деятелей.

В него включены отрывки из художественных произведений, которые можно использовать непосредственно на уроках истории и во внеклассной работе с учащимися.

Пособие предназначено для студентов исторических факультетов и учителей истории средней школы.

Историческая достоверность художественных произведений о прошлом нашей Родины — это вопрос, интересующий очень многих: самих писателей исторического жанра, историков, преподавателей вузов и учителей, студентов, учащихся и просто читателей — любителей этого увлекательного жанра.

Проблема достоверности исторических романов и повестей неоднократно была предметом оживленных дискуссий между писателями и специалистами-историками, ей посвящали статьи ученые¹. В литературоведческих исследованиях сформулирован принцип историзма художественной литературы, критерии ее достоверности. Ю. А. Андреев, автор книги «Русский советский исторический роман», выделяет два этапа в развитии категории историзма. Первый этап — это «воспроизведение атрибутов эпохи, ее важнейших событий, законов нравственности, того, что называется духом эпохи». А «второй, высшей ступенью категории историзма является способность отражать не только внешние атрибуты, но важнейшие закономерности эпохи, важнейшие закономерности социальной жизни». Таким образом, «историзм нового типа», свойственный советской художественной литературе исторического жанра, «наряду с отражением

¹ См.: В. Т. Пашуто. Средневековая Русь в советской художественной литературе. «История СССР», 1963, № 1.

внешних атрибутов, означает показ генеральных линий развития общества, понимание и отражение важнейших закономерностей жизни общества на изображаемом этапе»¹.

Лучшие произведения исторического жанра, созданные советскими писателями, отличаются именно таким «историзмом нового типа», правильно и глубоко раскрывают события далекого прошлого. И в этом — немалая заслуга историков, которые не только разработали научную основу художественных произведений на исторические темы, но и привлекли внимание общественности к проблеме их достоверности.

Однако разговор о достоверности исторических романов и повестей нельзя считать законченным. Даже в самое последнее время появляются книги, весьма далекие от исторической правды. Это относится, к сожалению, не только к романам и повестям, рассчитанным на массового читателя, но и к книгам, специально предназначенным для школьников, изданным в серии «Школьная библиотека». Наглядным примером может служить повесть А. В. Костина «На заре Руси», выпущенная в 1969 году.

В книге А. В. Костина русские дружины воюют с народами, которых в то время не было и близко у границ Руси, заключают союзы с племенами, еще не соседствующими с «русами». Герои книги действуют в городах, которых тогда еще не существовало. Так, многие страницы книги посвящены битвам русских полков с печенегами. По утверждению автора, уже в середине IX столетия печенежские орды, «надвигаясь с востока, заняли донские степи, а теперь передовыми отрядами вошли в полянскую землю, в Приднепровье» (стр. 63). Они будто бы уже тогда осаждали Киев, бились под его стенами с «русами» и их союзниками, нападали на русские караваны у днепровских порогов и т. д. Между тем хорошо известно, что впервые печенеги появились у русских границ только в 915 году, а первое их нападение на Русь и осада Киева произошли еще позднее, в 968 году, т. е. спустя столетие после описываемых А. В. Костиным событий! В книге этого автора русские будто бы воевали

¹ Ю. А. Андреев. Русский советский исторический роман. М.—Л., 1962, стр. 106—107.

против печенегов в союзе с «черными клобуками» — торками и берендеями. В действительности же торки пришли в причерноморские степи после печенегов, на смену им, примерно в середине XI века (спустя два столетия после описываемого А. В. Костиным времени!). По словам летописца, русские полки впервые «победи Торкы» только в 1055 году. А так называемые «черные клобуки», служилые кочевники южнорусских князей, в число которых, кстати, кроме торков и берендеев входили также печенеги, турпеи, коуи и другие племена, — поселились в Поросье еще позднее, в конце XI — начале XII века. В книге же А. В. Костина в середине IX столетия торки и берендеи были для Руси «надежда верная из дружбы давней» (стр. 86)!

В книге рассказывается о городе Переяславле-Южном, в котором уже тогда были «башни крепости и городские постройки», «детинец, сооруженный из высокого остроколья» (стр. 46). Как совместить это с летописным известием о том, что только в 992 году (более чем столетие после описываемых в книге событий!) киевский князь Владимир во время очередного набега печенегов «срете их на Трубежи на броне, где ныне Переславль», и в честь победы «заложи город на броне томь, и наре[че] и Переславль»?¹ Значительно позднее упоминают летописцы также Торческ и Вышгород, о которых говорится в книге.

Вызывает недоумение вольное обращение автора книги с именами исторических личностей Древней Руси, достаточно известных по летописям. А. В. Костин перенес во вторую половину IX века древлянского князя Мала, жившего в середине следующего, X столетия при киевском князе Игоре, воеводу Претича, упоминавшегося летописцем в 968 году, торкского «князя» Кондудвдя, о ссоре которого с киевским князем летописец сообщал еще позднее, в 1190 году! Смещение во времени (на два-три столетия) реально существовавших исторических деятелей может вызвать путаницу у читателей и совершенно не оправдано.

В повести А. В. Костина имеются недостатки и методологического характера. Автор явно преувеличивает роль варягов («викингов») в жизни Древней Руси. Ва-

¹ ПСРЛ, т. 1, стб, 122—124.

рядские князья и воины участвуют буквально во всех эпизодах книги: ходят в походы с русскими полками, управляют с киевскими князьями и даже задолго до князя Олега захватывают власть в столице («при скоплении варяжской дружины викинги провозгласили себя князьями полянскими», стр. 130).

А. В. Костин явно преувеличивает и степень развития феодальных отношений на Руси в период складывания раннефеодальной монархии. В его представлении Древняя Русь середины IX столетия — это уже время зрелого феодализма. Князья Аскольд и Дир, и даже их отец князь Рогволод награждают своих дружинников вотчинами. Они «приблизили к себе знатных вождей из дружины отца, одарили их волостями» (стр. 137). А. В. Костин считает возможным говорить о создании в середине IX столетия судебника — «закона писаного»:

«А теперь настало время и закон писаный установить... Читай, Варог, новый закон! — повелительно сказал Рогволод.

Варог, утерев усы, стал нараспев читать составленные законы жизни человека, заимствованные во многом из законов Междуречья и церковных канонов Византии...». Впрочем, автор тут же постарался лишить «закон писаный» какого-либо классового содержания: «Закон поможет объединить всех людей славянских духом и помыслами. Перед ним все будут равны» (стр. 125).

Допускает А. В. Костин ошибки и в описании внешней политики Древней Руси. В последних главах книги рассказывается о том, как войско киевских князей Аскольда и Дира разгромило Хазарский каганат, взяло хазарскую крепость Саркел и вошло в столицу Хазарии — город Итиль. У читателя, знакомого с историей Древней Руси, невольно возникает вопрос: а зачем тогда в 60-х годах следующего века киевский князь Святослав предпринимал походы на Хазарский каганат, если все уже было сделано задолго до него Аскольдом и Диром?

Значительно опережая время, А. В. Костин пишет о создании общегосударственной системы обороны южной степной границы Руси (стр. 124). Хорошо известно, что строительство укрепленных линий с постоянными гарнизонами воинов, набранных из различных областей Руси, относилось к гораздо более позднему времени, к концу X века, к княжению Владимира Святославовича.

Видимо, разговор об исторической достоверности художественных произведений необходимо продолжить, причем продолжить именно с позиций историка, ибо литературная критика по-прежнему не уделяет этому вопросу достаточного внимания.

Так, в 1969 году вышла в свет книга Л. Э. Разгона «В. Ян», посвященная известному советскому писателю исторического жанра В. Г. Янчевицкому (В. Яну). В целом книга ценная и интересная, имеет много несомненных достоинств.

Л. Э. Разгон пишет о познавательном значении художественной литературы исторического жанра, о том, что по историческим романам и повестям широкий круг читателей знакомится с прошлым родной земли. «Сколько бы историки-исследователи не утверждали, — пишет он, — что Иван Грозный был другим, нежели он изображен в «Князе Серебряном» А. К. Толстого, а Петр I истории весьма отличался от героя знаменитого романа А. Н. Толстого, — все равно в сознании миллионов людей они остаются такими, какими их изобразили не историки, а художники» (стр. 147). Однако разбор исторических романов В. Яна с точки зрения историка фактически отсутствует в книге. Разгон пишет: «Что касалось исторической обстановки, хода событий, В. Ян не допускал никаких отклонений от подлинной истории». Такая уверенность автора в исторической непогрешимости романов В. Яна необоснована. В трилогии В. Яна содержится довольно много исторических ошибок, которые нетрудно выявить при сопоставлении его описания нашествия монголов с данными исторических источников. Это замечание относится к описанию В. Яном и событий, непосредственно предшествующих нашествию на Восточную Европу, и похода монголо-татар в Волжскую Булгарию и прикаспийские степи, и зимнего похода на Северо-Восточную Русь, и времени пребывания завоевателей в половецких степях, и к объяснению им причин неудавшегося похода в Центральную и Западную Европу¹.

Все это заставляет думать, что вопрос о достоверности исторической художественной литературы не утратил

¹ Подробнее см.: В. В. Каргалов. Древняя Русь в советской художественной литературе. М., 1968, стр. 128—147.

своей актуальности, что историкам еще не раз и не два придется обращать на него внимание и писателей, и критиков.

Книга «Московская Русь в советской художественной литературе» является продолжением книги того же автора, посвященной Древней Руси. Содержание второй книги составляют ответы на те же вопросы: как сумели использовать советские писатели богатейший материал, накопленный исторической наукой? где они шли в ногу с современным уровнем развития советской исторической науки и даже опережали ее, а где отставали? что в концепциях авторов художественных произведений по истории Московской Руси нуждается в критическом пересмотре и уточнении, а что может быть взято на вооружение преподавателями истории, студентами, школьниками, всеми читателями, интересующимися историей нашей Родины?

Однако критический анализ произведений художественной литературы по истории Московской Руси — только одна из задач этого пособия. Опыт использования ранее изданной книги «Древняя Русь в советской художественной литературе» студентами и учителями истории показал, что такого рода пособия являются одновременно своеобразными хрестоматиями, в которых подобраны наиболее яркие и образные характеристики исторических явлений и деятелей, снабженные к тому же научными комментариями. Многие произведения художественной литературы исторического жанра выпускались небольшими тиражами, редко переиздавались и практически мало доступны читателям, особенно проживающим в сельских местностях. Учитывая это, автор включил в пособие обширные выдержки из исторических романов и повестей, которые могут быть использованы и теми, кто не располагает всеми необходимыми книгами по истории Московской Руси.

В новый учебный план исторических факультетов педагогических институтов вводится факультативный курс «Историко-художественная литература». Книги «Древняя Русь в советской художественной литературе» и «Московская Русь в советской художественной литературе» являются учебными пособиями по этому новому курсу.

«РУСЬ ВЕЛИКАЯ»

«Русь Великая», новый исторический роман советского писателя В. Д. Иванова, назван автором «романом-хроникой». Действительно, множество разнородных и, казалось бы, мало связанных между собой исторических событий бурного XI столетия стремительно разворачивается на его страницах. Из конца в конец необъятной Руси скачут окольчуженные княжеские дружины, сшибаются в междоусобных сечах, с ревом боевых труб и звоном оружия подступают к деревянным стенам городов князей-соперников. Сквозь дремучие вятичские леса пробирается с горсткой дружинников на север, в свою новую ростовскую «отчину», молодой Владимир Мономах, будущий грозный повелитель Руси. Бушует в причерноморских степях кочевая стихия, выплескивая на русские рубежи дымящиеся кровью волны половецких набегов. Плетут свою сеть искусные византийские дипломаты, опутывая соседние «варварские» народы ложью, взаимной враждой и золотом: обессилевшая, раздираемая внутренними противоречиями, разлагающаяся Византийская империя, спокойно перешагивая через трупы «еретиков» и своих собственных, отравленных, задушенных безбородыми евнухами, пронзенных ножами наемных убийц, «божественных» базилевсов, — еще пытается вершить судьбами мира. Звенят мечи норманских завоевателей на полях Англии. Задыхаются под крепостническим ярмом народы Западной Европы, придавленные тяжестью феодальных замков, зажатые в тиски католических догм. Над безводными пустынями Аравийского полуострова собираются грозовые тучи ислама, и быстрые арабские кони вихрем несут на «христианский мир» бесчисленные полчища неистовых воинов Магомета. А далеко на востоке, у берегов Желтого моря, застыла Поднебесная империя сунов, отгородившись пока еще неприступной Великой стеной от беспокойных «северных дикарей» из стеней Монголии. А еще дальше, за Океа-

ном, живут в неизменяющемся для них мире, молятся Солнцу и приносят человеческие жертвы на алтарях кровожадных богов краснолицые люди, не познавшие крепости железа и щедрой покорности ручных животных. Велик и многообразен мир, непохожи и часто непонятны друг другу населяющие его народы...

«Каждому свое, не будем судьями, выносящими приговоры в сравнениях. Сравнение, обманывая очевидностью, поспешно и жестоко...», — предостерегает В. Д. Иванов¹. Однако именно в сравнении исторических судеб народов — основное содержание романа «Русь Великая», его идейный стержень. Эта книга скорее не «роман-хроника», несмотря на пестрый калейдоскоп быстро сменяющихся на ее страницах событий, а роман-раздумье, роман-поиск ответов на большие и сложные вопросы истории, из которых главный: почему Русь вышла на широкую дорогу мировой истории, почему она стала «Великой»?

Во времена, описанные в романе, внешне блестящая Византийская империя, наследница гордого Рима, еще свысока смотрела на затерявшиеся в лесах русские княжества, осажденные со стороны степей воинственными кочевыми ордами. Правда, обязанная своим рождением рабству, «империя состарилась. Бывали годы, когда она казалась неотвратимо обреченной, но все же она держалась» (стр. 389). Может быть, предоставленная самой себе, изолированная от внешних воздействий, некогда великая Византийская империя продержалась бы еще в течение нескольких столетий, но история приготовила ей испытание на крепость: сначала грозные славянские походы, до основания потрясавшие державу византийских базилиевсов, а затем нашествие с востока арабов и турок, обнажившее все язвы, все скрытые под внешней пышностью болезненные процессы. «Восточной империи не помогли единовластие, единоверие. Не спасла наилучшая для тех времен и даже для многих последующих система управления государством. Ведь все было будто бы считано-пересчитано, писано-перезаписано, перевязано законами, указами, постановлениями. Будто бы нигде, как в Восточной империи, не было столько грамотных, обученных науке управления. Разве только одна Подне-

¹ В. Д. Иванов. Русь Великая. М., 1967.

бесная империя на самом дальнем восточном краю мира могла бы состязаться с империей базилевсов.

Подданные базилевсов умели делать вещи, несравненные по красоте, а также по удобству и прочности. Строили отлично хорошо здания, пристани, дороги. И умели считать.

Не сосчитали лишь, сколько труда, искусства, науки вложено было в сотворение единовластия, единоверия. Что считать! Сказано ведь: государство, разделившееся внутри себя, погибнет.

Но не сказано, — как соединиться и чем. В изыскании способов исчахли лучшие умы, а худшие выжили. Вольность и волю душили по-научному, в зародыше: избивали подданных стократно более, чем уложили в войнах. Неустанно работала трость Фразибула¹, уничтожая колосья, которые естественно по природе своей поднимались выше других, не ведая, что нарушением общего строя они сами себе выносят смертный приговор: для блага других, коротеньких, одинаковых...

Скажут — Восточная империя погибла, разделившись внутри себя. Да, но разделило ее усиленное объединение. Так разделило, что не помогла ей и сторонняя помощь, с запада. А ей помогали! Пусть плохо, пусть званые и незваные помощники сами не понимали, для чего идут: спасать ли, либо устраивать собственные дела» (стр. 119—120).

Обречено общество, остановившееся в своем развитии, искусственно поддерживающее старое, отжившее и подавляющее все новое, молодое, талантливое, подавляющее само человеческое в человеке, и никакие инъекции внешней силы не спасут его, — вот мысль, которую проводит В. Д. Иванов в своем романе. Общество, где окостенело все — и государственные формы, и мышление, — не имеет будущего, ибо не дает возможности для развития человека, творца всего существующего. Поистине символична сцена шествия византийских вельмож на традиционный прием к базилевсу, описанная в романе;

¹ Имеется в виду легенда: коринфский тиран Периандр (ум. 585 г. до н. э.) послал спросить у своего друга милетского тирана Фразибула о лучших способах управления. Фразибул на глазах у посла тростью долго сбивал в поле колосья, поднявшиеся выше других, и отпустил посла, ничего не сказав.

кажется, что в разодетой толпе отразилась вся сущность Византийской империи.

«...Множество не последних в империи людей. Разных людей... Но всех их роднит вера в губительность сомнений, сближает вера в необходимость поддерживать однажды принятое... Пусть они верят только на словах. Но ведь само слово есть великая сила. Оно возводит и разрушает... Слово объединяет людей и сотворяет народы. Но, думаю я, никогда и никто не мог заметить дня, начиная с которого мысль, облеченная в словесную плоть, покидает ее, и слова, каменяя, слагаются в безжизненные стены... Да, мне кажется, — здесь слово уже окаменело!» (стр. 406—407).

Все здесь принижает человека, подчеркивает его беспомощность перед величием Империи, убивает инициативу, самостоятельность, творческое дерзание, без которого нет движения вперед. Оберегая незыблемые устои, Империя обкрадывает себя, готовит собственную гибель; видимость внешнего порядка подменяет действительную силу государства. Величие императорского дворца давит на человека. «Быть здесь, пройти через это испытание было пробой смиренья, было неумышленным предупреждением тому, кто задумал явиться перед лицом власти: познай, ты случаен, мал и бессилен, когда собираешься в толпы, ибо в толпе каждый враг каждого, ибо только в рядах, построенных властью, ты будешь в безопасности, возможной для смертного» (стр. 407).

С теплых берегов Мраморного моря, из «вечного» города Константинополя, автор романа переносит нас далеко на восток, во вторую великую империю средневековья — Поднебесную, Срединную Страну, государство сунов (древний Китай). Перед глазами кочевника Гутлука, прибывшего в Поднебесную с монгольским посольством, проходят непонятные и странные картины чужой жизни. Он старается понять «высшую мудрость» ученых правителей Срединной Страны, и не может — она недоступна его пониманию, так же, как и смысл пышного церемониала посольского приема, которому суны придают такое большое значение. Между тем именно в этом — ключ к пониманию государственной «мудрости» Поднебесной, той основной идеи, которой подчинена вся жизнь в стране: «Слепой силе грубых тел следует противопоставлять непонятное. Превыше всех та мудрость,

достижение которой наиболее трудно, ибо она никогда не делается достоянием многих. Оставаясь уделом избранных, наука наук питает вершины. Вечное — неизменно, неизменное — вечно. Таков круг, в центре которого находится Поднебесная, именуемая по праву и Срединной Страной. Она — ось Вселенной. Никаких перемен — в этом и цель, и средство прочности государства» (стр. 442). Монгол Гутлук не понимает, что в этом — и видимая сила, и действительное бессилие Поднебесной, провозгласившей устами своих мудрецов неизменность и законченность знания: «мудрость уже была заключена в старых книгах, нового нет, новое лишь кажется новым». Закоченела живая мысль, скованная неизменными рядами «цзыров» (иероглифов, по терминологии автора романа), от которых нельзя отказаться, так как «люди Поднебесной, живущие уже на день пути одни от других, не понимают друг друга. В Поднебесной больше десяти десятков наречий. Срединная объединена цзырами. Цзыры создали однообразие обычаев и привычек. Уничтожьте цзыры, и многоязычная Поднебесная рассыплется, как горсть сухого песка» (стр. 446). Напрасно тибетский мудрец, «Святой», взывает к учёным правителям Поднебесной, стараясь нарушить у них «покой мысли»:

«— Ищите! Не довольствуйтесь тем, что имеете уже... Покой не есть неподвижность мысли, но — свобода ее движения. Я пришел вестником тревоги. Вы пользуетесь познанным, но не увеличиваете уже известное. Вы лишены движения... Движение внутри человека, вы препятствуете ему. Надлежит допускать нечто новое» (стр. 447). Окостенелость общественных форм, мелочная регламентация жизни в Поднебесной, следование раз и навсегда установленным, неизменным правилам так же, как «трость Фразибула» сбивала высокие колосья, уничтожает все новое, все способное двинуть жизнь дальше и увлечь за собой народ. Так превращается в пария, отверженного даже родным отцом, молодой талантливый Фын Мань, который «позволил себе выйти за границы дозволенного, оспорив одну-две принятые истины. Неуважение к общепризнанному неприятно для всех. Некоторую игру мысли ученые суны могли позволить столь же ученому собрату. Свободомыслие ученика вызвало гневный протест дальновидных ученых: по какому праву ничтожество, ровно ничем себя не утвердившее в науке,

осмеливается! Что будет дальше! И с наслаждением добродетели, уличившей порок, ученые выгнали наглого». Талант, изгнанный бесталанностью, не перестает быть талантом, но он теряется для изгнавших его: став солдатом, Фын Мань «занимался незаметными для начальников усовершенствованиями и сочинял для себя способы защиты городов и нападения на них. Но втайне, ибо начальники обидчивы, и самое большое оскорбление для них — умные подчиненные» (стр. 494—495).

Собственные знания, возведенные в абсолют, объявленные высшим, непревзойденным творением человеческого разума, вечной истиной — это не только тормоз развития мысли, это и убежденность в собственном совершенстве, превосходстве над остальными народами, презрение ко всем, кто не обладает «высшим» знанием.

«И здесь, в тюрьме, суны так же ненавидят иноземцев, как в городе! Это мнилось Гутлуку невероятным, и все же это так было...» (стр. 441, 453). Тлетворная идея собственного превосходства и презрения к другим народам, распространяемая сверху, дошла и до низов. «Разделенные преградами образования, должностей, заслуг, имущества, все жители Поднебесной равно презирали дикарей. Пусть нищий торговец, загнанный нуждой в Степь, раболепно изгибался перед дикими. То был вынужденный и сознательный прием общения с грубой, безмозглой силой. Внутренне торговец из Поднебесной сохранял такое же сознание своего превосходства, как и сановник, обманувший послов дикарей» (стр. 484). А у ученых правителей Поднебесной, хранителей «высшего» знания, презрение ко всем, не обладавшим этим знанием, превращалось в убеждение абсолютной истинности своего знания: круг замкнулся, и не было выхода из него.

«Иностранцы жалуются на грубость, встречаемую ими от нашего народа. Жалобы справедливы, ибо высший не должен оскорблять низшего... Мы совершеннее других народов цветом кожи, красотой лица, тела, волос. Еще более возвышаемся обычаями и устройством жизни, государства. И безгранично превосходим в науке. Мы — середина...» (стр. 447).

В. Д. Иванов показывает Поднебесную империю в первых столкновениях с монгольскими кочевыми племенами, сразу выявившими ее внутреннюю слабость. Армия

сунов, которая носила черты всей общественной системы страны, показала свою полную неспособность отбивать монгольские набеги. Не помогла ни многочисленность сунского войска, ни совершенная по тем временам военная техника, ни высокоученые советники полководцев. Всесилие мертвой догмы, безынициативность военачальников, боязнь самостоятельных действий, безразличие солдат, коррупция, свойственная каждому бюрократическому строю, — вот что принесло в войско абсолютизированное, застывшее «высшее» знание, на котором покоился порядок в Срединной Стране. Военное искусство, далекое от реальной жизни, создаваемое учеными-книжниками, превратилось в собрание мертвых догм, не имевших ничего общего с действительностью. Обо всем этом ярко и убедительно рассказывается в романе:

«Иногда какой-либо ученый задумывался над войной: как во всем, и здесь должны быть свои законы и, конечно, правила. Появлялись сочинения о способах войны и как выигрывать сражения, плод размышлений ученого, который, никогда не видав войны, увлекался своими открытиями... Другой ученый обращался к событиям былых войн. Талантливое изложение способствовало широкой известности таких книг; события в них развивались к чести Поднебесной, что всегда привлекает любящих родину людей. Они распространялись в сокращенных списках, в отрывках, пересказах и быстро очень многое превращалось в народное сказание. Позднейшие авторы, вдохновляясь сказаниями, не улавливали искусственность построения: такая же искусственность была присуща им самим; они получили такое же образование, их мысль была подчинена той же системе связей, тому же мировоззрению. Многократное отражение, многократное преломление действительности, искажая ее, вызывало опасное смещение понятий. А однажды установленная догма тем самым усиливала свое мертвящее действие.

Ученые правители Поднебесной создали легенду об ученых советниках — руководителях полководцев. Все зависело от глубокомысленных маневров, хитрых, умных выдумок. Много убедительных примеров красивой игры ума. В легенде, принимавшейся за истину, не было места ни для действительности, ни для подлинного орудия войны — рядового солдата... Поднебесная выдерживала

любое военное крушение волей своего всегда громадного по числу и всегда трудолюбивого и умного в труде народа. На глазах этого населения армия действовала слишком часто отнюдь не по правилам, отнюдь не героически, не то, что в годы, о которых умно и убедительно повествовали книги и порожденные книгами предания. Общепризнанное презрение к солдату всех ступеней было, надо думать, результатом несоответствия видимого своему воображаемому небывалому образцу». В результате «в строю находили прибежище неоплатные должники, беглые рабы, преступники, ускользнувшие от кары, разбойники, уставшие от бродячей жизни и ежедневного риска, заносчивые неудачники, любители гашиша, опума, не говоря уже о пьяницах».

«Поднебесная не располагала солдатами, способными к одиночному или групповому состязанию с конницей, и не могла их создать... У солдат были свои правила, и нарушение их могло быть таким же губительным, как нарушение основ науки сановников». Фатализм, свойственное сунскому обществу «ощущение вечности, соединенное с ощущением ничтожества своего вмешательства и боязнь нарушить неизвестное равновесие», пронизывали войско. «От высших командующих и до новичка вся армия прочно опиралась на веру в судьбу... Еще более прочно армия Поднебесной опиралась на то особенное отношение к жизни и смерти», которое другим народам «не понять» (стр. 477—479, 485, 490, 491). Суны массами безропотно умирали на местах, куда их поставили всемогущие «правила» войны, но не были способны на самостоятельные действия, хотя эти действия могли спасти не только их самих, но и то дело, ради которого они брали в руки оружие... Так мертвая догма мстила доверившимся ей людям.

Штурмом взята монголами пограничная сунская крепость Туен-Хуанг. В битве погиб сунский гарнизон, ученый правитель крепости Хао Цзяя схвачен победителями и доставлен к монгольскому хану. Все кончено для Хао Цзяя — его ждет скорая смерть от кривой монгольской сабли. В такие минуты не лгут, и глубокой убежденностью в истинности своих представлений о мире и об истории звучат слова-пророчества плененного правителя:

«...Может быть, монголы покорят запад. Но Поднебесную — никогда... Поднебесная — множество. Нас бес-

конечно много... Ты будешь, будешь побежден. Если не сам, то в своих потомках. Монголы уйдут на дно Поднебесной, как камни на дно Океана. Поднебесная останется, как была. Она подобно кругу, замкнутому в неизменности. В неизменности — настоящая сила. Никаких перемен в обычаях, в семьях, на земле, на небе. Пусть нас упрекают, что мы гасим сильных и умных. Таков круг, такова вечность. Народ, разрушитель своего круга, погибнет, пустившись в путь, тому много примеров. Все новые люди и мысли растворяются в Поднебесной, как соль в Океане, он же не изменяется... Кончались войны победой или поражением, Поднебесная всегда побеждала и будет побеждать... Тебе, сыну малого народа, не понять этого... В Поднебесной иначе относятся к смерти, чем в других странах. И — к жизни. И мужчина у нас иначе любит женщину, а женщина — мужчину. Сам смысл существования мы понимаем иначе. И этого тебе тоже не познать, никогда не познать...» (стр. 488).

Казалось бы, история подтвердила истинность пророчеств ученого суна: монголы растворились в завоеванной стране, исчезла держава могучего Чингис-хана, а Китай сохранился, оберегаемый спасительной неизменностью, замкнувшийся в своем «кругу» сберегаемых от поколения к поколению порядков и обычаев. Сохранился, но какой ценой? Другие народы в трудах и дерзаниях, в ломке старого и непрерывном поиске новых путей, через открытия и заблуждения, страдания и победы шли вперед, от удушливого мрака средневековья к более совершенному общественному строю. Шли не в одиночку, не отгородившись друг от друга «великими стенами», а в общем, всемирно-историческом процессе развития человеческого общества, перешагивая одну за другой нелегкие ступени прогресса. А империя сунов на века застыла в самозерцании, в умственной спячке, все более и более отставая от «презренных» иноземцев. И когда у китайских берегов появились в середине XIX века флотилии опиумных войн, против скорострельных ружей и пушек европейцев правители Срединной Страны могли выставить по-средневековому пестрое воинство под устрашающими, но никому не причиняющими вреда бумажными тиграми и драконами, с копьями и немногочисленными кремневыми ружьями, способное к безумной храбрости и самопожертвованию, но неспособное победить.

Такова была страшная цена, которую заставили заплатить народ «ученые» правители за века самоизоляции, за культивированный национализм, за «вечный круг», которым они отгородили свою страну от остального мира...

И если пророческими оказались слова, сказанные побежденным правителем сунской крепости монгольскому хану, то еще больше жизненной правды в ответе последнего:

«Ты самонадеянно считаешь свою мудрость недоступной, — говорил молодой хан... — Вы, суны, глядя внутрь себя, находите не мир, который... больше видимого глазом, а только самих себя. Вы, суны, как песчаные змеи в пустыне, думаете, что во вселенной нет ничего, кроме сухого песка...» (стр. 488).

Кому же принадлежало будущее? Может быть, монголам, свободно кочующим по просторам степей, стремительно набиравшим силы, и их молодому хану, для которого «ни впереди, ни позади нет ничего, все начинается здесь, здесь, здесь», для которого еще чужд был «вывод об особенной расе, с высшим ее призванием, с ее высшими правами на господство»? В. Д. Иванов отвечает на этот вопрос словами, которые хочется повторять и повторять, как мудрую народную пословицу:

«Говорят, что Сила и Насилие родились близнецами. И лишь в поздней зрелости проявилось единственное между ними различие — бесплодие Насилия» (стр. 527).

Монгольское государство Чингис-хана, образовавшееся спустя много десятилетий после описываемых в романе событий (в начале XIII века), было основано на насилии. Феодалная степная знать, ставшая во главе нового государства, направила все силы своего народа не на мирное развитие хозяйства и культуры, а на захватнические войны, на завоевание и ограбление соседних оседлых стран. Смерть и опустошения, тяжкое иноземное иго несли с собой монголо-татарские всадники другим народам. Но история безжалостна к насилию и его носителям. Завоевательные походы были губительны не только для побежденных, но и для победителей. Они истощали силы Монголии и в конечном итоге стали причиной длительного политического, экономического и культурного упадка страны. Сотни тысяч монголов оказались разбросанными по бесконечным военным дорогам — в

Китае и в Индии, на плоскогорьях Ирана и на Волге, в половецких степях и в Крыму. Монголы теряли связь со своей далекой родиной и даже друг с другом, растворялись в массе завоеванных народов, утрачивали обычаи, родной язык. Множество монголов погибло в трудных походах и кровопролитных битвах. Огромные богатства, захваченные ценой крови монгольских воинов, быстро растрчивались феодальной паразитической верхушкой Монголии, не принося народу ни благосостояния, ни возможности развивать свое хозяйство. В результате Монголия на несколько веков отстала в своем развитии даже от стран, ставших жертвами опустошительных монгольских завоеваний. Н. Г. Чернышевский, размышляя над историческими судьбами народов, сделавших завоевательные походы своим главным предназначением, писал: «Жалко или нет бытие подобных народов? Беша и быша, яко же не бывше. Прошли, как буря, все разрушили, сожгли, полонили, разграбили и только... Быть всемогущими в политическом и военном отношении и ничтожными по другим, высшим элементам жизни народной?»¹ Иное дело — Русь, которая никогда не строила своего могущества на горе и крови других народов, на завоевательных войнах, на присвоении результатов чужого труда. Так что же все-таки сделало ее «Великой»?

«Русская земля... Недостижимый купол небес солнце обходит за день да за ночь...

Ключи, ручейки, ручьи, речки, реки. Озера проточные или закрытые для выхода воды — будто глаза земли...

Реки указывают, где верх земле, где низ... Камня мало, зато леса много... Леса заступают русскую землю, леса заставляют ее стенами, реки текут в лесах, и ключи поднимаются по древесным корням. По рекам открыты пути, по рекам легкие дороги, русские общаются реками, волоком перетаскивают ладьи от истока к истоку. Так вяжется русская общность от ледовых морей до теплых» (стр. 5—6).

Таков общий фон, на котором разворачивается история русского народа, история такая же широкая и необозримая, как земля, на которой он жил, не стесненный рамками ограниченного пространства. «Русь подавалась на север, на восток, в малолюдные, пустые леса... Стал-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1949, стр. 48.

кивались с иноязычными, дрались, мирились, менялись, овладевали... Русь шла на свободные земли, чтобы на них осесть и жить, добывая свой хлеб из земли. Так бери же, населяй, обрабатывай! Что мешает!» (стр. 40, 118). Всем была обильна Русская земля, все в ней было для жизни народа: и плодородные земли, и необозримые леса с их драгоценными дарами, и обильные рыбой реки и озера, и тучные луговые травы на их пологих берегах, и недра, дающие достаточно железа — металла металлов, основу могущества на войне и силы в труде. Под пружинящими торфяниками таились болотные руды, возле каждого поселения дымились низенькие сыродутные домицы, и веселый перестук кузнечных молотов нарушал лесную тишину. Видно оттого Русь так рано забыла бессилie костяных и каменных орудий и, перешагнув через многовековый ужас рабства, сразу поднялась на следующую ступень общественного развития... Эту мысль В. Д. Иванов подчеркивает в романе очень своеобразно, перенося читателя за Океан, на берега Америки, где живут люди, вообще не знавшие железа, для которых время будто остановилось. Автор романа пишет, что сюда приплыли на кораблях «белые боги», грозные своим металлическим оружием и знаниями. Но они «не нашли в земле чего-то, нужного для изготовления оружия. Вскоре камень заменил твердое вещество мечей, топоров, кинжалов... Правда открывалась в перечислении того, что существовало на том берегу Океана и чего не было здесь. Особое вещество, из которого изготавливали оружие и орудия, давало силу людям. Там были животные, покорные воле людей, как пальцы руки. На своих спинах они переносили людей. Запряженные в плуги, послушные звери рыхлили поля, где росла обильная пища, которой здесь нет. Другие прирученные звери и птицы давали столько мяса, сколько хотел человек. Леса и степи были полны диких животных, и вместо войны люди охотились со спин послушных животных и возвращались с мясом. Не нужно было брать пленников и убивать их.

Там глубокие реки кишели рыбой. Там все не так, как здесь. Здесь нет стад животных, здесь леса и реки полны врагов человека, острые зубы и яд ждут под каждым кустом и на каждой пяди заросших речных берегов...» (стр. 243). Здесь не было условий для развития цивилизации, здесь каждый годовой круг в силу этого

замыкался в кольцо, не поднимаясь вверх пружиной спирали...

Необъятна Русская земля, пересеченная во всех направлениях голубыми полосками рек. «Думают, будто бы реки, как торные дороги, породили Русь. Без рек будто бы ничего-то и не было. Сидели бы люди в лесу, держась каждый за свою поляну». Но, пишет В. Д. Иванов, «не речные дороги, а общее Слово-Глагол сотворило единство славянского племени. Повторим же еще: не Днепр, не Ильмень были русской отчиной. Русская отчина — Слово-Глагол.

Пусть в одной части земли иначе звучало окончание слова, пусть в другой по-своему ударяли на слог, пусть один чокал, другой — чокал. И родные братья бывают разноволосы. В русских словах — общая кровь... До верха Днепра, до верха днепровских притоков, через верховые ключи, озера, болота, к верховьям других рек, текущих на север, на запад и на восток, — вот родина Руси, сотворенная Словом-Глаголом...» (стр. 7—8).

Единство славянских племен цементировалось общностью исторических судеб, той особой исторической миссией Руси, которую она выполняла как сторожевая застава на восточных рубежах Европы, отбивая натиск азиатских кочевников. Конные орды гуннов, аваров, хазар, печенегов, торков, половцев, сменяя друг друга, переходили Волгу и двигались на запад по причерноморским степям. «Широк путь между уральской горно-лесистой стеной и Каспийским морем. Тут не навесишь ворот, подобно Дербенту...» (стр. 119). И первой страной, стоявшей на пути их опустошительных нашествий, была Русь. Здесь пролегал первый рубеж европейской цивилизации, здесь разгорались первые схватки с незванными пришельцами. «Богатырские заставы» Руси или останавливали очередные волны кочевников, или настолько ослабляли их в кровопролитных сечах, что завоеватели, дойдя до Дуная, уже не имели прежней силы. Первые века русской истории заполнены непрерывной, изнурительной, героической борьбой с кочевниками, обеспечившей другим народам Европы благоприятные условия для исторического развития, а самой Руси — глубокое осознание идеи единства Русской земли, свято пронесенную народными массами через междоусобные брани и неразбериху феодальной раздробленности.

Войны с кочевниками не были похожи на те войны, которыми полна история европейского средневековья. Это было столкновение двух различных укладов жизни, во многом исключавших друг друга: оседлого земледелия и кочевого скотоводства. Свойственное кочевникам стремление к безграничному расширению своих пастбищ, к уничтожению всего, что мешало земле превратиться в пастбища, грабительские набеги, ставшие постоянным источником добывания жизненных благ, — угрожало самому существованию соседних со степью оседлых народов. «Кочевник искал свободной земли, чтобы пасти скотину, и оседлых соседей — для грабежа. Избавиться от кочевника удавалось, убив его или сделав его оседлым» (стр. 118). Поэтому в борьбе с кочевниками не было равнодушных: они угрожали всем, и князьям, и смердам. Только объединенными усилиями всей Руси можно было сдерживать натиск степняков. Борьба с кочевниками была поистине всенародной. Обо всем этом рассказывается в романе В. Д. Иванова:

«Восток бил Русь крыльями, клювом, когтями. Русь отступала, отбивалась на опушках своих лесов и, бросившись в степь, ломала азиатские крылья.

Никто с запада не приходил помогать Руси отбиваться. Повернется Русь лицом на восток, запад ее бьет в спину. Отмахнется Русь — с востока ударят...»

Против степи насыпали земляные валы, ставили земляные крепости. Озирая сотни верст доживших до наших лет укреплений, удивляешься: откуда руки брались при тогдашнем безлюдьи! Такое могли совершать только доброй волей, только понимание дела удерживало заступ в руках. Насильно такого не сделаешь!

На старые наши могилы просится справедливая, простая надпись: они сделали все, что смогли. Дай бог и другим такую же память!» (стр. 120—121).

Будто бросив взгляд далеко вперед от описываемых в романе событий, перелистав, как страницы, долгие годы борьбы со степью, В. Д. Иванов заканчивает:

«До самого недавнего времени русские соседствовали с кочевниками, которые пополняли свои недостатки набегами на Русь. Русские теснили соседа-грабителя, побеждали, осаживали на землю.

Забывчивы мы. В близкие годы — ста лет еще не истекло, при дедах, чьи внуки живут сегодня, — наши

среднеазиатские соседи набегали к нам за добычей и за людьми...» (стр. 122).

...Нет, народ не забывает своей героической истории! О русских богатырях, стоявших в древности на сторожевых заставах у края Дикого Поля и оберегавших родную землю, сложены былины. Столетиями хранила былины память народная, передавая из уст в уста. С киевских «украин» перешли былины в тишину заволжских лесов, на русский Север, и длинными беломорскими вечерами слушали сказания седой старины белоголовые ребятишки, те самые, что, повзрослев, штурмовали стены столицы Казанского царства, ходили с Ермаком Тимофеевичем в Сибирь, изгоняли поляков из белокаменной Москвы, били шведов под Полтавой, турок — на стенах Измаила, французов — на Бородинском поле. Записанные рукой кладовщика-фольклориста, былины живут среди нас памятью о славных подвигах далеких предков...

На укрепленных линиях у степной границы, в совместных ратных трудах и общих тревогах братались вятич с кривичем, рассудительный новгородец с горячим киевлянином, стирались племенные различия, созревала высшая общность — общность народа. «Степь не только убивала, угоняла в плен, грабила. Степь давила. Степь выгоняла русских на север» (стр. 186), выходцы из южнорусских земель селились на новых местах, смешивались с местным населением. Усиливались территориальные и культурные связи, формировались черты будущего национального характера. Советский историк Л. В. Черепнин не случайно писал, что «ускоряющим моментом в процессе складывания русской народности являлась борьба со степными кочевыми народами»¹.

Автор романа «Русь Великая», вполне справедливо подчеркивая роль общности территории, языка и общей борьбы с наступлением кочевников для складывания единства славянских племен, к сожалению, не обращает внимания на некоторые другие факторы, игравшие значительную роль в этом процессе формирования древнерусской народности. Имеется в виду, прежде всего, роль Древнерусского государства, объединившего в своем со-

¹ Л. В. Черепнин. Условия формирования русской народности до конца XV в. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М., 1958, стр. 10, 27, 38—39.

ставе большинство славянских племен и способствовавшего их сплочению, а также влияние на этот процесс развивавшихся феодальных отношений. Кстати, нечто подобное можно проследить и в предыдущем романе В. Д. Иванова «Русь изначальная», посвященном событиям VI столетия: показывая роль внешней опасности в объединении славянских племен, автор недостаточно раскрывает социально-экономические причины этого процесса. У читателя невольно создается впечатление, что внешнеполитический фактор был чуть ли не единственной причиной объединения славянских племен, что, конечно, неверно¹.

В романе В. Д. Иванова описывается Русь второй половины XI столетия, когда уже заметны признаки будущей феодальной раздробленности, привычными становились княжеские междоусобные распри. Бились между собой за «стольный» Киев сыновья великого князя Ярослава Мудрого, от города к городу скакал с дружиной удальцов князь-изгой Всеслав, нарушая установленный обычаем порядок замещения княжеских «столов» по старшинству в роде. Князья-соперники делили между собою Русь: по ту сторону — твоя, по сю сторону — моя. Но еще не пришло время для разделения древнерусской народности на отдельные ветви, страна оставалась в своей основе единой, и этот факт справедливо отмечает автор романа. Князья ссорились и воевали друг с другом, «русские же земли жили своими заботами, не было нигде ни волненья, ни шума, ни какой-либо смуты. Русь оставляла князей спорить между собою своими же силами» (стр. 37). Тмутараканский князь Мстислав вывел на бой к Листвену разноплеменную дружину, в которой «братались яс и косог с хозарами, с беглым ромеем, с печенегом, с аланом, с абсагом. Было с ним небольшое число своих, северских молодцов, охочих до драки. Такое же примерно число новгородских бобылей пополнило варяжскую дружину Ярослава», соперника тмутараканского князя. «Русская земля встала стороной, не вмешиваясь, не помогая и не препятствуя, — пусть бог их судит» (стр. 37). Победил Мстислав, утвердился в Чернигове, а Ярослав держал Киев. «...Русь же жила, как жила. Ни

¹ Подробнее см.: В. В. Каргалов. Древняя Русь в советской художественной литературе, стр. 8—16.

один из путей не был прерван, никому не чинили препятствий на дорогах, нигде не было стражи, которая приказывала: не ходите туда, там земля Ярослава либо Мстислава...» (стр. 38). Князь-изгой Всеслав, для которого в усобицах — весь смысл жизни, рассуждает о народе: «Они подобны лесу, мы, князья, не более чем ветер. В наших ссорах пролетим поверху, вершины качнутся, а — лес стоит...» (стр. 137). Конечно, княжеские усобицы, не затрагивая основ русской жизни, все же нарушали спокойствие на Руси, мешали развитию хозяйства и культуры. Недаром автор романа так пишет о времени, когда князья заключали недолговечные мирные договоры или попросту выжидали более удобного момента, прерывая свои походы: «В обоюдном неделании и заключалось самое нужное княжеское делание: день без войны — сытый день, мирный год — добрый год. Ветер усобицы не шумел по вершинам, корням было вольнее, осевшие торки — черные клобуки, и берендеи, и печенеги, и прочие легче русели» (стр. 145). Впереди был еще один период единства Древнерусского государства, собравшего все русские земли под железной рукой великого киевского князя Владимира Мономаха (1113—1125) и его сына Мстислава (1125—1132), а затем наступило время феодальной раздробленности. Своими рассуждениями о том, что княжеские усобицы проходили «поверху», не затрагивая основ народной жизни, В. Д. Иванов как бы подводит читателя к пониманию того, что феодальная раздробленность не была временем регресса, упадка, что она, разъединив Русь политически, не нарушила национального и культурного единства страны, не ликвидировала условий для ее дальнейшего поступательного развития. И это было действительно так.

Раздробленность явилась закономерным этапом в истории феодальной формации на Руси, обеспечила успешное политическое, экономическое и культурное развитие русских земель. Утверждение в местных феодальных центрах своих княжеских династий, прекратившее бесконечные перемещения князей с их дружинами из города в город, из княжества в княжество, было положительным явлением, ведь даже простые «отъезды» князей (не говоря уже о феодальных войнах!) создавали обстановку неустойчивости, в какой-то мере нарушали нормальную жизнь, обостряли классовые противоречия. В период фео-

дальной раздробленности князья, прочно осевшие в своих «отчинах», старались не истощать их хищническими поборами, чтобы оставить наследникам в приличном состоянии, строили новые города, крепости, украшали их белокаменными соборами. Так действовали в своей «залеской отчине» и Юрий Долгорукий, и Андрей Боголюбский, которым Москва обязана своим превращением из боярской усадьбы в княжеский город. Внутри больших земель-княжений во второй половине XII — начале XIII века уже наблюдалась тенденция к усилению княжеской власти, постепенная политическая консолидация, подготавливавшая объединение страны на более прочной основе. Эту тенденцию нелегко проследить в неразберихе княжеских междоусобных войн, заговоров и кровавых столкновений князей с собственными боярами (из которых князья далеко не всегда выходили победителями — достаточно вспомнить гибель от мечей заговорщиков владимирского «самовластца» Андрея Боголюбского!), периодических «отпочкований» мелких и мельчайших «уделов», в которых сидела строптивая «меньшая братия» владимирских, черниговских, смоленских, полоцких, галицко-волинских и других «великих» князей, — но условия для политического объединения уже складывались.

Несмотря на частые усобицы, страна переживала период экономического подъема. Успешно развивалось сельское хозяйство, основа экономики феодальной Руси. Повсеместное распространение получало пашенное земледелие, вытеснявшее подсеку даже в северо-восточных, лесных районах. Осваивались новые земли в Поволжье и на русском Севере. В сельском хозяйстве стало массовым применение железных орудий: по археологическим материалам известно более 40 видов различного сельскохозяйственного инвентаря того времени. А с совершенствованием орудий земледельческого труда повышалась и его производительность. Этому способствовало также распространение натуральной ренты, которая предоставляла крестьянскому хозяйству большую самостоятельность и увеличивала заинтересованность крестьян в результатах своего труда. Большой экономический подъем переживали и города: в XIII столетии их насчитывалось около 300. Археологические раскопки древнерусских городов свидетельствуют о высоком искусстве русских ремесленников, о наличии многочисленных ремесленных

специальностей (их насчитывалось до 60!), о массовости ремесленного производства. Изделия русских ремесленников — кузнецов, оружейников, ювелиров — славились далеко за пределами Руси и вывозились в страны Центральной и Западной Европы. Продолжала развиваться и культура. Вырастали новые культурные центры в различных областях страны, которые вносили свой вклад в общую сокровищницу древнерусской культуры. Исчезала культурная монополия Киева, но во Владимире, в Галиче, в Чернигове, в Новгороде и многих других городах Руси развивалась своя культура, отличавшаяся местными особенностями и своеобразием. Однако и в условиях феодальной раздробленности русская культура в своей основе оставалась единой, как был един народ, создавший ее: культура русских феодальных княжеств выросла из богатейшего культурного наследия Киевской Руси, была объединена общностью исторических судеб и социально-экономической структуры русских земель, единством материальной основы феодального общества. По всей Руси широко развернулось каменное строительство — местные князья, обособившись от Киева, старались украсить свои новые столицы роскошными постройками. Многие шедевры древнерусской архитектуры, вызывающие восхищение до наших дней, созданы в это время: строгие церкви Великого Новгорода, белокаменные соборы Владимиро-Суздальского княжества, украшенные искусно резьбой, роскошные дворцы Галицко-Волынской земли. Широко распространилась грамотность, переставшая быть монополией господствующей верхушки русского общества. Можно без преувеличений сказать, что для городов Руси грамотный человек не был редкостью. Грамота прочно вошла в быт, о чем убедительно говорят многочисленные находки «берестяных грамот», надписи мастеров на своих изделиях, «граффити» простонародья на стенах церквей. Автор поэтического древнерусского сказания имел все основания писать с восхищением о своей родной земле:

«О светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская и многими красотами преисполненная: озерами многими, реками и источниками, месточестными горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами

обильными, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты наполнена, земля Русская!..

Правда, и в это время была «болезнь христианам от великого Ярослава (Мудрого) и до Владимира (Мономаха), и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрья (Всеволодовича), князя Владимирского»¹. Этой болезнью были княжеские усобицы, отсутствие политического единства, что ослабило военные силы страны и позволило в середине XIII века монголо-татарским завоевателям одолеть Русь... Но эта трагедия истории ничуть не умаляет величественной «Руси Великой», описанной сказителем-современником, не нарушает правды одноименного романа В. Д. Иванова, посвятившего ей свои страницы. Таковы были глубокие корни, выкорчевать которые не сумели ни бесчисленные монгольские сабли, не иссушающие дани и «выходы» иноземного ига. Из этих корней через несколько столетий выросла могучая Московская Русь. Выросла и стоит, невзирая на все испытания, которые были уготованы для нее историей.

В романе В. Д. Иванова есть, конечно, отдельные ошибки и неточности. На мой взгляд, автор несколько преувеличивает «свободу», в которой жила Русь XI—XII столетия. Навряд ли можно согласиться с автором, когда он пишет, что «Русь, молясь по-новому, жила старым обычаем. Думала, что живет и жила свободно, платя цену, называемую усобицами, беспорядком» (стр. 47). В. Д. Иванов, к примеру, пишет применительно к XI веку, что «все больше копилось различного между поляками и русскими». Что же это «различное», что, по мнению автора романа, было в Польше и чего не было на Руси?

«В Польше много крупных земельных владельцев, державших землю по наследству, собственников. Они раздавали землю от себя, требуя ежегодных платежей и военной службы от зависимых людей. Они, сильные владельцы, имели собственные дружины, могли поднимать собственное ополчение. От короля они мало зависели, король что дальше, тем больше зависел от них... С принятием христианства по римскому обряду в Польше до-

¹ Слово о погибели Русской земли. Цит. в переводе акад. М. Н. Тихомирова. В кн.: «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до XV в.». М., 1960, стр. 431—432.

статочные все быстрее и заметнее обособлялись от малодостаточных... Связи кровные по крови, по племени заменяются обязанностями должника перед займодавцем, исполщика перед владельцем; на смену обоюдному согласию приходит понуждение слабого — сильным, сильного — сильнейшим» (стр. 219). Но ведь это не что иное, как описание феодальных отношений, которые в XI—XII веке господствовали и на Руси! Думается, противопоставлять Русь и Польшу нельзя: социально-экономический строй этих стран был в главных своих чертах одинаковым, феодальным. Имелись на Руси и свои особенности, в частности в тех землях, на которые феодализм в XI веке еще только распространялся, например, в вятичских лесах, и нельзя не согласиться с автором, когда он пишет:

«...Опасно лезть в лес без спроса по вятичским следам. Тропы заваливают, с деревьев стреляют — безумный сунется. Здесь по-норманнски землю не соберешь, будь трех пятей во лбу» (стр. 175). Но все это не изменяет существа дела: Русь была феодальной страной, феодализм шел и в вятичские леса, и не в путях его распространения главное — Северо-Восточная Русь по характеру своих общественных отношений в общих, основных чертах не отличалась от южнорусских княжеств, знавших феодальную эксплуатацию еще во времена «князя-вятизя» Святослава и Владимира Святославовича.

Кстати, представление о Руси как о земле классового мира и единства «вольных людей» уже высказывалось В. Д. Ивановым раньше, в романе «Повести древних лет», посвященном древнему Новгороду. В Новгородской земле, по словам автора, все жили «по коренной Правде», и «вольные люди все равны», причем «всем были понятны основы доброй Новгородской Правды, заключающиеся в очевидно-человечном признании равного права (!) всех (!!) людей на вольность и на блага земли!»¹. Правда, в Новгороде есть и бояре со своими «захребетниками и подсоседниками», но не они решают судьбы города: «В Новгороде есть один общий закон для всех людей, лучших и худших... В Новгороде худые мужики-вечники своими голосами перевешивают волю и голоса лучших людей... Новгородские старшины зависят

¹ В. Д. И в а н о в. Повести древних лет. М., 1955, стр. 16, 66, 496.

от темного веча...». Это, конечно, неверно. Классовый феодальный характер древнего Новгорода достаточно хорошо показан в исторической литературе.

Отметим некоторые неточности, встречающиеся в романе «Русь Великая». Берендеев автор поселил на Плещеевом озере; на месте Переяславля-Залесского, пишет он, был «город берендейского князя», а сами берендеи происходили из чюди (стр. 189, 190). Между тем берендеи были одним из кочевых племен, входивших в состав «черных клобуков», служивших южнорусским князьям и охранявших степи от половецких набегов. В 1105 году, судя по сообщению летописца, берендеи воевали с половцами на Зарубе, неподалеку от города Переяславля-Южного, расположенного на левобережье Днепра. Однако основная масса берендеев осела в Поросьи, южнее Киева. Берендейское конное войско, приходившее на помощь русским князьям в войнах со степью, достигало 30—40 тысяч человек¹. А у В. Д. Иванова «погибли берендеи от мора в давние года, еще до князя Святослава, когда на Руси начинались первые князья!» Далее. Будущего основателя Монгольского государства на страницах романа нарекают «Чингизом» (стр. 527), хотя общеизвестно, что родовое имя его было Темучин, а «Чингисханом» он был назван в 1206 году, после провозглашения на «курултае» — съезде монгольских феодалов — великим монгольским ханом. Есть в романе и другие неточности. Однако в целом роман удался. Он попросту интересен, и интересен прежде всего тем, что ставит большие вопросы истории и пытается дать на них ответы. И во все не недостаток романа, если на некоторые из этих вопросов нет ответа — читатель побуждается к раздумью, к размышлениям, к поискам самостоятельных решений. Роман заставляет думать, а это главное. Кое в чем он ставит задачи и перед специалистами-историками. Вот, например, как рассуждает боярин Стрига, воевода пограничной крепости Княтин на реке Суле:

«Я почитаю Святослава великим князем за то, что он в походах так хозар разбросал, что само имя их пропало... На что было Святославу воевать Империю! За то время печенегии пришли на место хозар, едва Киев не разорили. И пошло бедствие от печенегов. Князь Свято-

¹ Подробнее о «черных клобуках» см.: В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 107—113.

слав дружины израсходовал против греков понапрасну... Так и ушел, настоящего не совершив».

«Какого настоящего?» — недоумевает собеседник воеводы.

«На Волге рубеж положить. Княтину, да Лубнам, да Римову стоять бы не на Суле, — на правом волжском берегу. Были на такое у Святослава и сила, и время. Половцев били б на переправах, всех бы смиряли заволжских. И осаживали их на хорошей земле, учили б пахать, и, глядишь, они бы, оседлые, вместе с нами заботились о волжских крепостях. Как берендеи и торки на Руси... Сломать нужно половецкую кость, как сломали хозарскую, и встать на Волге» (стр. 365—366). Сразу возникает множество вопросов и сомнений. А как быть с византийской экспансией в Северном Причерноморье, настолько ли напрасным был поход Святослава на Дунай? Печенегі пришли в южные степи не во время походов Святослава, как пишет автор романа, а гораздо раньше, на рубеже IX и X столетий, и в 920 году киевский князь Игорь уже «воеваша на Печенегы»¹. Насколько реальным было в таких условиях дело освобождения от кочевников всего простора степей до Волги? Была ли Русь тогда в силах посадить кочевников на землю? удержать рубеж по Волге? А не лучше ли было держать оборону от воинственных кочевников на рубежах родной земли, подпираемых сзади недоступными для степняков лесами? Но все-таки, как развернулась бы дальнейшая история Руси, встань Святослав со своими полками на Волге? Во всяком случае, надо всем этим стоит поразмыслить...

¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 32.

МОСКВА И «МОСКОВЛЯНЕ»

Начало XII столетия. Могучая держава киевских князей, раздираемая междоусобными распрями, истекающая кровью в бесчисленных битвах с воинственными кочевниками-половцами, доживала последние десятилетия своей истории — неотвратно близилось время феодальной раздробленности. Киев еще считался по традиции главой всей Руси, но уже выросли и стремительно набирали силы другие города, соперники древней столицы. Центр политической жизни страны постепенно перемещался из Среднего Приднепровья, из обжитой Киевской земли на северо-восток, в лесистое междуречье Оки и Волги, еще недавно бывшее глухим «залесским углом», куда с неохотой ехали неудачники-князья, чтобы собраться с силами перед новыми битвами за выгодные «уделы». Но сюда, во Владимиро-Суздальскую землю, издавна уходили от разорительных половецких набегов, от злого боярского засилья смерды с южных окраин. По соседству с древними поселениями вятичей — коренных жителей этого края — выростали новые села и деревни, появлялись расчищенные от леса и кустарника пашни, поднимались рубленные стены городов: Ростова, Суздаля, Мурома, Рязани. Поистине грандиозным был труд народа, осваивавшего дикую землю, и земля щедро благодарила смерда-землепашца тучными нивами. Пока на полях Приднепровья звенели мечи княжеских усобиц, далекий «залесский» край богател и креп. Укрывшись лесами от набегов из степи, отправляя на восток по Великому Волжскому пути дары земли и леса, принимая на свои необъятные просторы беглецов, искавших лучшей доли, Владимиро-Суздальская земля исподволь готовила свое главенство над Русью. Впереди был еще один период подъема раннефеодальной монархии — время Владимира Мономаха (1113—1125), снова собравшего воедино Русь, но это была уже лебединая песня державы великих киевских князей. «Для молодого русского феодализма IX—

XI вв., — писал академик Б. А. Рыбаков, — Киевская Русь была как бы нянькой, воспитавшей и охранившей от всяких бед и напастей целую семью русских княжеств. Они пережили в ее составе и двухвековой натиск печенегов, и вторжение варяжских отрядов, и неурядицу княжеских распрей, и несколько войн с половецкими ханами и к XII в. выросли настолько, что смогли начать самостоятельную жизнь»¹. В этой «семье русских княжеств» вышла на самостоятельную дорогу и Владимиро-Суздальская земля, на западной окраине которой, на крутом берегу Москвы-реки, делала свои первые шаги в историю будущая столица нашей Родины...

Этому сложному и интересному времени посвятил свой исторический роман «Московляне» советский писатель Г. П. Блок. Князь Владимир Мономах ехал «сквозе Вятиче» в стольный Киев. Позади были долгие годы междоусобных войн с князьями-соперниками, трудных походов в половецкие степи, заигрывания со своевольным боярством — Мономах победил, его ждал великокняжеский киевский «стол». «Под тяжестью руки Мономаха присмирели завистливые князья, притихло ненасытное боярство, примолк строптивый Новгород..., рассыпанная хламида Русской земли собралась опять, кирпич за кирпичом». Но уже не было в местных феодальных центрах прежней «ревности» о единстве Русской земли. «Оскудела в князьях эта ревность. И в князьях, и в боярах, — рассуждал Мономах, — ...Все глядят врозь. Каждый тянет к своей вотчине, к своему городу. У каждого одна забота — как бы приложить дом к дому, село к селу. Разбогатеет, огородится в дубовых хоромах и думает: «На что мне Киев? Я сам силен, обойдусь и без Киева...»². Эта внутренняя противоречивость возродившейся на время раннефеодальной монархии наложила отпечаток и на политику, и на личность самого Владимира Мономаха. Мономах — за единство Руси, ищет обоснование своей объединительной политики в «дедовской старине», в былинных временах князей Святослава и Владимира, но сам в своей политике проводит «опасную новизну», фактически отрицавшую любимые им «де-

¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1, М., 1966, стр. 574—575.

² Г. П. Блок. Московляне. М., 1965, стр. 11—12.

довские обычаи». Для его отца, князя Всеволода Ярославича, «Ростово-Суздальское залесье» было не более чем «заглазный и мало ценимый придаток к его главной, Переяславской волости, расположенной под Киевом. Теперь же, когда из-за половцев Переяславская волость стала на время недоступна, Ростовская земля приобрела вдруг новое значение». И, утвердившись на киевском великокняжеском «столе», Мономах не забывает о Владимир-Суздальской земле, старается закрепить ее за собой и своими потомками. Поборник «старины» выступает в данном случае как типичный феодал периода раздробленности, общерусская направленность его политики превосходно уживается с особой «ревностью» к своей собственной «залесской» вотчине. «И Владимир старый и Святослав, — продолжал он размышлять, — наведывались в эти леса только изредка мимоходом: соберут с вятичей дань и уйдут. А нам и детям нашим с этими вятичами жить. Чтобы сделать их подлинно своими, надобно понасажать сюда поболее своей старой чади, нарезать дружинникам здешней земли, настроить в лесах монастырей, наделить и их земель, огородам, ловищами и пожнями...» (стр. 18—19). С этой политикой Владимира Мономаха автор книги «Московляне» и связывает возникновение Москвы: волей князя Владимира Мономаха дружинник Кучко, привыкший только «бродяжить с дружиной да помахивать булавой», остался «с челядью» в селе над рекой Москвой и начал хозяйствовать: «манить людей в укромные московские дебри, ни разу еще не охваченные войной..., соблазнять истомленную бедноту надеждами на льготную жизнь». И приходили люди на берега Москвы-реки, росла и богатела «кучкова» вотчина, появились в ней ремесленники, широко раскинулись вокруг пашни. «За первым десятком лет миновал второй, и уже в новые московские слободы потянулась вся ближайшая вятичская округа, зная, что здесь легче найти и ловкого рукодельника, и нужный товар» (стр. 29—30). Так представляет себе Г. П. Блок начало Москвы, и его гипотеза кажется вполне правдоподобной: так могло быть, так начинался не один город на Руси. Но так ли это было в действительности — сказать трудно. Русский летописец сообщил о Москве под 1147 годом только как о месте, где князь Юрий Долгорукий мог принять князей-союзников и предложить

«обед силенъ» им, и «мужьямъ» их, и дружине: союзник Юрия северский князь Святослав воевал «Смоленскую волость», и «посла же к нему Юрьи, река: «буди, брате, ко мне на Московь». Святослав же поиде к нему и с сыномъ своимъ Олгомъ в мале дружине, поем съ собою Володимера Святославича. Олегъ же еха наперед къ Юрьеву, и да ему Юрьи пардус, по нем же прииде и отецъ его Святослав. И тако любезно целовашася в день пяток на похвалу богородици и тако възвеселишася вкупе. На утреи же день устрои Юрьи обед силен и створи честь велику им и да Святославу дары многы с любовью и сынови его и Володимеру Святославчю и мужи их учреди, и тако отпусти их, и обещася Юрьи пустити къ Святославу сына своего, еже и створи. Святославъ же с Москвы възвратися къ Любынску и оттуда к Нериньску и перешед Оку ста»¹. Описание пира в повести Г. П. Блока удачно перекликается с этим летописным текстом. Шумно пируют в бывшей «кучковой» вотчине Юрий Долгорукий и Святослав Северский, чернеют вокруг шатры и коновязи суздальского войска. А в одной из комор кучкова терема, «под треск неровно пылавшей лучины Юрьев духовник, положив на колено тетрадь, вписывал в нее что-то. Иногда он вскидывал голову и сурово глядел на железный святец, куда была воткнута лучина. Потом опять прикивал к тетради и принимался усердно выводить крупным уставом букву за буквой, слово за словом, строку за строкой...

События этого дня дали повод внести в позднейшую летопись первое упоминание о Москве» (стр. 55).

Так Г. П. Блок заканчивает в своей книге историю Москвы — боярской вотчины и начинает историю Москвы — «княжого» города.

«Рубят город!

Такой звонкой стукотни топоров, таких длинных, скрипучих обозов, волочивших по снегу толстые дубовые бревна, такого рабочего многолюдства и такого движения Москва еще не видывала и не слыхивала.

На всех лесных поселках и слободах по обоим берегам Москвы-реки и Неглинной все головы шли кругом и все разговоры неизбежно возвращались к одному:

— Рубят город!» (стр. 67).

¹ ПСРЛ, т. 25, стр. 39.

Шли годы, подходила к концу третья четверть XII века. «Град мал древян на устье Неглинной зорко сторожит со своих лесных высот южные рубежи Андреевой¹ области и, пользуясь годами тишины, неприметно копит силы». Прошло еще четверть века. Московский посад «раскидался теперь чуть ли не впятеро шире, сползая одним концом к самой реке, другим тянулся к Кучкову полю и был прорезан не одной, как встарь, а тремя улицами», на торгу появились «гости» из далеких стран. Рос и креп город, «но кто думал-гадал, что Москве царством быти?».

Именно в это время о Москве заговорили летописцы. В 1175 году, после смерти великого князя Андрея Боголюбского от мечей бояр-заговорщиков, его младший брат Михаил, претендент на великое княжение владими́ро-суздальское², выбрал Москву как опорный пункт. Видимо, в Москве можно было отсидеться, дожидаясь за ее новыми стенами благоприятного момента для выступления. В следующем, 1176 году князь Михаил Юрьевич снова стремился захватить Москву. В Москве он ждал владимирскую дружину, чтобы идти на столицу Владимиро-Суздальской земли³. В 1177 г. рязанский князь Глеб специально ходил походом на Москву, — видимо, роль этого города в русских делах была значительной. Как сообщает летописец, «Глеб же тоа осени иде к Москве и пожьже всю, город и села»⁴. В дальнейшем летописцы неоднократно упоминали Москву: под 1207, 1208, 1209, 1212, 1213 годами⁵.

Та же тема, что и в книге Г. П. Блока, — возвышение Владимиро-Суздальской земли и вместе с ней Москвы, — раскрывается в историческом романе Дм. Еремина «Кремлевский холм». Автор рассказывает о том, как из древнего Киева, за который «в тот век без счета рубились князья с князьями», где властвовали киевские бояре — «спесивее и своевольнее новгородских», где бесчинствовали и разоряли деревни и села разбойничьи половецкие орды, — уходили люди на се-

¹ Имеется в виду владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский.

² См.: ПСРЛ, т. 25, стр. 85.

³ Там же, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ См.: ПСРЛ, т. 1, стб. 430, 434; т. 25, стр. 107, 109, 110.

вер, в «залесскую» землю. Здесь, «в глубине Руси, на землях Юрия Долгорукого, младшего сына покойного Мономаха, в «Великом углу», где, подобно тетиве гигантского лука, протянулась между Окой и Волгой река Москва, — было тихо. Там строили, драли землю под пашню, сея на месте бывших лесов веселое жито». В немногих словах Дм. Еремин сумел показать и массовый характер перемещения населения со степного порубежья на северо-восток, и социально-политические причины этого процесса. Шли люди на север, «от леса до леса, от поля до поля, от горя до горя». Народ уходил «оттуда, где богатеющие бояре все круче сгибали спины бедных людей над тяжелой пашней, где люто свистели стрелы, где стучался меч о меч, где голод губил людей на залитых дождем дорогах»¹. Но и Владимиро-Суздальская Русь в XII столетии уже не была «вольной землей», хотя боярский гнет там был, видимо, менее тяжким, чем в старых феодальных вотчинах Приднепровья. Здесь были свои бояре-вотчинники, здесь властной рукой крепил свой «залесский угол» князь Юрий Долгорукий, много сделавший для усиления Владимиро-Суздальской земли. Он, как типичный правитель наступающего времени феодальной раздробленности, стремился по традиции занять великокняжеский киевский «стол», на стороне «примысливал» для своих сыновей и племянников «уделы», но главной для него все равно оставалась своя собственная, наследственная «отчина». В ней он черпал силы, о ней заботился, здесь стремился прочно обосноваться. Дм. Еремин выделил в романе именно эту сторону государственной деятельности Юрия Долгорукого:

«Юрий Долгорукий всю жизнь затевал походы на Киев, Новгород и Рязань. Он силой садился не раз на киевский «стол». Сажал своих сыновей князьями соседних уделов. Но Примосковская, Суздальская земля — была для него основной. Он хорошо усвоил заветы отца своего Владимира Мономаха — крепить Московское порубежье, и рано понял великую силу владения личной землей и людьми на этой земле: князь так же, как и бояре, крепок не столько дружиной, сколько владением больших угодий, людским трудом на личной княжьей

¹ Дм. Еремин. Кремлевский холм. М., 1964, стр. 44—45, 62.

земле. Надобно быть боярином всех бояр» (стр. 122). И Юрий Долгорукий собирал в своих владениях людей из других княжеств, привлекая их льготами, отводя им пашни и угодья, поощрял развитие ремесел в княжеских селах, ставил свои «посады» на берегах «ничейных рек», строил укрепленные города — опору княжеской власти и военной силы. «Он знал: у кого земля и взятые с этой земли богатства — тот и хозяин! А у кого лишь дружина да «стол» в удельной столице, да жадность к легкой добыче — тот легок, как пух голубиный: дунут бояре, с которыми ты в ссоре, — пух полетит по ветру без доли, без воли!

...И вот в то время, когда многие из князей, вроде Ольговичей, крепили не землю, а собирали дружины да бегали от «стола» к «столу», князь Юрий прежде всего приник к родимой земле. Он как бы лег на нее от Муром до Торжка, от Вологды до Москвы-реки и все подгребал, подгребал под себя соседние и ничейные земли, губя слабейших, дружа и торгуясь с теми, кто был сильнее...

Год за годом множились и росли в уделе Юрия села, исады, людные волоки и усолья, рядки и торги, посады и города с подгородьями и слободами» (стр. 123).

Таковы были исторические процессы, вызвавшие усиление Владимиро-Суздальской Руси, давшие жизнь городу на Москве-реке, будущей столице могучего государства. Дм. Еремин в общем верно подметил тенденцию развития княжеской власти в Древней Руси — постепенное превращение князей в вотчинников, в феодальных хозяев своих «отчин», справедливо подчеркнул большие заслуги князя Юрия Долгорукого в возвышении «залесского» края. Однако он, на мой взгляд, несколько преувеличил «ревность» Юрия Долгорукого к своей «отчине» — Владимиро-Суздальской Руси. Политика этого князя была противоречивой. Забота о своем «залесском угле» сочеталась у него с традиционным стремлением к великокняжескому «столу», и в последние годы жизни именно это стремление стало преобладающим. Об этом свидетельствуют изнурительные войны за Киев, которые Юрий Долгорукий вел почти десять лет. Первым настоящим хозяином Северо-Восточной Руси был не он, а князь Андрей Боголюбский, не променявший своей северной столицы на беспокойный Киев.

Дм. Ёремин выступает со своей собственной концепцией возникновения Москвы. Если Г. П. Блок считает Москву вотчиной боярина Кучко, то в романе «Кремлевский холм» Москва с самого начала — «военный княжеский поселок», основанный Владимиром Мономахом. Так пишет Дм. Еремин о возникновении Москвы:

«За темной стеной лесов река бежала неслышно и быстро, неся на себе неверные отраженья просторного, клочковатого неба. У берегов на воде светлели контуры желтых, по-осеннему сникших берез и больших, взнесенных кверху, медового цвета, сосен.

Холмистый берег здесь круто сходил к реке. А за рекой, за устьем Неглинки, опять поднимался холм, подпертый лесами. На самой вершине того холма стоял невысокий «остой» — бревенчатая сторожевая башня без крыши и частокола — будущий Кремль. Под остоем, на среднем ходу холма и возле самой воды, лепились избенки малого поселка и княжья церковка. На сильной воде колыхалась нехитрая пристань из цельных бревен.

В тот год Москва была не селом и не крепостью, а лишь маленьким безымянным поселком с безликим названием «княжья». Но люди здесь жили, как и везде на Руси, хлопотливо, трудолюбиво, с неистощимым терпением снося несчастья да беды, радуясь каждой малой удаче.

Поселок здесь встал давно. От века жило на землях Оки и Москвы-реки могучее племя вятичей. Жили они по рекам, в лесах — в починках и городищах, в селах и мелких поселках, в избах без окон и труб — с черным дымом, с огромной печью из самодельных глиняных кирпичей, с негаснущим родовым очагом. Добывать огонь было трудно, а дать огонь соседу или чужому считалось большой бедой, поэтому очаги не гасились.

От негасимых огней — особенно жарким летом — селенья часто горели. Пепел да черное, обгорелое место были привычны, как мор, как голодное лето, как лютые, злые зимы или бесстрашные жадные звери — волки, медведи да рыси, дерущие скот, а часто — и человека.

Но вятичи были упорны. На горестных пепелищах они опять возводили избы. Опять разводили скот и птицу. Опять на нехитрых станках, под открытым небом, в кузницах и сараях, мастерили посуду из глины и дерева, скамьи, топоры и ручки для топоров, лопаты, цепи из ду-

ба, корыта из липы, кади для меда и жита, ведра и гребешки для волос, обувь да легкие кошелки из мягкого лыка и спелого камыша.

Так возникал сосновый поселок. В центре его поднималась церковка, а по краям, защищая от бесов, ставились сделанные из бревен боги — Ярила, Велес да Лель. Боги стояли и улыбались раскрашенными губами, глядя туда, откуда всходило солнце, а жертвенный дым курился, летел, поднимаясь кверху, а также кверху летел предсмертный крик петуха.

Силками и хитрой охотой вятичи добывали в лесу пушного зверя и птицу. Они добывали мед, собирали желуди, из которых делали кашу, брали грибы, орехи, ягоды, птичьи яйца.

В реках и озерах ловили «мордами» рыбу, искали сладкие корни кувшинок и тростника, сушили их, растирали в муку и делали хлеба. В лугах они находили съедобные и лечебные травы. Вокруг выжигали лес под черную ляду (поле — по терминологии автора романа. — В. К.), раздирали сохами пашню и сеяли всякие зерна, особенно рожь и ячмень, а для ткацкого дела — лен.

Были у вятичей и горны, и камни, служившие жерновками. Ставились возле изб «верейные зубы», на которых сучились веревки из крепкой мочалы, из конопли и волокон крапивы, из камыша — рогоза и многих других растений. Были у них и ткацкие хитроумные станки, на которых вырабатывалась не только посконина, но и тонкое полотно из льна для тельной одежды. Были гончарные, оружейные и иные мастеровые дела.

Вятичи, опасаясь врагов, строили на холмах большие остои с крепким, высоким тыном. На скрещеньях дорог, на лесных просеках и тропах рубили «тверди» — малые крепостные сторожки.

Бились они дубиной, рогатиной, топором, умело владели луком. Но чаще шли на врагов с рогатиной и дубиной: вместо того чтобы издали пускать стрелу за стрелой, не проще ли сойтись вплотную и так решить, кому помогают боги, а кто пришел по лукавству бесов?

Место между Неглинной и Яузой было удобно для поселения: перед лицом бежала глубокая и большая река, называемая на местном наречье «Московой», то есть «темной водой»; справа и сзади лежало русло болотистой, топкой Неглинки. Неглинка делала неприступ-

ным высокий кремлевский холм: ход к нему был удобен только между Неглинной и Яузой, все же иные пути закрыты врагу водой.

Здесь издревле и жили вятичи, то проклиная судьбу после частых пожаров, то снова строясь на спуске к «темной воде», поближе к стенам остоя.

Потом появились избы людей иных: по реке год за годом все чаще ходили с товарами большие ладьи «гостей». «Гости» плыли сверху на юг — в Рязань, с юга же, из Рязани, — в Ростов Великий и в Новгород. А под самым холмом лежал на реке порог. Большие ладьи и учаны, груженные зерном, оружием, кожей и всяким «узорочьем» и добром, не могли миновать порога. Приходилось их разгружать, тянуть волоком, а добро и товары нести на руках по берегу, от одной глубины к другой. А там, где волок, там — отдых. И на привале, среди лесов, на дикой земле, меж устьев Неглинки и Яузы, гребцы купцов из Новгорода или Рязани вздували костры, варили уху, говорили веселые сказы.

Так постепенно здесь, у самой реки, возникали ничейные, доброй душой да ловкой рукой поставленные для ночевок еловые шалаши.

Потом срубили из крепкой сосны избушку.

Потом здесь встала часовня, и черноризец из Киева начал крестить «человеков», живя охотой, медом да подаяньем, беря десятину церкви, а часть — себе.

Понравилось это место Владимиру Мономаху, тогда еще князю Владимиро-Суздальского удела, владельцу здешних земель. Поставил он для себя на среднем ходу холма большую избу — для ночевок во время езды в «полюдь» и славной охоты. Хорошо и удобно было ему ночевать тут, возле Москвы-реки и после — во время поездок к матери и к родным из Киева в Суздаль или из Суздаля в Киев, когда возвращался к себе домой.

Князь не мог не заметить удобств ночлежного места: отсюда можно плыть куда хочешь! Неглинной и Ламой — на Волгу, оттуда — «наверх», в богатое Заволочье, или вниз — до Хвалынского моря; вниз по Москве — дорога в Рязань и к булгарам; верхней Окой — в Жиздру и Десну, на Киев. А там по Днепру — плыви за Черное море, в далекую Византию!

Но этого мало. Москва-река с ее сильной и темной от вековых лесов водой была подобно воротам, в кото-

рые проходили учаны с зерном из Рязани в Новгород, а навстречу им плыли ткани, меха, мечи, варяжские шлемы, соль. Встань у этих ворот, на речном пороге, и только бери с проходящих дань! А не то — закрой те ворота... и сразу Рязань взмолится о мире: Рязани худо жить без обмена, без торга с богатым «верхом». А вслед за Рязанью запросит и Новгород милости у владельца земель московских.

Мономах много думал об этом благе земель на Москве-реке. В конце концов он заложил здесь военный княжий поселок, поставил своих людей. Потом стал дарить любимым своим воеводам вотчины вдоль реки, чтобы селили бояре своих ратников да крестьян в примосковских лесах, крепили ту землю, добывали себе и князю доход и силу.

Младший из сыновей Мономаха — Юрий с детства жил в отцовых местах: в Ростове Великом, в Суздале, во Владимире, за надежной Москвой-рекой. Уйдя княжить в Киев, отец отдал Юрию этот удел не без умысла: пусть младший тоже крепит здесь Русь, растит покой да богатства.

И вот теперь, когда уже не было Мономаха и Юрий стал стар, и пошла борьба за киевский «стол», за выгодное княжение, и дым да набат поднялись над полями Чернигова, Киева и Смоленска, а кровь полилась, как брага на буйном пиру, — теперь земля за Москвой-рекой стала вдруг вожделенной для всей Руси.

Недаром пошли сюда многие осиротевшие и голодные люди, ища защиты...» (стр. 96—100).

Широкая историческая перспектива возвышения московских земель, нарисованная автором романа, звучит убедительно: да, так могло быть; в объяснении причин возвышения Москвы, пожалуй, ничего не пропущено — сказано и о вятичской культуре, оставшейся в наследство переселенцам, и о щедрой природе, и о выгодном географическом положении Москвы, и о торговых путях, которые не могли миновать этого места, и о закономерном процессе перемещения населения в «залесский край», превращавшем его в политический центр тогдашней Руси. Возвышение «залесского края» нашло свое видимое выражение в градостроительной деятельности князя Юрия Долгорукого: «ставил он и крепил города, называя их именами своих детей. В городах тех он строил

большие дома и церкви. Его называли «градостроитель». И он поставил церковь близ устья Нерли. Его старанием выросли Юрьев, Можайск, Кснятин и Кострома, Переяславль и Димитров, а вслед за ними — Москва...» (стр. 124).

О происхождении названия «Москва» много спорили историки. У Д. И. Еремина — свое объяснение этому, близкому для каждого советского человека, слову. В заключительной сцене романа былининник пел о Москве, о том, как умер на берегу реки богатырь Илья Муромец, как насыпали над ним кремлевский холм и поставили «часовенку», и о том,

Как поставили, так услышали —
Будто вздох дошел: «Надо мощь ковать!»
И второй дошел — только «Мощь кова...»
В третий раз дошел — только «Мос... кова...»
Так и стала зваться река: Москва... (стр. 308).

Роман заканчивается началом строительства Москвы-города: «Юрий медленно поднял руку, взглянул на людей, стоявших вокруг и ждущих его приказа, расправил плечи и громко, сильно сказал:

— Да будет покров Московскому граду от всякого зла! Да будет сей град славен людьми! Да будет он крепкой защитой для всей земли Русской! Там, за рекой, между мной и Киевом, гибнут в междоусобицах русские города и веси, орошают иноплеменники земли кровью русских людей. Там тяжело, как в болоте: ступи — утонешь... А здесь, на Москве, как высокий берег! Добро и мир здесь, как и во всей земле Суздальской! За это добро и мир крепко стоят московские люди. Вспомнят о них потомки хорошим словом. Ждет их слава. Ибо, если Киев — колчан, то Москва — стрела, а земля Русская — лук добрый...

Он повернулся к зодчему и с живой, торжественной простотой прибавил:

— Начнем же творить Москву!»¹ (стр. 309).

В следующий раз Москва появляется на страницах художественной летописи земли Русской спустя восемь десятилетий, в тяжкую годину монголо-татарского на-

¹ Здесь автор романа допустил неточность: в 1156 году, к которому летописцы относят постройку московского кремля, Юрий Долгорукий находился в Киеве. На Москве-реке новый город заложил, вероятно, не он, а князь Андрей Боголюбский.

шествия. Зимой 1237 года монголо-татарские полчища хана Батые обрушились на Северо-Восточную Русь. 21 декабря пала Рязань. В начале января 1238 года завоеватели двинулись по льду реки Оки дальше на север, к границам Владимиро-Суздальского княжества. Под Коломной, запиравшей путь на север по Москве-реке, их встретила владимирская великокняжеская рать. Страшной была эта битва. Летописцы единодушно отмечали, что «была сеча великая», «бились крепко», «у Коломны был бой крепок». Но силы были неравны. Сдержать наступление монголо-татарских завоевателей на границах Владимиро-Суздальской Руси не удалось. В битве погибло множество русских воинов, владимирский воевода Еремей Глебович был убит, а князь Всеволод Юрьевич, сын великого князя, возглавлявший войско, «с малой дружиной» прорвался через кольцо врагов и бежал. Путь вверх по Москве-реке был открыт.

Москва, пограничная крепость Владимиро-Суздальского княжества, грудью встретила врага: под ее деревянными стенами Батыю пришлось задержаться. Лаврентьевская летопись так сообщала о разорении Москвы: «Тое же зимы взяша Москву Татарове и воеводу убиша Филипа Нянка, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиша от старца и до сущаго младенца, а град и церкви святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много именья въземше, отидоша»¹. Никаких других подробностей осады и взятия Москвы летописцы не сообщили.

В. Г. Ян в романе «Батый» писал, что нападение монголо-татар на Москву было неожиданным («хотя великий князь уже послал в Москву своего младшего сына, Владимира, однако здесь, видимо, еще не ожидали скорого прихода врага»), и город не успел подготовиться к обороне. Однако Москва оказала врагу серьезное сопротивление. «Бату-хан и его брат Шейбани-хан осаждали Москву пять дней. Жители укрылись за прочными бревенчатыми стенами и отчаянно бились, сбрасывая татар, влезавших по приставным лестницам. Воевода Филипп Нянка и князь Владимир руководили обороной, сменяли усталых бойцов и посылали помощь на особенно опасные места. На пятый день прибыли мета-

¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 460—461.

тельные машины. В город полетели длинные стрелы с пылающей паклей, намоченной горючей жидкостью. Деревянные дома загорались сразу в нескольких местах. Жители уже не успевали их тушить»¹. Только тогда монголо-татары ворвались в город...

Описание монголо-татарского штурма Москвы в романе В. Г. Яна частично подтверждается восточными источниками. Персидский историк Рашид-ад-дин в своем «Сборнике летописей» специально отмечал, что завоеватели «в 5 дней взяли также город Макар (Москву) и убили князя (этого города) по имени Улайтимур (Владимир)»². Автор романа ошибся в следующем: на Москву шел не один Батый со своим «туменом», к которому в последний момент будто бы самовольно присоединился Шейбани, а объединенное войско завоевателей, до этого громившее Рязань и Коломну. Рашид-ад-дин писал, что ханы «Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-хан, Кадан и Бури» осаждали Москву «сообща».

Пятидневная осада маленькой крепости — Москвы — свидетельствует о героизме ее защитников. Достаточно вспомнить, что сильно укрепленная и многолюдная Рязань тоже продержалась всего пять дней, столица Северо-Восточной Руси город Владимир — четыре дня.

¹ В. Ян. Батый. М., 1960, стр. 272, 275 и др.

² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.—Л., 1941, стр. 36.

ПУТЬ К ВЕЛИКОМУ КНЯЖЕСТВУ

Страшен был «Батыев погром». Неисчислимые жертвы и разрушения принес он Руси. Навсегда осталось нашествие хана Батыя в памяти народной как «черная година», как время величайших бедствий. Но зимний поход 1237—1238 годов на Северо-Восточную Русь был только первым, однако, далеко не последним опустошительным вторжением в «Залесский край». В 1252 году во Владимиро-Суздальскую землю пришел с большим войском ордынский «царевич» Неврюй. Монголо-татары перешли вброд реку Клязьму, разбили под городом Переяславлем войско великого князя Андрея Ярославича и «россунушася по земли..., и людии бещисла поведоша до конь и скота, и много зла створше». В 1273 году войско из Орды («царевы Татары») дважды «воеваша Новгородския власти», причем разорению подверглись области, не затронутые нашествием Батыя (Бежичи, Вологда). В 1275 году монголо-татарская рать, возвращаясь из похода на Литву, разграбила земли «около Курска». Летописец сообщал, что «Татарове велико зло и велику пакость и досаду сътвориша христианом, по волостем, по селам дворы грабише, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, и облупивше нагого пустять». В 1278 году «приходиша Татарове на Рязань, и много зла сътвориша». В 1281 и 1282 годах монголо-татары, воспользовавшись княжеской усобицей, дважды опустошили почти всю территорию Северо-Восточной Руси. Сначала на Русь пришло большое монголо-татарское войско во главе с военачальниками Кавгадыем и Алчедаем: «Татарове разсыпашася по всей земле... и опустошиша вся». Отрядами завоевателей были разрушены города Муром и Переяславль, разграблены окрестности Владимира, Суздаля, Ростова, Юрьева, Переяславля, Твери, Торжка. Отдельные монголо-татарские разъезды появлялись даже «близь Новагорода». Затем, в следующем году, Русь снова увидела на своих просторах «рать

многу, Тураитемира и Алына и многих Татар». По словам летописца, они, «пришедше, много зла створиша в Суздальской земли, якоже и прежде сотвориша в мимошедшее лето». В 1283 году войском темника Ногая были разорены земли на южной окраине, вокруг Курска, Рыльска, Воргола. В 1284 году ордынские отряды ходили «ратию к Новгороду» и «много зла учиниша, и волости пожгоша». В 1285 году русские земли снова подверглись нападению «царевича из Орды», причем монголо-татарские отряды рассыпались, грабя и насильничая, по сельским местностям, по беззащитным селам и деревням («бывшим же Татаром в розгонех семо и тамо»). В 1288 году завоевателями были опустошены земли Рязанского и Муромского княжеств: «князь Елортай Ординский, Темирев сын, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муром, Мордву, и много зла створиша»¹.

Самым опустошительным монголо-татарским вторжением после «Батыева погрома» была так называемая «Дюденева рать» 1293 года. Летописцы сравнивали ее с нашествием Батыев, подчеркивая, что Дюденем тоже было разрушено 14 русских городов. Завоеватели прошли от Мурома до Волока-Ламского, «города пожъже», «села и волости и монастыри повоеваша». Среди городов, разрушенных Дюденем, летописцы упоминали и Москву: «много градов избиша, Володимер, Суждаль, Муром, Юрьев, Переславль, Коломну, Москву, Можаяск, Волок, Дмитров, Угличо поле, а всех градов взяша 14, и всю землю пуну створиша»². Множество людей было уведено в ордынский плен; не спаслись даже те, кто спрятался при приближении насильников в лесах, — по словам летописца, они «людей из лесов изведоша!» В том же году «царевич Татарский именем Тахтамир приеде из Орды на Тферь, и многу тягость учини людем». Пройдя по владимирским и переяславским землям, монголо-татары «овех посече, а овех в полон поведе». Еще один ордынский отряд в том же году приходил к Ярославлю. Неудивительно, что под угрозой смерти от кривых татарских сабель и тяжкой неволи в ордынском плену «разбегошася розно люди черные и все волости Переяслав-

¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 473; т. 18, стр. 74; т. 10, стр. 156, 159, 160; т. 7, стр. 176—177; т. 3, стр. 64; т. 7, стр. 179; т. 10, стр. 166—167.

² ПСРЛ, т. 25, стр. 157.

ская, и тако заметеся вся земля Суздальская» (Симеоновская летопись)! А спустя четыре года, в 1297 году, снова была «рать Татарская, прииде Олекса Неврюи»¹. Опустошительные ордынские вторжения продолжались и в начале XIV века.

Такова была обстановка постоянной военной опасности и тревоги, в которой делала свои первые шаги к главенству над Русью Москва. Без учета этой обстановки нельзя понять и правильно оценить деятельность первых московских князей.

Но не только опасностью разорительных монголо-татарских вторжений характеризовалась историческая обстановка в то время, когда Московское княжество начинало свой большой путь к величию и славе. Это приходилось делать в условиях иноземного ига, под давящей властью золотоордынских ханов. Поэтому прежде чем анализировать произведения советских писателей о государственной деятельности первых московских князей, необходимо разобраться в организации властвования золотоордынских ханов над завоеванной Русью.

Государство завоевателей — Золотая Орда — образовалось поблизости от южных границ Руси в 1243 году, вскоре после возвращения хана Батыея из похода на запад. Владения Золотой Орды занимали широкую полосу степей от Иртыша до Дуная, земли Поволжья и Приуралья, Крым и Северный Кавказ (до Дербента). Столица Золотой Орды — город Сарай — находился в низовьях Волги. Золотая Орда считалась «улусом» Монгольской империи и номинально подчинялась великому монгольскому хану, однако ее правитель хан Батый был достаточно силен, чтобы проводить самостоятельную политику. Поэтому, за исключением первых лет после нашествия Батыея, в течение которых еще отмечались поездки русских князей в ставку великого монгольского хана в Каракорум, Русь имела дело исключительно с золотоордынскими ханами.

Монголо-татарские завоеватели эксплуатировали завоеванные страны различными способами. Итальянский путешественник XIII столетия Плано Карпини, проезжавший по владениям монгольских ханов, так писал об общих принципах их политики по отношению к другим на-

¹ ПСРЛ, т. 18, стр. 83.

родам: «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те не подчиняются, потому что они имеют приказ от Чингис-хана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего требуют Татары от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества». Особенно тяжелым было положение народов, попавших в «полную власть» завоевателей, т. е. непосредственно управляющихся монголо-татарской администрацией. Там монголо-татары «отсчитывают десять отроков и берут одного, и точно так же поступают и с девушками. Они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю... Их замысел заключается в том, чтобы одним властвовать на земле...». Практически этот принцип управления землями, непосредственно попавшими под власть завоевателей, выглядел так: монголо-татарский «наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно: чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, а по-немецки оно называется ильтис, поляки же и русские называют этого зверя дохорь [хорь?], и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба».

Но были и другие народы, тоже завоеванные монголо-татарами, но не покорившиеся им полностью и не входившие непосредственно в состав Золотой Орды. С ними завоеватели не могли обращаться так, как описано выше. О взаимоотношениях монголо-татар с такими народами Плано Карпини писал в своей «Истории Монголов»: завоеватели «берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими»

народами, которых они до известной степени боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, учтиво, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предаться им». Правителям таких народов после признания зависимости монголо-татарские ханы «позволяют вернуться» в свои земли и править там под контролем особых монгольских чиновников—«башафов», которые были известны на Руси под названием «баскаков». Конечно, иноземное иго и для таких народов было достаточно тяжелым, но не в такой степени, как для земель, попавших под непосредственное управление завоевателей.

«Башафов, или наместников своих, Татары ставят в землях тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя [Татар], которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них... И не только государь Татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий Татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыка над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого уровня золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно»¹.

Северо-Восточная Русь не попала под непосредственное управление монголо-татарских завоевателей. Решающую роль в этом сыграли героическое сопротивление русского народа полчищам хана Батыея во время нашествия, а также непрекращающаяся борьба Руси против установления иноземного ига. Определенное значение имело, конечно, и географическое положение Северо-Восточной Руси на северном краю золотоордынских владений, и природные условия лесной зоны, не позволявшие там постоянно находиться кочевьям завоевателей. Под-

¹ П л а н о Карпини. История монголов. М., 1957, стр. 54—57, 67.

ходить с общей меркой к взаимоотношениям с Русью было нельзя. Правда, в ставке великого монгольского хана это поняли не сразу. С великим владимирским князем Ярославом Всеволодовичем, хотя ему и давали «высшее место» по сравнению с правителями других завоеванных стран, поступили так же, как и с многими другими: его отравили в ставке великого хана, чтобы, по словам Плана Карпини, «свободнее и окончательнее завладеть его землей». Но в восточном «улусе» Монгольской империи, в Золотой Орде, на отношения с Русью смотрели более реалистично. Золотоордынский хан Батый отлично помнил трудности зимнего похода на Русь и с самого начала взял курс на использование в своих целях местной княжеской администрации, даже не пытаясь организовать непосредственного управления русскими землями через своих чиновников. В 1243 году он вызвал в Орду великого князя Ярослава Всеволодовича, «почти Ярослава великою честью и мужи его, и отпусти и, рек ему: Ярославе! Буди ты старей всем князем в Русском языке!»¹. Фактически это означало признание Северо-Восточной Руси верховной власти золотоордынского хана при сохранении своей княжеской администрации. Следом за великим князем потянулись в Орду за признанием прав на княжение и другие северо-восточные князья. В 1244 году ездили в Орду и вернулись «пожалованы» Владимир Углицкий, Борис Ростовский, Василий Ярославский. Ярослав Всеволодович погиб спустя три года в ставке великого монгольского хана (одно это достаточно определенно свидетельствует, что в отношении Руси у великого хана и у Батыя были различные взгляды!), однако великим князем был признан его сын — Андрей Ярославич, а затем другой сын — Александр Ярославич Невский (с 1252 года). Окончательное же оформление иноземного ига над Русью произошло только в конце 50-х годов XIII века, когда была проведена монгольская перепись и население северо-восточных русских княжеств было обложено регулярной данью.

Сначала дань собирали мусульманские купцы — «бесермены», откупавшие это право у монгольского хана. Однако уже в 1262 году вспыхнуло восстание в русских городах, в результате которого монгольские откупщики

¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 470.

дани были изгнаны. По сообщению летописца, «люди Ростовские, не терпя насилий поганых, собрали вече и выгнали из городов из Ростова, из Суздаля, из Ярославля, потому что откупали те бесурмены дани, и оттого великую погубу творили людям». Так была избавлена Русь «от великого томления бесурменского», непосредственные представители ордынского хана «бесурмены» покинули Русскую землю¹. Какое-то время в северо-восточных русских княжествах еще оставались баскаки, контролировавшие деятельность князей, но их значение постепенно уменьшалось — неоднократные городские выступления конца XIII — начала XIV века приводили к изгнанию ордынских представителей. Управление русскими землями осуществляли сами русские князья.

Однако не нужно думать, что золотоордынские ханы занимали по отношению к завоеванной Руси позицию постороннего наблюдателя, озабоченного лишь регулярным поступлением установленной дани и внешними проявлениями покорности. Они проводили активную политику, направленную на разъединение сил Руси, на увековечение феодальной раздробленности страны². По словам К. Маркса, «натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласие между ними, уравнивать их силы и никому из них не давать усиливаться — все это было традиционной политикой татар»³. То и дело на Руси появлялись с сильными военными отрядами ордынские «послы», вмешиваясь в усобные войны князей. Поэтому князьям, пытавшимся объединить русские земли, приходилось бороться на два фронта: и против князей-соперников, и против Золотой Орды, политика которой препятствовала централизации. Трудно даже было сказать, от чего больше зависел успех — от искусно проведенного похода на «стольный город» князя-соперника или от умелой дипломатической борьбы в ханской ставке. Сложная это была эпоха, и иногда бывает трудно по лаконичным летописным записям понять и оценить замыслы государственных деятелей того времени.

¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 476, 524.

² Подробнее см.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси, М.—Л., 1940.

³ Цит. по кн.: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 237.

Наступавший XIV век в истории нашей Родины был временем, когда восстанавливались производительные силы страны, разрушенные «Батыевым погромом» и последующими монголо-татарскими вторжениями, когда постепенно складывались условия для преодоления феодальной раздробленности Северо-Восточной Руси и освобождения от иноземного ига. Процесс ликвидации разрушительных последствий нашествия начался с восстановления сельского хозяйства. Крестьяне возвращались на прежние места, заново отстраивались и заселялись села и деревни, распахивались пустоши, налаживалось хозяйство. С начала XIV века начался быстрый подъем сельскохозяйственного производства, расширялись земельные площади, занятые под пашни. В документах того времени постоянно упоминаются «чисти» и «росчисти», отвоенные у леса и кустарника. Вокруг деревень появлялись новые поселения — «починки», «слободы». Малоурожайная «подсека» вытеснялась трехпольем. Совершенствовались орудия труда. Массовым стало применение двузубой сохи — «косули» с железными «сошниками», плуга с железным лемехом. Начали восстанавливаться и русские города, особенно сильно пострадавшие от нашествия завоевателей. Росло торгово-ремесленное население, вокруг деревянных «градов» появлялись и расширялись новые «посады». Русь постепенно набирала силы. Экономический подъем был той основой, на которой проходили подспудные процессы политической централизации Северо-Восточной Руси, позволившие ей к исходу XIV столетия бросить открытый вызов Орде.

В политическом отношении Северо-Восточная Русь в начале XIV века была разделена на несколько фактически самостоятельных «великих» княжеств. Ведущую роль играли Московское, Тверское, Рязанское, Суздальское, Нижегородское княжества, правители которых носили титул «великих князей», а также Новгородская земля, являвшаяся своеобразной «боярской республикой». Каждое из «великих» княжеств в свою очередь делилось на «уделы», в которых обычно «сидели» князьями родственники великого князя. Правителем всей Северо-Восточной Руси считался великий князь, получивший от хана Золотой Орды «ярлык» на Владимирское княжество. Временное присоединение территории Владимирского княжества к основным владениям очередного «великого

князя» и поддержка Орды обеспечивали ему определенный перевес сил по сравнению с другими князьями. Этим объясняется ожесточенная борьба за ханский «ярлык» на «стольный» Владимир, которую вели между собой северо-восточные князья. Основными претендентами на «ярлык» в первые десятилетия XIV века были московские и тверские князья.

Московское княжество, выделившееся в конце XIII века, быстро росло и усиливалось. При первом князе нового княжества (Данииле Александровиче, младшем сыне Александра Невского, основателе династии великих московских князей), к нему были присоединены Коломна (1300 г.), Переяславское княжество (1302 г.), Можайск (1303 г.). Следующий московский князь — Юрий Данилович — уже вступил в борьбу с великим тверским князем за Владимирское княжество. Он сумел получить ханский «ярлык» на великое княжение, но вскоре погиб в Орде — тверские князья пока еще были сильнее.

Соотношение сил изменилось при следующем московском князе — Иване Даниловиче Калите (годы правления: 1325—1340). По словам К. Маркса, «при нем была заложена основа *могущества Москвы*»¹. Это были в буквальном смысле переломные десятилетия, выдвинувшие Москву на первое место среди остальных городов Северо-Восточной Руси. И неудивительно, что именно этому интересному времени посвятили свои произведения советские писатели Б. Е. Тумасов и Б. В. Изюмский². Широк круг вопросов, которые поставлены в этих исторических повестях: и раздумья о причинах возвышения Москвы, и попытка отобразить художественными средствами сложный процесс осознания Москвой себя как центра будущей Великой Руси, и стремление показать нарастание освободительной борьбы русского народа против иноземного ига, и оценка политики Ивана Калиты — политики противоречивой во многих своих проявлениях, такой же сложной, каким сложным было породившее ее время.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. 8. М., 1946, стр. 149.

² См.: Б. Е. Тумасов, Русь Залесская. Краснодар, 1966; Б. В. Изюмский, Ханский ярлык. В кн.: «Девичья гора». Ростов-на-Дону, 1961.

Историческая повесть Б. Е. Тумасова «Русь Залесская» начинается со смерти в Орде московского князя Юрия Даниловича; он пал от меча своего соперника, тверского князя Дмитрия Михайловича. На плечи нового московского князя Ивана Даниловича, прозванного впоследствии «Калитой», легла вся тяжесть борьбы за главенство над Русью. Еще сильна была Тверь, еще ее князья владели ханским «ярлыком» на великое княжение, но Иван Калита уверен в своей конечной победе. Он говорит воеводе Федору Акинфичу:

«А Тверскому княжеству все одно не быть великим. Великим княжеством быть Москве... Придет время, всех князей удельных возьмем под свою руку. Москве Русь собирать, чтоб вся русская земля под Москвой была...»¹.

В этих словах — конечная цель политики Ивана Калиты, к достижению которой он стремился всю свою жизнь, не останавливаясь ни перед чем, не жалея ни себя, ни своих соперников. И уверенность Ивана Калиты в том, что он победит, имела под собой достаточные основания — Москва крепла и усиливалась. «Поднялась Москва над всеми городами русскими. Встала из лесов стенами кремлевскими, церквями многими, хоронами боярскими, посадами ремесленными. И ни Батыево разорение, ни набег татарского царевича Дудени не остановили ее роста.

Легла Москва в междуречье Оки и Волги, на перекрестке больших торговых путей. Проходили через нее заморские товары с Балтики; в Великий Новгород — рязанский хлеб; из Крыма по Дону в златоглавый город плыли гости из Сурожа и Кафы, торговали те купцы в Московском Зарядье диковинными греческими и итальянскими, византийскими и персидскими товарами. Знали путь на Москву гости из Орды и Самарканда. И от той торговли еще больше богатела Москва, крепла ее связь с другими русскими княжествами.

Поднималась Москва, поднималось Московское княжество! От татарского разорения бежали в Московию из других княжеств умельцы-ремесленники, купцы и воины, трудолюбивые пахары. Прочно оседали они на московской земле, наполняли богатством казну московского князя.

¹ Б. Е. Тумасов. Русь Залесская, стр. 11.

И за те богатства кто-то с легкой руки прозвал Ивана Даниловича Калитой, денежным мешком, да так и осталось навечно за ним это имя...

Крепло и ширилось Московское княжество.

Еще отец Ивана Калиты — Данил Александрович, примыслил у рязанского князя людную Коломну с округой.

Переяславский князь Иван Дмитриевич завещал Москве богатое пахотными землями да бортными лесами, рыбными ловлями да соляными источниками Переяславское княжество...

При Иване Даниловиче выросли владения Москвы. Кто из князей добром отписал Калите свои города и села, какие он прикупал. А кому из князей и деньги ссужал, дабы по смерти его удел к Москве отошел...

Обросло Московское княжество селами и слободами, разрослось...» (стр. 69—71).

Б. Е. Тумасов совершенно справедливо подчеркивает одну из важных причин усиления Московского княжества — массовое перемещение сюда населения из других земель Северо-Восточной Руси. Это перемещение населения из южного Рязанского княжества, из владимирских земель по Клязьме и муромских земель по Оке, из Переяславского княжества и других районов, подвергавшихся монголо-татарским вторжениям, особенно интенсивно проходило в конце XIII — начале XIV века. Это и неудивительно: по свидетельствам летописцев, после «Батыева погрома» завоеватели разрушали Переяславль-Залесский — 4 раза, Муром — 3 раза, Суздаль и Рязань — тоже по 3 раза, Владимир — по меньшей мере 2 раза (да еще трижды ордынцы опустошали его окрестности). За каких-нибудь 20—25 лет монголо-татарские рати 15 раз подвергали разгрому значительную часть Северо-Восточной Руси, причем каждый из этих походов прежде всего обрушивался на земли по южной окраине. Люди бежали в безопасные места: на север, к Ростову и Ярославлю, и дальше за Волгу — к Белоозеру, к Вологде, к Великому Устюгу, на восток, на Вятку, Унжу и Велугу. Но особенно много людей уходило от ордынской опасности к Москве и Твери, в сравнительно безопасные и уже обжитые места. О бегстве сюда населения имеются прямые свидетельства летописей. Во время «Дюденевой рати» 1293 года враги нашли Переяславль

пустым, «понеже людеи несть, выбегли из Переяславля», «разбегошася разно люди черныя», в то время как в Твери летописец отметил «многолютость» — «бе бо множество людей збеглося во Твери изо иных княжений перед ратью»¹. М. К. Любавский в своем исследовании о заселении и объединении центра писал о значительном увеличении в это время населения на землях Московского и Тверского княжеств и доказывал это целым рядом косвенных данных: появлением там большого количества новых «слобод», возникновением новых монастырей (34 новых монастыря в Московском княжестве, 21 — в Тверском), упоминанием в документах XIV—XV веков сел с названиями «Рязанци», «Ростовци» и т. д., что прямо указывало на местности, откуда пришли переселенцы². Б. Е. Тумасов как бы наполнил живым содержанием этот известный историкам факт перемещения населения Руси на западные и северо-западные окраины, постарался представить, как это происходило, что толкало крестьян и феодалов на трудное для каждого человека расставание с родными местами.

...Небольшое сельцо на Рязанщине. Раннее утро. Юноша Данилка с отцом собираются в поле. И вдруг, неожиданно, «донеслись разноголосые крики. И вот уже заголосили на все лады бабы и детишки, неистово забрехали собаки, от конского топота задрожала земля... По селу с воплями метались испуганные смерды. Везде слышалось: «Орда! Орда!»

На село со стороны проезжего шляха, что вел от Дикого поля на Рязань, с воинственным криком «кху-кху-кху!» тучей неслись всадники.

Данилка остолбенел.

— Мать пряхь! — крикнул ему отец, но было поздно.

Передние всадники, пригнувшись к гривам, с гиканьем проскочили мимо их избы, устремившись за разбегавшимися смердами. Данилка хорошо видел их плоские запыленные лица, ощеренные зубы. Откуда-то вывернулся ордынец в войлочном колпаке и рваном стеганом халате, осадил завертевшегося длиннохвостого коня.

Отец побежал в избу.

¹ ПСРЛ, т. 18, стр. 82; т. 7, стр. 180.

² См.: М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929, стр. 8, 22—33.

— Ит! — завизжал ордынец, и волосяной аркан обвил шею отца, свалил его наземь. Данилка схватил валяющуюся оглоблю, прыжком очутился возле татарина.

— Ха! — взвизгнул татарин, выхватив кривую саблю, но не успел увернуться, как Данилка, махнув оглоблей, выбил его из седла.

— Бежи, батя! — крикнул Данилка отцу, и в ту же минуту страшный удар обрушился на его голову. Парню почудилось, будто само небо рухнуло. Данилка упал, как подкошенный. Что было дальше, он не помнил.

А когда очнулся — в селе уже никого не было, кроме случайно уцелевшего старика. Похоронили убитых.

«Вот и все. А нам, касатик, и уйти не грех, село наше ныне пустошью стало...

— Бездомные мы, дедка. Пойдем бродить по миру, — поддакнул Данилка.

— По миру бродить, касатик, не гоже русскому человеку, его к земле тянет. А пойдем мы на Москву. Там, глаголют, тишина стоит и ордыне воровских набегов не сотворяют...

С далекого холма оглянулись в последний раз на село. Вместо изб — груды обугленных обломков, над которыми курятся дымки да стоят закоптелые глиняные печи. За околицей, над укрытым от глаз высоким бурьяном погребком, темнеет высокий крест. Данилка поставил его из обгоревших бревен». Невесел был этот путь. «Безлюдные сожженные села обходили стороной. От них далеко тянуло гарью, выли, нагоняя тоску, собаки, да кружились над пепелищами стаи воронья. В один набег сожгли татары не только Данилкино село и не одну полонянку, привязанную тугим арканом к седлу, угнали в далекую Орду» (стр. 22—26). А Данилка шел и шел на север. Потеряла пограничная Рязанская земля еще одного доброго работника, приобрела Москва еще одного умельца и воина!

...А вот уход в Москву смерда Гаврилы, который жил в деревеньке, принадлежавшей рязанскому князю. «Раз в год, поздней осенью, наезжал княжеский тиун, собирал оброк зерном да мехами, холстом да кожами и отбывал в Рязань». Но усилился феодальный гнет, раньше тиун «приезжал в аккурат в покров, а тут заявился неожиданно-негаданно сразу же после Ивана Купалы и потребовал оброк непредвиденный... Забрал тиун все, что бабы на-

ткали за год, по клетям выгреб до последнего зерна, приговаривая: «Скоро новое будет», а уезжая, пообещал вернуться к покрову». И отправился смерд Гаврила «место искать, куда б не дошел тиун». Может быть, Гаврила и не решился бы покинуть насиженного места, но, пока он ходил искать лучшей доли, проезжавший через деревню ордынский мирза Сагир-хан похитил и увез с собой его единственную дочь Василиску. «Пришел Гаврила в деревню. Увидел пустую избу, враз понял, что пришло лихо. Взвыл не своим голосом. Сошлись мужики, долго уговаривали. Но велика была печаль» — Гаврила ушел в Московскую землю (стр. 44—50).

«Над лесом топориный перестук. С глухим треском валяются подрубленные деревья... Четыре готовых сруба, подпирая пестрое октябрьское небо стропилами, уже стоят на поляне». Еще одна деревня, населенная пришельцами из Рязанщины, поднялась на земле московского князя. Сюда еще не знает пути княжеский тиун, но пройдет какое-то время, и труд смердов обратится в лишнюю монету в большом кошеле Ивана Калиты. Автор исторической повести не идеализирует гостеприимства московского князя: смерды знают, что и здесь их ждет угнетение.

«Говорил я, что здесь лучше жить, — нарушил тишину Гаврила.

— Пока княжий тиун не назнал, — возразил Демьян, — а как назнает, то уж не забудет. Тиуны все одинаковые.

— Все одно лучше. Тут хоть татар не надо остерегаться.

— О татарах ты верно сказал. В залесье не то, что на Рязанщине» (стр. 154, 156).

Гавриле повезло — он пока что поселился на «вольной» земле, где еще не было княжеского тиуна. Другим пришельцам везло меньше, они сразу селились в княжеских, боярских, монастырских селах.

...Князь Иван Данилович Калита приехал на богомолье в Даниловский монастырь. «Завиднелись монастырские стены. К монастырю прилепилось село. Избы новые, свежерубленные.

Иван Данилович усмехнулся:

— Богатеет братия...»

На вопрос князя: «А смерды-то откуда пришельцы?» игумен монастыря смиренно ответил:

«С Рязани, от ордынцев ушли. На нашей монастырской земле приют сыскали» (стр. 72).

Но не только смерды, спасавшиеся от ордынской опасности, шли в Московскую землю. Под твердую руку московского князя приходили феодалы-бояре со своими дружинами, челядью, зависимыми людьми — никто лучше, чем московский князь, не мог защитить их классовые интересы, уберечь от разорительных для боярского хозяйства усобиц. Да и от ордынских набегов лучше было прятаться за спиной Ивана Калиты, пользовавшегося благосклонностью хана. И уже жалуются друг другу соседние князья:

«У Москвы что ни день, то сельцо новое, то город. Умер Андрей угличский, все Ивану завещал, скончался дмитровский князь Борис — Дмитров Москве отошел. А тут на хребте Орда висит, и не только мужики, но и бояре от нее спасения в Москве ищут» (стр. 73). А в Москве торжествуют:

«Рязанский боярин Дмитрий Бессонов в Москву из Рязани съехал. Намедни еще один прикатил... А на прошлой неделе черниговский боярин Родион Нестерович, а с ним полторы тыщи слуг, челом великому князю ударил. Теперь недалече отсель тот Родион усадьбу возводит» (стр. 264). К сожалению, автор исторической повести, выделяя в переходе феодалов на московские земли в первую очередь ордынскую опасность, не подметил классовых причин этого многозначительного явления.

Большое место в исторической повести Б. Е. Тумасова занимает рассказ о политике Ивана Калиты в отношении Золотой Орды. Автор пытается показать смысл этой политики и ее последствия для проходившего в XIII столетии постепенного процесса государственного объединения Северо-Восточной Руси. Не случайно рассказ о политической линии Ивана Калиты начинается с тверского восстания 1327 года: это кульминационный момент повести, обнаживший позиции всех ее основных героев, и прежде всего московского князя. Восставшим народом в Твери убит ордынский посол Чол-хан, сопровождавшие его татары также были перебиты. Только татарские пастухи, находившиеся в момент восстания за городом, сумели спастись и принесли в Орду весть о случившемся. Руси грозил опустошительный карательный поход монголо-татарских войск. И в событиях этого страшного

времени раскрывается смысл политики Ивана Калиты, направленной на предотвращение ордынских вторжений, на накапливание сил для объединения страны под главенством Москвы. Орда была еще очень сильна, и московский князь Иван Калита отлично понимал это. Первые его слова после получения известий о тверском восстании:

«...Противу татар нам нынче не выстоять, слаба еще Русь, и не миновать тогда другой батыевщины... Все вытерпим — и стыд, и глумление, дабы Москву спасти...» (стр. 77).

Понимая страшную опасность «ханского гнева» и возможного нашествия, Иван Калита как умный и дальновидный политик видел и положительные для Москвы стороны сложившейся обстановки — возможность руками ордынского хана расправиться со своим основным соперником — Тверью: «...Ныне самое время с Александром (тверским князем, — В. К.) счет свести. Теперь Твери не подняться над Москвой» (стр. 80).

Московский князь с богатыми дарами поспешил в Орду к хану Узбеку, чтобы отвести беду от Руси. А «к Сарая сходилось татарское войско. Темники вели свои десятитысячные отряды, как на праздник. Воины ехали возбужденные, довольные предстоящим походом. Они уже чуяли битву, запах крови и дым пожарищ. А чего еще надо для настоящего багатура? Они пойдут дорогой, которую показал мудрый Чингис и по которой водил свои войска великий Батый! Теперь по этой дороге пойдут они.

Багатуры горячили коней. Их ждет впереди победа. Они разорят Русь, растопчут ее копытами скакунов...» (стр. 104).

Иван Калита направил эту грозную силу только против Твери («за вину Александра Русь не в ответе!»), сумел убедить хана Узбека, что Орде невыгодно разорять русские земли («коли разоришь ты Русь, осударь, угонишь мастеровых людей, скот переведешь, обнищает наша земля, чем выход тебе платить будем?»). В результате «Орда шла на Тверь, оставив нетронутой Коломну, обойдя стороной богатую Москву. Темники знают, что хан благоволит к князю Ивану Даниловичу, он не велел трогать его удел» (стр. 123). Тверские «волости» легли под копыта ордынских коней, запылали села и деревни, после непродолжительной осады пала столица княжест-

ва — древняя Тверь. Войско московского князя шло вместе с ордынскими «туменами»...

А у Ивана Калиты уже новые, далеко идущие планы:

«Хорошо, однако, все обернулось. От Руси беду отвели и ко всему руками ордынцев с тверским усобищиком — Александром — покончили... Ныне у Москвы нет соперников на великое княжение... Теперь бы еще от баскаков избавить Русь, да богатство наше приумножать... Коли будет полна сума, иная речь с удельными князьями будет... А когда возьмет Москва всю Русь под свою руку, тогда не станет Орде кланяться. Покуда же надобно терпеть. Ныне гордыней ничего не сделаешь, только хуже будет. Как с Тверью...» (стр. 140).

И снова московский князь отправился в Орду — хитрить, изворачиваться, раболепствовать перед ханом, задаривать его и его приближенных щедрыми дарами, настойчиво и последовательно добиваться своей цели. Он настраивает хана Узбека против его же собственных баскаков («по княжествам баскаки выход собирают, и те баскаки от того выхода немалую толику утаивают»), убеждает хана, «чтоб на будущее без крови было, пусть осударь разрешит нам выход самим собирать, без баскаков. И выход тот не меньший будет». Долго колебался хан и, наконец, решил: «...Отныне не будет на Руси баскаков, а весь ваш выход русские князья будут платить тебе, а ты нам. И за выход тот ты в ответе» (стр. 207, 208, 209). Это была великая дипломатическая победа Ивана Калиты, сразу поставившая Москву над остальными княжествами Северо-Восточной Руси. Московский князь Иван Калита сделал еще один важный шаг к главенству над Русью.

Правильно описав дипломатическую борьбу Ивана Калиты в Орде и оценив ее конечный результат — возвышение Московского княжества, — Б. Е. Тумасов упустил, однако, одно чрезвычайно важное обстоятельство: не столько политика князей, какими бы умелыми и дальновидными дипломатами они ни были, обеспечила особое положение Руси по отношению к золотоордынским ханам и ликвидацию непосредственных представителей ханской администрации («бесерменов» и «баскаков»), сколько последовательная, непрекращающаяся борьба народных масс против завоевателей. Как уже говорилось выше, к изгнанию «бесерменов» привело народное восстание

1262 года в русских городах. Решающую роль в ликвидации баскачества сыграли народные восстания конца XIII — первой четверти XIV столетия. В 1289 году восстали горожане Ростова: «тогда же бе много Татар в Ростове, и изгнаша их вechем, и ограбиша их». В 1320 году снова «быша зли Татарове в Ростове», и «собравшеша людие, изгониша их из града»¹. А спустя семь лет, в 1327 году, вспыхнуло знаменитое тверское восстание, которое, видимо, имело отклик и в других городах (например, в Новгороде). Спротивление народных масс заставляло золотоордынских ханов искать новые формы владычества над Русью². Поэтому только с известными оговорками можно согласиться с общей оценкой политики Ивана Калиты, данной автором повести устами митрополита Феогноста в ответ на упрек, что «великий князь Иван Орде боле служит, чем Руси»:

«...Орда сильная. Ох, как сильна! И идти на нее ссчитом — значит беду на Русь накликать. Видно, о Москве и о всей Руси мыслил князь Иван, когда в Орду с поклоном ездил... А что собирать выход московский князь себе заполучил и баскаков от Руси отвадил, за то ему честь и хвала!» (стр. 216).

Не совсем правильно, на мой взгляд, и неоднократно высказывавшееся автором повести мнение, что князь Иван Калита, борясь за возвышение Москвы, всерьез думал о свержении монголо-татарского ига («придет время, Москва и Орде место укажет!»). Советский историк Л. В. Черепнин, автор монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках», так оценивал политику Ивана Калиты:

«Княжение Ивана Калиты было важным этапом в процессе политического возвышения Московского княжества, как основы объединения Северо-Восточной Руси и главного территориального ядра будущего Русского централизованного государства. Иван Калита действовал как властный князь-вотчинник, неуклонно стремившийся к расширению территории своего княжества и к подчинению своей власти других русских князей. В его деятельности отсутствуют мотивы национально-освободительной

¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 526, 530.

² См.: А. А. Зимин. Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1952, т. 9, № 1.

борьбы. Он не боролся против гнета Золотой Орды, а откупался от хана, исправной уплатой «выхода» доставляя Руси некоторую передышку от татарских набегов. Его политика правяща денежных средств с населения русских земель была неуклонной и жестокой, сопровождавшейся крутыми мерами.

При Калите русскими феодалами не только не было сделано попытки свергнуть монголо-татарское иго (для этого еще не наступило время), но этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения, которые подрывали основы господства Орды над Русью. Калита выступал даже своего рода агентом Узбека по доставке в Орду «выхода». Но, обеспечив себе если не покровительство, то во всяком случае признание ордынского хана, Калита использовал его для укрепления на Руси своей власти, которую в дальнейшем московские князья употребили против Орды. Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других русских князей, не брезгуя для этого татарской помощью, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества, а это содействовало процессу государственной централизации».

Оценивая личность Ивана Калиты и его место в истории Руси, Л. В. Черепнин писал далее:

«Калиту не нужно идеализировать. Это был сын своего времени и класса, правитель жестокий, хитрый, лицемерный, но умный, упорный и целеустремленный. Хозяйственное возрождение разрушенной после монголо-татарского завоевания страны совершалось в результате объективных процессов экономического развития. Действующими факторами этого развития был труд русского народа, его борьба за независимость. Политика Калиты отражала интересы господствующего класса и содействовала укреплению феодального базиса и государственной централизации. Но эта политика, проводимая крутыми мерами, в целом не противоречила объективному поступательному движению феодального общества. Поэтому, несмотря на все неблагоприятные приемы деятельности московского князя и отрицательные черты его личности, эту политику надо признать относительно прогрессивной»¹.

¹ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 512—513.

Б. Е. Тумасов не сумел показать в своей исторической повести противоречивости личности и политики Ивана Калиты, ее классового характера, и, выдвигая на первый план исключительно положительные стороны его деятельности, допустил в образе московского князя отступление от исторической правды. Это проявилось и в приписываемых Ивану Калите мыслях об освобождении от иноземного ига, и в некоторых чертах «народного князя», которыми наделил его автор повести. Иван Калита за просто приходит на свадьбу к дружиннику Данилке, бывшему смерду, одаривает жениха и невесту, гневается, когда воевода поучает дружинника: «Служи, Данило, великому князю, как и доньше служил».

«Глаза Калиты сердито сверкнули...

— Не великому князю он служит, а Москве! Яко и ты, воевода, и я, и все мы!» (стр. 263). На строительстве кремлевских стен великий князь Иван Данилович Калита работает сам, с топором в руках. «Иван Данилович в холщевой рубашке, ворот нараспашку, тешет бревно. Острый топор то скользнет поверху, то залезет в дерево.

Рядом ловко орудует топором молодой кудрявый мастер. Ровные щепки так и ложатся на землю. Настоянный на смоле воздух захватывает дух.

Мастер, не переставая рубить, поучает Калиту:

— Ты-то, князь Иван Данилович, не напрягайся, руку посвободней пускай. Да топор шибко вкось не бери. Гляди сюда!

Чуть поодаль плотники заканчивают ставить избу, пошучивают:

— Во-во, велик князь в подмастерья попал!

— Вот те и Илюха, голодное брюхо, князя седовлавого ремеслу обучает.

Калита усмехнулся:

— Не на всяк дело князь горазд!» (стр. 296—297).

Думается, здесь автору изменило чувство меры: такая идеализация жестокого князя-вотчинника не в ладах с исторической правдой, затушевывает классовую сущность его политики. Неубедительна и сцена прощения Иваном Калитой «лесовиков», бежавших в лес от боярского засилья, бивших и ордынские отряды, и собственных бояр. Главарь «лесовиков» пришел к великому князю:

«А мы — лесовики. Дозволь и нам, великий князь, Москве порадеть.

— Тати?

— Те не так, великий князь. Не тати мы, а лесовики. Кровь е́сть на нас, но токмо ордынская.

— Слух до меня доходил, что разбой чинили вы и на боярски́х вотчинах? А то и есть татьба!..

— Случалось и так, велик князь.

Иван Данилович погладил бороду, вытащил запутавшуюся в волосах щепку. Снова медленно обвел глазами толпу.

— Пусть забудется все, коль сами в трудный час пришли...» (стр. 297).

Идиллическая сцена примирения князя-феодала с «татами» громившими боярские вотчины!

В исторической повести Б. Е. Тумасова, в общем правильно «писывающей Русь XIV века, имеются, однако, некоторые фактические неточности и ошибки. Автор пишет, что в Орду собирали «подушную подать» (стр. 182). Между тем хорошо известно, что единицей обложения при ордынской дани была не «душа», а хозяйство: в городах — дом, в сельских местностях — соха, деревня. По сообщению летописца, во время монголо-татарской переписи в Новгороде «численники» ездили «по улицам, лищюче дома»¹. Крестьяне платили дань в Орду «с всякие деревни по полтине»². По свидетельству В. Н. Татищева, дань урочная со вся земли» собиралась в Орду «по полривне с сохи, а в сохе числища два мужа работнии»³. В этой связи совершенно неправдоподобной представляется и величина дани, которую будто бы (по словам автора повести) собирали ордынцы в Твери: «с князя по сто рублей, с бояр по пятидесяти, с ремесленного люда и смерда — по пяти рублей» (стр. 59).

Упомянув битву на реке Калке, Б. Е. Тумасов пишет: «если бы не действовали русские и половцы порознь, не одержали бы татаро-монголы победу» (стр. 94). Но ведь главная причина поражения заключалась не в том, что русские и их половецкие союзники действовали «порознь», а в феодальном характере самого русского

¹ НПЛ, стр. 82—83.

² ПСРЛ, т. 8, стр. 49.

³ В. Н. Татищев. История Российская. Т. 5, стр. 51.

войска, состоявшего из дружин отдельных князей и фактически лишённого единого командования! Ряд неточностей допущен автором в хронологию. Монгольское государство образовалось не «в конце XII века» (стр. 93), а в начале следующего столетия, на «курултае» (съезде монгольских феодалов) 1206 года. Нашествие Батыя произошло не спустя «двенадцать лет» после сражения на Калке (стр. 94), а через 14 лет (в 1237—1238 годах). Во времена Ивана Калиты в Москве не бывали «гости из Суροжа» (стр. 70) — впервые «гости Суροжане», прибывшие в Москву с ордынским «царевичем» Ирынчеем, упоминаются летописцем под 1356 годом¹ и т. д.

Одним из распространённых (и очень эффективных!) писательских приёмов является включение в исторические повести и романы отрывков из подлинных литературных памятников описываемого времени. В произведении Тумасова старый гуслир на пиру у Ивана Калиты начинает свое сказание «Повестью о погибели Русской земли», почти дословно по тексту известного памятника. Включение этого текста в повесть в данном эпизоде оправдано — поэтическое «Слово» естественно звучит в устах гуслиря. Однако автор вслед за этим заставил гуслиря петь... отрывок из проповеди владимирского епископа Серапиона на церковном соборе 1274 года!² Правомерность объединения таких разнородных исторических источников вызывает сомнение.

Образ московского князя Ивана Даниловича Калиты является центральным и в другой исторической повести, посвящённой этому времени — книге Б. В. Изюмского «Ханский ярлык». Б. В. Изюмский лучше, чем Б. Е. Тумасов, показал противоречивость и классовую направленность политики Калиты, а сам московский князь в его изображении избежал идеализации. Калита — рассудительный, хитрый политик, который не любит риска и опрометчивых поступков, постепенно, по крупицам собирает силы, не останавливается ни перед чем для достижения цели — встать над другими князьями, добиться главенства над Русью. Вот что думает князь, смотря из своего дворца на утреннюю Москву:

¹ ПСРЛ, т. 10, стр. 228.

² См.: Е. Петухов, Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. Спб., 1888.

«Эк разрослась, родная... А давно ли была поселком малым? Не разом строено, много стараний родом нашим приложено. Другие прытко бегают, да часто падают, а надо тишком. Тишком, да наверняка... Исполдволь, неслышными шагами... Где волчий рот, а где и лисий хвост... У бога дней много — можно успеть и татарина провести, и Москву возвысить... коли обмыслено... Хана обведу, посажу!.. Будет делать, что Руси надобно. Пора придет — и честь мою принесет. А спешить нечего: где слех, там и смех»¹. Антиордынское восстание в Твери сразу меняет обстановку: спокойный ход жизни нарушен, нужно рисковать, чтобы выиграть. Калита беспокоится, что «Узбек за Шелкана месть учинит всей Руси, пройдет по ней вдоль и поперек, оставляя лишь дым, пепел, трупы да пустую землю». Но одновременно дальновидный правитель Москвы понимает, что судьба сама дала ему в руки случай добиться главенства над Русью — татарскими руками расправиться с главным соперником, тверским князем Александром:

«Сам бог счастье в руки дает! У тверского князя-раздорника ярлык от Орды дань собирать со всех княжеств... Ханский гнев на одну Тверь направлю...» (стр. 78, 79).

Поездка Ивана Калиты в Орду, чтобы «направить» на своего соперника «ханский гнев» — обдуманый поступок, логическое продолжение всей его политической линии. Калита понимает, что этот его поступок может быть многими осужден, но уверен в своей правоте. Он говорит сыну перед отъездом:

«Вырастешь, Семушка, не осуди... Во время драки и за грязный камень схватишься... Не думай, что легко мне совестью двоить — в Орду ехать. Но надобно, дитятко, надобно. Для отчизны нашей, для светлого дня завтрашнего... А приказали бы мне: «Яму навозную руками вычисти — Москве польза от сего будет», слова бы не вымолвил — сделал! Не для себя славу ищу, землю по крохам собираю. Я свечу зажгу, при внуках разгорится она ярким пламенем. Только не погасите ее раздорами, заодно все будьте!..» (стр. 83). Калита победил в дипломатической борьбе в Орде, его соперник тверской князь

¹ Б. В. Изюмский. Ханский ярлык, стр. 68.

потерял «ярлык» на великое княжение, Москва возвышается и крепнет. На время прекратились опустошительные ордынские набеги: регулярной выплатой ордынской дани, щедрыми подарками и изъявлениями покорности московский князь отводил от родной земли беду. Иван Калита подводил итоги своему нелегкому жизненному пути:

«Тишина и мир... Не легко они даются. Потомки скажут: лукав! Иль поймут: мирник я, хитроумством, осторожностью предохранял от лишнего кровопролития. Русь хочет покоя... Неужто не увидят: за все время, что княжу, не было ни единого татарского набега на Русь. Смоги так провести ладью через пороги!.. Сумой путь прокладывал. Отец в наследство четыре града оставил, я — не менее ста сел и градов. Терпеливость иного ратного подвига стоит. Порой легче ринуться в битву, чем дальней обходной дорогой карабкаться...» (стр. 154). В этих словах — весь смысл государственной деятельности Калиты, которую поняли и оценили потомки, назвав его «собирателем» Руси! И образ Ивана Калиты, образ сильный и противоречивый, ничуть не стал меньше от того, что Б. В. Изюмский не побоялся ясно показать классовую сущность московского правителя. Калита в изображении автора повести «Ханский ярлык» — типичный представитель своего времени и среды, взрастившей его, жестокий и коварный князь-феодал, каждый шаг которого к возвышению отмечен кровью и потом «черных людей». Он прежде всего вотчинник и поступает соответственно этому.

...Утро на княжеском дворе. «Истошный, хриплый крик вырвался из конюшни.

— Кто вопит? — недовольно спросил князь у стоящего рядом ключника.

— Мужик-неплательщик.

— Скажи, чтоб рот кляпом заткнули! — резко приказал князь и крикнул вдогонку: — Да лозы не жалеть!» (стр. 69).

Недаром народ шептал вслед князю: «Главный обиратель!». И щедрая дань, и дорогие подарки, которыми Калита задабривал хана, выколачивались им с «черных людей». Безжалостно подавлял князь любые народные выступления, оружием наводил порядок в своих владениях. Поэтому и шли к нему бояре-феодалы из соседних

княжеств, вставали под защиту и покровительство великого московского князя. И в этом была одна из причин возвышения Москвы, подмеченная автором повести.

...В гриднице Ивана Калиты собрались «близкие имовитые люди». Вернувшийся из орды князь сообщил им радостную весть:

«Собрал вас, думцы, чтобы поведать: Москва ярлык золотой получила!.. Большой кровью дался ярлык... Дорогой ценой достался... Будем дале беречь кровь русскую, без нужды не допускать драки... Да и о черни памятовать след. Разве были б у нас кладовые снеди, рухлядь богата, коли кормы нам смерды не носили? Были б табуны коней, хлеба на пажитях, одежды златогканны, коли дали б мы повадку черни руку поднимать на богатство наше?».

Речь эта, естественно, вызывает полную поддержку у собравшихся бояр-вотчинников, которые шептали друг другу:

«Нам крепче вокруг него держаться надобно...» (стр. 130—131).

И год от году увеличивалось число бояр-вотчинников, которые крепко держались «вкруг него», приходили служить сильному и удачливому князю. Вот сцена в тереме московского князя Ивана Даниловича Калиты, подобные которой, вероятно, не раз случались в действительности:

«Старый, но еще очень крепкий боярин с белой, как пена, бородой поклонился ему, сказал густым басом, словно в бочку пустую дохнул:

— Приехал к тебе, великий князь всея Руси, бить челом в службу. Может статья, слыхал про боярина Аминя из Киева?

— Еще бы не слыхать! — пошел навстречу Аминю Иван Данилович... Будто мимоходом поинтересовался:

— Верно, не один прибыл?

— Да сотен пятнадцать народу привел, и сына тож, слугами верными будут, — с достоинством ответил боярин и низко поклонился.

Он оставил насиженное место, потому что истосковался по твердой власти, прочности, устал от княжеских раздоров, от незнания, что ждет завтра, от запустения и смут!

— Рад, рад! — еще приветливее сказал князь. — У нас в почете будешь, не пожалеешь, что пришел. На

первый случай жалую тебе Волоколамское: владей, пока служишь мне и детям моим...» (стр. 133).

«Истосковался по твердой власти, прочности» — вот что толкало феодалов под сильную руку Калиты. То, что Б. В. Изюмский подметил это и сумел показать ярко и образно — большая удача автора.

Конечно, охотно принимал московский князь в свои владения и смердов-земледельцев, но по-другому и с другой целью.

«Землю отведу... — милостиво пообещал он. — На первое время получите топоры, гвозди. Пока на ноги станете, от податей освобождаю. — А про себя решил: «Позже свое возьму с лихвой» (стр. 134).

Как же относился народ к князю Ивану Калите и его политике? Видимо, авторскую точку зрения на этот счет можно найти в словах мудрого деда Юхима, помнившего еще «Батыев погром». Он сказал княжескому слуге Бориске:

«Помяни мое слово, сынок: сбросит Русь татар поганых... Неможно иго их терпеть, неможно! Рано ль, поздно ль, всем народом пойдем на них... Только б князья не грызлись меж собой, силы соединили. К Москве б жались — самим лучше было... Иван-то, Данилов сын, хозяин твой, хоть и шкуродер, прости за прямое слово, а понимает время. В Орду наезжает с дальним умыслом...» (стр. 96).

Очень интересна заключительная страница повести, где автор будто бы полемизирует с традиционным для дореволюционной историографии представлением о княжении Калиты как о времени всеобщей «тишины и мира», намекает на тенденциозность летописных известий, породивших такое представление.

«В монастырской келье тихо и душно.

Пахнет воском, старыми книгами, ладаном. Потрескивает свеча. Под лавкой точат дерево мыши. Одна из них серым комком подкатилась к подолу рясы старца, стала ее обнюхивать. Старец с седыми, до плеч волосами сидит за столом. Под руками его шелестит желтый пергамент.

Монах неторопливо выводит буквы, и они причудливой вязью ложатся на лист.

«Того же лета заложен град Москва дубов, при князе Иване Даниловиче, при Калите. Ярлык хана обратил

Иван на пользу Москве. Перестали погани воевати Русскую Землю, орошать пепелища наши кровью жителей, и они опочили от истомы, тягости и насилий долговременных, и наступила тишина велика...».

Старец, стложив перо, выпрямился, растер онемевшую поясницу, утомленно прикрыл глаза.

«Тишина ли? Беглые хоронятся в лесах... Черный люд сжег коптильню сборщика мыта Данилы Романовича, а самого его избил на площади. Бориска подпалил владения Протасия... Писать ли о сем? Дабы собрат-летописец и через тысячу лет знал все без прикрас и сокрытий, не рылся бесплодно в пергаментях... Разве не должно прийти ему на помощь?»

Но тут он вспомнил, что летописи его читает Феогност, что князь недавно, увидев запись о «гили», гневался: «Для кого стараешься? О чем пишешь?».

Вздыхнув, старец перечитал фразу: «...и наступила тишина велика» и поставил точку» (стр. 155).

Этими словами как бы подводится итог двух сюжетных линий, проходящих через всю повесть Б. В. Изюмского: великого князя Ивана Даниловича Калиты, собирателя Руси, князя-феодала, и юноши Бориски — сначала слуги князя, затем предводителя «беглого люда», лесовиков, которые «бояр потрошат, добро грабленное отнимают у них по справедливости» (стр. 142). И то, что крепнет великокняжеская власть, консолидируя вокруг себя феодалов, и то, что «смерды бунтуют» — две стороны одного и того же процесса. Без понимания этого невозможно правильно представить сложную историческую обстановку первой половины XIV столетия, в которой Москва сделала первые шаги к великому княжеству. Об объединительной политике Калиты много и восторженно писали летописцы, выделяя княжение его как особо благодатное время для Руси. В Рогожском летописце о княжении Ивана Калиты говорится следующее: «...седе Иван Данилович на великом княжении всея Руси и бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погани воевати Русскую землю и закалати христиан и отдохнуша и упочинуша христиане от великия истомы и многыя тягости и от насилия татарскаго и бысть оттоле тишина велика по всей земли»¹. Некоторые современ-

¹ ПСРЛ, т. 25, вып. 1, стр. 44.

ные Калите источники (московского происхождения!) вообще представляют его народолюбом, защитником «сырых» и бедных: «сырым в бедах помощник, вдовци от насильник изымая, яко от оуст лвов, всей Роуской земли поминая велегласно державу его царства...»¹. И только новгородский летописец глухо упомянул о том, чем в действительности была «тишина велика»: это не только прекращение ордынских вторжений, но и то, что Калита «исправи Русьскую землю от татей и от разбойник!»². А кого называли летописцы «татами» и «разбойниками», хорошо известно: в первую очередь крестьян и горожан, с оружием в руках выступавших против феодальных порядков, против угнетения. То, что в повести «Золотой ярлык» подмечено обострение классовой борьбы в период «тишины» и развита сюжетная линия Бориски — большая заслуга автора.

Конечно, в повести Б. В. Изюмского не все бесспорно. Так, на мой взгляд, сомнительна трактовка автором причин тверского восстания. Б. В. Изюмский считает, что насилия, творимые Чол-ханом (Щелканом), например, изгнание тверского князя Александра из его собственного дворца, были предприняты ханским послом по своей инициативе, вопреки воле хана Золотой Орды Узбека. Чол-хана даже «немного беспокоила мысль: как объяснить брату — великому хану Узбеку, что нарушил его охранную грамоту, выданную тверскому князю? «Скажу: подлые осмелились не повиноваться, поносили твою грамоту», — решил он и успокоился» (стр. 60). Восстание трактуется как стихийное, вызванное случайностью (стычкой местного дьякона Дюдько с татарами из-за коня), причем народный гнев обрушился и на тверских феодалов («догорал проклятый Щелкан, чадили хоромы бояр»).

Между тем внимательный анализ событий (в том числе и предшествовавших восстанию) дает основание думать, что дело было не только в своеволии Чол-хана. К 20-м годам XIV столетия относилась попытка Орды усилить свою власть над Русью: антиордынские восстания в городах и участвовавшие случаи неповиновения

¹ И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. «Записки Академии наук», Спб., 1879, № 4, т. 34, приложение, стр. 148.

² НПЛ, стр. 465.

отдельных князей очень беспокоили завоевателей. Первый такой случай неповиновения «ханскому слову» летописец отметил в 80-х годах XIII века. В 1281 году великий князь Дмитрий, сын Александра Невского, воспротивился решению хана передать «ярлык» на великое княжение своему брату князю Андрею. Как сообщает летописец, в Орду «приде весть из Руси, яко князь-велики Дмитрий Александрович собираеть рать и крепить град, не хошет цареву слову покоритися и съступитися великого княжения по цареву слову»¹. Для того чтобы посадить князя Андрея по ханскому «ярлыку» на великое княжение, ордынским военачальникам «Кавгадыю и Алчедаю с силою Татарскою» пришлось предпринимать большой карательный поход на Русь. Но как только ордынская рать убралась восвоеси, великий князь Дмитрий Александрович вернулся в Переяславль и «нача рать сбирати и град крепити и отвсюду к нему начяша збиратися люди многи». Снова ордынскому хану пришлось выслушивать известия о том, что Дмитрий «к тебе царю повиноватися не хошет, и даней твоих тебе платити не хошет». Хан послал против непокорного князя «рать многу, Турантемира и Алына и многих Татар»². Но и тут великий князь Дмитрий не покорился: он бежал к темнику Ногаю, противнику хана Золотой Орды. Спустя три года он вступил в открытый бой и победил. В 1285 году его соперник князь Андрей «приведе царевича изо Орды». Ордынские отряды, как обычно, рассыпались по русским землям, грабили и насильничали. Но, по сообщению летописца, «бывшим же Татаром в разгонех само и тамо, князь велики Дмитрий Александрович, собрався со мною ратью, и иде на них, и побеже царевичь во Орду»³. В 1301 году князь Даниил Московский во время похода в Рязанскую землю разбил ордынское войско, поддерживавшее рязанского князя. По свидетельству летописца, «князь Данило Московский ходи на Рязань ратью, и бися у города у Переаславля, и одоле князь Данило, и много татар изби»⁴. В 1310 году вооруженное сопротивление ордынскому войску оказал князь Святослав Брянский. Из своего города он «ратью великою в силе мнозе за

¹ ПСРЛ, т. 10, стр. 159.

² Там же, стр. 160—161.

³ Там же, стр. 166.

⁴ Там же, т. 7, стр. 183.

полднище изыде противу рати Татарския, и выступишася на бой». С большим трудом его одолело ордынское войско, причем князь Святослав «последи убиен бысть в полку»¹. Особое недовольство в Орде вызывали усилившиеся тверские князья. В 1317 году князь Михаил Тверской выступил против ордынской рати Кавгадыя, который поддерживал московского князя. Несмотря на помощь ордынцев, московское войско было разбито, а сам Кавгадый «повеле дружине своей стяги поврещи, и неволею сам побегоша в саны», причем тверичи многих ордынцев «изымаша и ведоша во Тверь»². В следующем, 1318 году князю Михаилу Тверскому пришлось «отвечать на письменные доносы многих баскаков, что он не платит всей определенной дани»³. Летописец, видимо, имел все основания писать, что ордынский хан Узбек «гневен зело на всех князей Тверских и называше их крамольники и противных и ратных себе»!⁴ Поэтому неудивительно, что именно в Тверь прибыл полномочный представитель Орды — Чол-хан. Тверь уже выделилась в качестве возможного центра объединения русских земель, тверские князья уже неоднократно проявляли неповиновение хану, и Узбек, видимо, решил начать политику усиленного давления на Русь именно с этого города. Во властном поведении Чол-хана, занявшего даже княжеский дворец, правильнее видеть не своеволие его, а новую тенденцию в ордынско-русских, отношениях, которая заключалась в попытке Орды установить прямой контроль за деятельностью русских князей. Эта же тенденция в дальнейшем проявилась в разделении ханом территории великого княжения, чтобы воспрепятствовать чрезмерному усилению какого-либо одного князя. Новгородская первая летопись сообщала, что князь Иван Калита вместе с «ярлыком» получил только Новгород и Кострому, а Владимир, Нижний Новгород и Городец достались князю Александру суздальскому⁵. Проявлением той же тенденции усиленного давления на Русь были участвовавшие казни русских князей: терроризируя их, ордынский хан

¹ ПСРЛ, т. 10, стр. 177.

² Там же, т. 15, вып. 2, стб. 37; т. 10, стр. 181.

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. 4, стр. 171.

⁴ ПСРЛ, т. 10, стр. 190.

⁵ См.: НПЛ, стр. 469.

пытался обеспечить полную покорность завоеванной страны. От рук татар (или по их наущению) были убиты тверские князья Михаил Ярославич, Дмитрий Михайлович, Александр Михайлович и его сын Федор, князь Александр Новосильский, князь Иван Ярославич Рязанский и др. К сожалению, этого изменения в политике Орды не отметил автор повести. Может быть, в этой связи не следовало бы так подчеркивать «стихийность» восстания в Твери. Естественно было бы связать его с противодействием народа новой политике Орды. Л. В. Черепнин считает, что «при всей стихийности Тверского восстания, оно не было случайностью, в нем присутствует момент известной организации»¹. Над всем этим стоит подумать, тем более что летописец прямо отмечал: тверичи против татар «сташа вечием» (вечем).

¹ Л. В. Черепнин. Условия формирования русской народности до конца XV в., стр. 494.

*«ПОВЕСТЬ ЛЕТ,
КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ РУСЬ
НА КУЛИКОВО ПОЛЕ...»*

Иван Данилович Калита оставил в наследство своим преемникам большое и сильное княжество и признанное право на великокняжеский «ярлык». Его сын князь Семен Иванович по обычаю отправился в Орду и в 1340 году был утвержден «на великом княжении всея Руси»¹. На какое-то время утихли междоусобные войны: обострение классовой борьбы, которое наблюдалось на Руси в 40-х годах XIV века, и усилившееся наступление литовских феодалов на русские земли привело к некоторой консолидации сил господствующего класса. Но это было только временное затишье. При содействии Орды укрепилась самостоятельность отдельных княжеств, считавшихся «великими» — Суздальско-Нижегородского, Рязанского, Тверского. Золотоордынские ханы старались противопоставить их Москве, быстро набравшей силы. Правда, и следующий московский князь — Иван Иванович — в 1353 году «седе на великом княжении всея Руси в Володимере»², но ханский «ярлык» дался ему нелегко — суздальско-нижегородский князь Константин Васильевич уже открыто заявил о своих претензиях на великое княжение. Восстанавливало свои силы и Тверское княжество; тверские князья тоже готовились к борьбе за великое княжение. В самом Московском княжестве было неспокойно. Между сыновьями Ивана Калиты произошла «свада», и великий князь с большим трудом смирил свою «меньшую братию». В конфликт было вовлечено московское боярство, часть которого выступила против великого князя. Некоторые «большие бояре московская» даже «отъехаша на Рязань с женами и з детьми». В 1357 году, когда был убит глава боярской

¹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 53.

² Там же, стр. 63.

оппозиции тысяцкий Алексей Петрович Хвост, «бысть мятежь велий на Москве того ради убийства»¹. В этих условиях московские князья не предпринимали серьезных выступлений против других княжеств. Наступил период некоторого политического равновесия. Крупнейшие феодальные центры Северо-Восточной Руси готовились к борьбе за главенство над Русью. Достаточно было малейшего толчка, чтобы это равновесие нарушилось, вылившись в жестокую междоусобную войну. Таким толчком была смерть московского великого князя Ивана Ивановича и вокняжение малолетнего Дмитрия, будущего победителя Орды на Куликовском поле².

Но не только в этом была особенность исторических условий, в которых князь Дмитрий Иванович начал свое княжение, — рушилась привычная система отношений с Ордой. Уже при хане Джанибеке, преемнике могучего Узбека, появляются первые признаки распада Золотой Орды (1342—1357 годы). Кочевая знать — многочисленные эмиры, беги, нойоны, стоявшие во главе отдельных кочевых племен, возглавляющие в качестве тысячников и темников ордынское войско — стремились к максимальной самостоятельности и, пользуясь ослаблением ханской власти, устраивали заговоры, дворцовые перевороты, сменяли и убивали неугодных ханов. Сам Джанибек был убит сыном — ханом Бердибеком, а тот в свою очередь стал жертвой Кульны, очередного претендента на ханский престол, а последний был вскоре убит своим братом Наврузом. В течение 20 лет, с 1360 по 1380 год, в Золотой Орде сменилось 25 ханов!³ «Замятня» в Орде открывала широкий простор для интриг различных князей, легко добивающихся ярлыков на великое княжение у очередных кратковременных правителей Орды. Участились грабительские набеги на русские рубежи отдельных татарских орд: установить сколько-нибудь стабильные отношения с завоевателями в этих условиях было невозможно. От ориентации на «милость» хана нужно было переходить к расчету только на собственные силы, на крепость и военную мощь своего княжества, на поиски

¹ ПСРЛ, т. 10, стр. 229.

² Подробнее см.: Л. В. Черепнин. Условия формирования русской народности до конца XV в., стр. 530—548.

³ Подробнее см.: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 263—272.

нужных союзников внутри страны. Такова была обстановка, в которой начал свое княжение герой исторического романа М. А. Рапова «Зори над Русью»¹ — молодой Дмитрий Иванович, великий князь Московский.

...«Бескрайняя лесная дремучая ширь русской земли». Из Москвы в Суздаль, к местному князю Дмитрию Константиновичу, скачет гонец Семка Мелик с вестью о смерти московского князя Ивана, последнего сына Калиты. С этого эпизода начинается роман о времени, которое привело Русь на Куликово поле.

Перед читателем разворачивается картина сложной политической борьбы в Северо-Восточной Руси, вспыхнувшей после смерти московского князя. Подняли голову противники Москвы, ожидавшие своего часа, чтобы остановить нелегкое движение ее к главенству над Русской землей. Первым выступил Суздаль. «...Князь Дмитрий Константинович зело рад. Еще бы! Довольно сидеть в Суздальском захолустье — дорога на великокняжеский стол открыта!». Порвал свои союзнические связи с Москвой и Великий Новгород. И не только потому, что прибыло посольство от суздальского князя и часть новгородских бояр его поддержала: от Дмитрия Суздальского в общем-то ничего хорошего не ждали. Но неизвестно было, чего ждать и от малолетнего московского князя и его бояр. Вечники решили:

«Дмитрия так Дмитрия! Все одно податься некуда: на Москве власти нет» (стр. 22).

Рушились и наладившиеся отношения Москвы с Ордой, результат многолетних дипломатических усилий Калиты и его преемников. Хан Бердибек, отдавший московскому князю «ярлык» на великое княжение, погибает от руки Кульны.

Зашевелилось Великое княжество Литовское, давно ожидавшее удобного момента для наступления на западные рубежи Руси. По-прежнему враждебной оставалась Тверь, только временно отложившая свои претензии на великое княжение. Тревожно в Москве, беспокоится вдова князя Ивана:

«Муж в могиле, сын млад, а кругом лютые враги: татары, Литва, Тверь. Господи, помоги!» (стр. 27).

¹ См.: М. Рапов. Зори над Русью. Повесть лет, приведших Русь на Куликово поле. Ярославль, 1958.

Нет единокровия и среди московского боярства. И уже порой слышится голос тысяцкого боярина Вельяминова: «Князь млад, его вразумить надо!»

Мало кто из князей думал тогда всерьез о борьбе с иноземным игом, хотя история уже поставила перед Русью эту задачу — снова силы страны были разъединены феодальной усобицей. Но антиордынские настроения в народе росли, и порой даже князья, внешне покорные воле хана, тайно поддерживали их.

...Семка Мелик пришел к суздальскому князю искать «заступы» от ордынцев, которые силой увели его невесту, и услышал в ответ:

«Смирись. Жаль тебя, парень, но помочь не могу. Что я перед послом царским?».

Но когда Семка закричал в отчаянии, что сам будет мстить ордынцам, что «помогут ночка темная да дорога лесная», князь решает:

«...и я, чай, русский человек, иль нет? Будь, что будет, помогу, чем в силах: бери коня! Бери доспех добрый!». И тут же «опомнился», добавил:

«Еще об одном прошу тебя: стеречь мурзу где хошь, но не в Суздальском княжестве» (стр. 40—41).

Изменившуюся обстановку на Руси замечают и ордынцы. Ханский посол, старый мурза Ахмед с тревогой думает: «Раньше русские хоть боялись, ненавидели, да покорны были, а теперь с молодыми все хуже и хуже: ни покорности, ни страха...» (стр. 41—42).

Неспокойно было на Руси, но и в Орде не было прежнего единства, делавшего грозной империю Чингис-хана. Автор правильно отметил усобицы — «замятни» в Орде — как один из факторов, которым пользовались русские князья для проведения самостоятельной политики. Вещими оказались слова молодого московского князя Дмитрия Ивановича:

«...Плохи дела в Орде, коли сын на отца руку поднял. Тому радоваться надо. Подумать только: ведь это сущий разбой. Если такое у них творится, одолеет Русь татарву!» (стр. 29).

А вскоре и действительно представился случай использовать очередную «замятню» в Орде. Ордынский посол предъявил в Москве «пайцзе» хана Кулькана и потребовал повиновения:

«Силою вечного неба! Всякий, кто с трепетом и послушанием не исполнит повеления Кульны-хана, пусть будет убит!».

Но вместо привычных изъявлений покорности хану услышал насмешливый ответ митрополита Алексия:

«Что говорить, грозно!... Только ты, мурза, полегче топай, аль не слышал, что Кульну твоего, как барана, зарезали? Царем у вас нынче в Сарай-городе сидит Науруз.

Мураз попятился, отступился.

— Что, княже, не поклониться ли нам царю Наурузу послом Кульниным? Забить его в колодки, да и отправить в Орду!» (стр. 64). И ханский посол поспешно покинул Москву.

Отсутствие политической стабилизации в Орде и частые смены ханов ослабляли завоевателей, позволяли русским князьям проводить более самостоятельную политику, но, с другой стороны, способствовали обострению междоусобной борьбы и на Руси: получить великокняжеский «ярлык» у очередного ордынского хана не составляло особого труда. Суздальский князь Дмитрий Константинович отправился в Орду «у Москвы ярлык перекупать» и вскоре ему «царь ордынский ярлык на великое княжение дал, а к ярлыку и татар впридачу, для крепости» (стр. 81). В свою очередь, московский князь получил «ярлык» у хана Хидыря (Кидыря). Он уже «в поход собирается — великое княжение отвоевывать», но в Орде снова сменились правители: сначала Тимур-хожа, затем сразу два «царя» — Абдаллах, ставленник Мамаю, и Мюрид (Амурат), занявший Сарай. Снова нужно было подкупать, уговаривать, задаривать хана и его приближенных — старый «ярлык» утратил свою силу. Теперь «Москва просила ярлык у Мюрида, тот долго не ломался, опасаясь соперничества Мамаю, продал ярлык задешево» (стр. 126, 143). Затем московский князь взял «ярлык» и у послов Мамаю, а Мюрид-хан послал свой «ярлык» Дмитрию Константиновичу. Началась новая усобица.

Но Мюрид-хан уже не мог подкрепить свое «царево слово» реальной военной силой. «Ярлык» суздальскому князю должен был везти ханский посол Иляк вместе с князем Иваном Белозерским, случайно оказавшимся в Орде. Эпизод романа, в котором хан напутствует своего

посла, очень показателен для русско-ордынских отношений того времени. Мюрид говорил:

«Поедешь вместе с Иваном-князем. Изгонишь Дмитрия Московского из Владимира, посадишь Дмитрия Суздальского! Понял?»

Иляк, как кот, выпустил когти:

— Изгоню, Мюрид-хан! Пеплом положу всю Московскую землю! Чьи орды прикажешь в поход вести?»

Мюрид, уже потянувшийся к кумысу, остановился, оглянулся на Иляка.

— Орды? Нет орд! Пускай Дмитрий своими силами управляется. Мне орды против Мамаю нужны» (стр. 162).

Ханскому послу пришлось сопровождать суздальского князя в «стольный» Владимир только с маленьким отрядом татарских всадников — 30 человек! Что из этого получилось, нам известно по рассказу московского летописца:

«Того же лета [1363 г.] князь Дмитрией Костянтинович пришед в Володимерь и седе на великом княжене в другие, а с ним князь Иван Белозерець, пришел бо бе из Муратовы орды с 30-ю Татаринов, и тако пребысть в Володимери едину неделю. Слышев же се князь великы Дмитрией Ивановичь и пришед поky с братьею и с вой своими и съгна его с Володимеря, он же беже в Суздаль, Князь же великы поиде за ним ратью к Суздалю и взем мир отъиде»¹.

Автор романа правильно показал наметившийся в 60-х годах XIV века перевес сил в пользу Москвы, который обеспечил Дмитрию Ивановичу Московскому победу над своим соперником. Суздальский князь «понял, что больше Суздалю с Москвой не тягаться» (стр. 164). И дело было не только в том, что возросла военная сила Москвы, что Орда, ослабленная междоусобной борьбой, не могла активно вмешиваться в русские дела. У московского и суздальского князей (который одновременно был князем нижегородским) оказались общие интересы, которые толкали к прекращению усобицы. И Московское, и Нижегородское княжества были заинтересованы в охране торгового Волжского пути, движение по которому систематически нарушалось ордынскими отрядами.

¹ ПСРЛ, т. 25, стр. 182.

И то, и другое княжество было заинтересовано в борьбе с новгородскими ушкуйниками, совершавшими опустошительные набеги на Волгу и Каму. Нижегородское княжество, расположенное в непосредственной близости от ордынских владений, нуждалось в военной помощи Москвы для обороны своих границ; такую помощь можно было получить только при установлении дружественных отношений с московским князем. И, наконец, было еще одно обстоятельство, способствовавшее прекращению усобицы. На Руси тогда свирепствовала страшная эпидемия моровой язвы. Под 1363 годом летописец записал:

«Бысть мор велик в Новгороде Нижнем, краяху людие кровью, а инии железю боляху и не долго боляху, по два дни или три, а инии един день поболее умираху. И толко множество бе мертвых, яко не успеваху живии погребати их... Тое же осени и тое зимы бысть на люди мор велик в Переславли, в день умираша человек 20 или 30, иногда же 60 и 70, а иногда и до ста и боле. Болость же бе сица: преже яко рогатиною ударит за лопатку или под груди или меж крил, и тако разболевъся человек начнет кровью храхати и огонь зажъжет и потом пот, та же дрожь, и полежа в единь день или два, а ретко того кой 3 дни, и тако умираху, а инии железю умираху... Бысть же сие не токмо в едином граде Переславли, но и в всех пределах его. Прииде же сия казнь, послана от бога на люди, снизу от Бездежа к Новоугороду Нижнему и оттоле к Коломне, та же к Переславлю, по том же на другое лето к Москве, та же и по всем градом и странам бысть мор велик и страшен, не успеваху бо живии мертвых опрятывати, везде бе бо мертвии в градах и в селах, в домех и у церкви. И бе туга и скорбь и плач неутешим, мало бо бе живых, но все мертвии. Погребяху же в едину яму 5 и 6 мертвых, а инде 10 и боле, а двory мнози пусты быша, а к иних един остана или два, ли женск пол, ли мужеск, или отроча мало...»¹. Северо-Восточная Русь обезлюдела. Это явилось еще одной причиной, заставившей князей прекратить усобицу². И еще один немаловажный фактор следует подчеркнуть при описании борьбы московского князя за главен-

¹ ПСРЛ, т. 25, стр. 182.

² См.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 555—556.

ство над Русью: последовательная поддержка его политики церковью. Митрополит Алексей открыто выступал на стороне Москвы, использовал свое влияние и авторитет церкви для борьбы с противниками Москвы. Об одном из случаев такой поддержки церковью объединительной политики московского князя рассказывается в романе.

...Нижегородский князь Борис Константинович отказался подчиниться Москве, не явился по вызову Дмитрия Ивановича. И был побежден не оружием — вместо московских полков в Нижний Новгород пришел Сергей Радонежский, полномочный представитель митрополита. Покидая Москву, «Сергий сказал, не таясь, громко, так, чтобы все слышали:

— На Новгород Нижний иду... На князя Бориса...».

В Нижнем Новгороде он именем митрополита сместил местного епископа, закрыл церкви и объявил горожанам: «Доколе Борис здесь — в церквах службам не быть!» (стр. 227, 229).

Восстание горожан привело к изгнанию князя Бориса и поддерживавших его татар. Описание этого восстания в романе чрезвычайно важно для понимания концепции автора в целом: здесь показан несломленный боевой дух народа, его готовность подняться на борьбу с ненавистным игом. Сергей думает:

«Почему так легко поднялись эти люди? Потому ли, что на самом деле никому не страшен князь Борис с послом одного из многих царей ордынских да с горсткой татарских воинов? А если окрепнет Орда? Притихнут? Или все эти люди, рожденные рабами ордынскими, хранят в глубинах своих темных, забитых душ неистребимую мечту о воле? Так ли это?

Так!

Воистину не покорился и никогда никому не покорится сто лет тому назад покоренный русский народ!

Никогда! Никому!» (стр. 232—233).

В этих словах — большая историческая правда. Советский историк И. У. Будовниц, автор монографии по истории общественно-политической мысли Древней Руси, писал: «Памятники, вышедшие из гуши народной, насыщены идеей мести за поруганную и опустошенную землю, они проникнуты оптимизмом и непоколебимой верой в конечную победу над насильниками. Они чужды

всякого пресмыкательства перед грозными завоевателями»¹.

Истинное отношение народных масс к ордынскому владычеству особенно ярко проявилось в исторических песнях периода ига, песнях героических и глубоко патриотических. «Народ противостоял монголо-татарскому игу не только на полях сражений, — отмечает исследователь историко-песенного фольклора Б. Н. Путилов. — Он противостоял во всей своей жизни — общественной, домашней, внутренней. Духовная и нравственная жизнь народа заключала в себе решительное и последовательное отрицание ига»². Многие исторические песни того времени звучали как прямой призыв к борьбе с монголо-татарскими завоевателями:

Ты коли, руби сабельками
Злых татар с татарчонками,
Ты секи, кроши грабителей
Все мечами да булатными!..³

Сцена восстания в Нижнем Новгороде и раздумья Сергия как бы подводят читателя к следующей части книги, в которой рассказывается о подготовке Москвы к открытому выступлению против Орды. Содержанием этой части романа является второй этап борьбы за главенство над Русью — упорная, тяжелая борьба с тверским князем и поддерживавшими его литовцами. Центральное место в событиях этих лет занимает строительство каменного московского кремля, оплота могущества потомков Калиты. Это было поистине грандиозное строительство, требовавшее общенародных усилий — «миром поднимали махину». Каменная кремлевская стена, построенная в 1367 году, протянулась на 2 километра и имела восемь или девять башен. Чтобы выстроить такой кремль за одну зиму и одно лето, подвозя издалека камень, должно было работать ежедневно более двух тысяч человек!⁴

В романе хорошо показано политическое и военное значение строительства каменного кремля в Москве. Ав-

¹ И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, стр. 354.

² Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор. М.—Л., 1960, стр. 75.

³ Н. Бунаков. О исторических песнях ига монгольского. «Вологодские губернские ведомости», 1854, № 38—39, стр. 417.

⁴ См.: М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 36.

тор говорит об этом устами злейших врагов Москвы — ордынца Хизра и тверского князя Михаила Александровича. Хизр предостерегает очередного правителя Золотой Орды Азис-хана:

«Отогрели змею на своей груди, поставили Москву выше других городов русских. Дани для Орды Москве собирать велели. Вот и разбогатели московские князья, ныне каменную крепость) строить затеяли, на чьи деньги? На ханские! Кому те стены кровью орошать придется? Татарам! Рано или поздно, а придется, придется, придется!» (стр. 297).

Тверской князь Михаил Александрович думает: «Знаю, почто князь Дмитрий каменный кремль строить затеял. Он и сейчас на других князей посягает, а кремль построит — он не то что на нас — князей, на Орду пойдет...» (стр. 295). Но самого тверского князя беспокоит, конечно, не то, что Дмитрий Иванович «на Орду пойдет», а его политика объединения Руси, политика наступления на других феодальных владетелей. Постройка кремля воспринимается тверским князем как продолжение борьбы за главенство над Русью, которую уже в течение нескольких десятилетий ведет Москва, как качественно новый этап этой борьбы.

«...Москва со времен Ивана Калиты Русь собирает. Задумано давно и накрепко. Уделам не бывать! Князьям по градам не сидеть!.. Поначалу таились. Покойный князь Семей, даром что его Гордым прозвали, а прямо сказать про замыслы московские не решался... Ныне об этом на Москве вслух говорить начали!» (стр. 346—347). Кстати, примерно так же оценивал значение постройки каменного кремля современник событий, тверской летописец:

«Того же лета [1367 г.] на Москве почали ставити град камен, надеяся на свою на великую силу. Князи Русьскыи начаша приводити в свою волю, а которые почал не повиноватися их воле, на тех почали посягати злобою»¹. Очень красноречивое свидетельство врага Москвы!

Перед читателями разворачивается картина продолжительной войны с Тверью, осложненной неоднократными литовскими нашествиями — великий литовский князь

¹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 84.

Ольгерд Гедиминович был союзником тверского князя. Автор романа совершенно справедливо подчеркивает, что это была не обычная междоусобная война, типичная для периода феодальной раздробленности, а борьба за политическое объединение страны, жизненно необходимое для свержения иноземного ига. Дмитрий Иванович так ответил своему союзнику князю Владимиру Александровичу на его предложение кончить «усобицу» с Тверью:

«Иль и ты в битвах с Тверью простую усобицу видишь? Князь Михайло на всю Русь кричит, что я на него посягаю, что на отчину его руку наложил. По-древнему, по-удельному — так оно и есть, прав он. А я перед Русью прав, ибо лишь единая Русь татарское иго сбросит!» (стр. 451).

В этой правоте «перед Русью» — сила московского князя Дмитрия Ивановича, которая привлекала на сторону Москвы и феодалов, и горожан, и крестьян. Сама жизнь диктовала необходимость прекращения феодальных усобиц, а прекратить феодальные войны можно было только покорившись Москве. Автор романа в немногих строках очень ярко и точно показал, почему и феодалы, и народ оказались противниками усобной войны, развязанной тверским князем.

...Полки московского великого князя плотным кольцом окружили Тверь. «Тоскливо было в Твери. Князь бежал в Литву, московские рати стояли под стенами... То там, то тут над лесами поднимались в небо клубы дыма. Тверичи хорошо понимали, что это за дымы. Бояре, взглядываясь вдаль, гадали: чью деревню ныне разорили москвичи, чьих кабальных мужиков угоняют сегодня в Московское княжество. Разор да и только от этой усобицы» (стр. 443).

...Крестьяне скрываются от феодальной войны в лесах, живут в холодных землянках, голодают. «С нас и до усобицы наш боярин три шкуры драл, а как усобицу князь затеял, так разорили нас вчистую...» (стр. 449).

В Московском княжестве искали люди спасения от разорительных усобиц. К Москве тянулись русские люди, как к центру освободительной борьбы против монголо-татарского ига. В самые тяжкие моменты, когда московский князь Дмитрий Иванович собирал разорительные дани для отправки в Орду, народ понимал горькую необходимость и этих жертв.

«...Чтоб Орду одолеть, спервоначала надо своих князей обуздать. Вот Митрий Иванович на князей посягает, то благо.

— Поэтому и поборы его терпим.

— А тяжко, — всхлипывает женщина, — пить-есть надобно. Ребятишки ревмя ревут, а денежки наши в Орду уплывают!» (стр. 589).

М. А. Рапов, справедливо подчеркивая роль Москвы в исторически-прогрессивном деле образования Русского централизованного государства, не закрывает глаза на его феодальную сущность, не старается представить Московское княжество раем для простых людей (чем порой грешат авторы исторических романов о времени Дмитрия Донского!). Крестьян ждали в Московском княжестве тяжелые княжеские поборы, а то и лихая доля боярского холопа.

...Семен Мелик, попавший в холопы к суздальскому князю, подговаривает своего товарища по несчастью бежать в Москву:

«...Здесь ты холоп — сиречь раб, ничего у тебя нет, окромя рук да спины, батогом избитой, а там тебя на землю посадят, хозяйствуй, обрастай добром.

— Так, так, — хмыкнул Илья, — в Москве, стало быть, барану шерстью обрастать дают, чтоб стричь было чего. Вестимо, Дмитрий суздальский по старинке живет, холопов палкой к труду приохочивает, в Москве люди хитрее, холопа ослобонят, на землю посадят, он сдуру из кожи лезть начнет, ан глядь, князь какому-нибудь боярину слободу-то и пожалует за службу, ну боярин и начнет драть с мужиков три шкуры...».

И Семен вынужден нехотя согласиться: «Обманывать не хочу, может такая беда стрястись...» (стр. 155—156).

В последней части романа, которая так и называется — «Куликово поле», — М. А. Рапов повествует о непосредственной подготовке Руси к решительной схватке с Ордой. Поняв, что дело тверского князя безнадежно, Мамай перестал его поддерживать. Ордынский посол Сарыхожа рассказывает своему повелителю:

«Когда малый городок Молог закрыл перед тверским князем ворота, я понял: сила на стороне Митри-князя... Не жди даней от князя тверского, нет у него казны». Традиционная для Орды политика разжигания усобиц и натравливания князей друг на друга потерпела неудачу:

Москва была неизмеримо сильнее своих соперников, а достаточных сил для прямого военного давления на Русь у Мамаю пока еще не было. Поэтому Мамай благосклонно принимает советы своего посла:

«Не спеши! Не спеши! Я видел белокаменные стены Кремля. Ольгерд дважды поливал их кровью литовцев и дважды поворачивал назад. Подумай, нужно ли орошать их и татарской кровью? Не вернее ли обессилить Русь даяниями?... Обессиливай, обессиливай Русь... А потом обрушь на непокорных гнев Аллаха» (стр. 585—586).

Мамай копил силы для похода на Русь. Но и Дмитрий Иванович использовал передышку для окончательного разгрома Твери. Под ее деревянными стенами сошлись «18 ратей» со всех концов Руси. Тверской князь сдался на милость победителя, отказавшись от претензий на великое княжение. Так же, как вся война Москвы с Тверью не была обычной усобицей, так и само поражение тверского князя Михаила Александровича не было рядовой неудачей в феодальной войне, после которой можно было бы подняться и продолжить борьбу. Эта мысль подчеркнута автором романа:

«Князь опустил голову. Мысль о том, что борьба окончена, что Москва оперлась на всю Русь и победила, победила не только на стенах Твери, но и в мыслях тверичей, на которых и в будущем стала надежда плоха, и надо, пока не поздно, просить милости, — эта мысль была слишком горька...» (стр. 662—663).

Грозным временем был для Руси конец 70-х годов XIV века. Участились набеги татарских орд на русские рубежи. Одно за другим следовали опустошительные вторжения Арабшаха (Арапши). Поражение русских полков на реке Пьяне... Сожжение Нижнего Новгорода... Разорение Рязанской земли... «Старики, умудренные опытом, и беспечные юноши, смерды и князья — все на Руси понимали: неспроста эти набеги. Недаром Мамай грозил напомнить Руси нашествие Батыево... Не миновать смертной борьбы!» (стр. 689). Впереди была славная победа на Куликовом поле.

Победа Руси на Куликовом поле представлена в романе как закономерный результат многолетней борьбы против иноземных завоевателей, как великий подвиг народа. Очень удачно подчеркивают всенародный характер битвы на Куликовом поле следующие строки романа:

«Одного ратника из всех назвали Донским; остальные, безвестные, умирали сейчас на холодеющей земле, звали близких, стонали, кто в силах — ползли на зов труб. Но в века, в память народную Дмитрий вошел не один, не вдвоем с братом Владимиром Храбрым, а со всеми, кто бился на поле Куликовом, кто крови и жизни не жалел, защищая родную землю.

...От тех дней столетия протекли, а слава народа-свободолюбца и поныне не меркнет, поныне ратной трубой поет» (стр. 772, 775).

Так заканчивается роман о времени трудном и интересном, о летах, которые привели Русь на Куликово поле. Автору удалось подметить и передать средствами художественной литературы основные исторические процессы, колорит эпохи, создать запоминающиеся образы наших далеких предков, не идеализируя их, раскрывая классовую сущность их деятельности, но одновременно подчеркивая величие их подвига во славу родной земли, все то, что заботливо сохранила память народная о Дмитрии Донском и его соратниках. Большой интерес в романе представляют авторские характеристики отдельных исторических явлений и процессов. Вот как, например, раскрывает М. А. Рапов сущность ордынской культуры:

«Ограбили, затоптали народы. Мастеров-умельцев увезли в Орду. У нас на Руси рухнуло искусство, перевелись каменных дел мастера, захирело ремесло, сгорели книги, грамотеев среди простого люда ныне лишь в Новгороде Великом сыщешь, а Орда напилась крови, раздулась, как клещ, а что толку? Ключья искусства Китая, Руси, Хорезма смешались, перепутались в Орде, а своего, ордынского, только и есть, что грубые узоры на войлоке ханских юрт. Не пошло в прок награбленное! Были варварами, варварами и остались!» (стр. 80—81).

Интересны мысли автора романа о месте Владимирской земли в истории нашей Родины. «Что вписал Владимир в летопись русской славы? Чем помянуть его? Традициями ли вольности вечевой, подобно Господину Великому Новгороду? Богатырством ли и воинской доблестью, подобно Киеву, который грозен был для степных хищников, который грозен был и вселенской столице — Царьграду?» — спрашивает М. А. Рапов, и отвечает:

«Нет! Иным славен стольный град Владимир.

Когда в поисках мирного житья ушел русский чело-

век с теплых днепровских берегов в северные леса, где с незапамятных времен селились русские люди, когда по берегам Верхней Волги, Оки, Клязьмы стали расти и богатеть города и села, казалось, настало время покончить с дроблением Руси, собрать воедино клочья уделов. Новый город Владимир поднялся тогда над Русью, начав соби́рание русской земли. Кичливые бояре древнего Ростова презрительно звали его городом псарей, но простые люди с надеждой смотрели на усиление новой столицы Руси, надеялись и ждали — кончится княжья усобица, и Русь вновь станет единой и могучей. Еще только началось дело объединения, а гениальные народные художники стали возвигать вдохновенные каменные сказы храмов, дворцов, башен, невиданным взлетом искусства отметив свое время и на века прославив Владимиро-Суздальскую землю.

Но велики были еще силы, рвавшие Русскую землю на удельные лоскутья, и далеко, далеко до завершения замыслов объединения, когда на Русь налетела гроза Батыева нашествия и прахом упали мечты. Разрозненная, удельная Русь встретила татарские орды. И, как все тогда на Руси, рать великого князя Владимирского одиноко, славно и бесплодно полегла под татарскими саблями, напоив кровью своей поемные луга речки Сити, но не сумев спасти Русь от ига чужеземцев» (стр. 150—151).

Есть, конечно, в романе и отдельные неточности, а то и просто фактические ошибки. Так, Кульна назван «сыном хана Бердибека» (стр. 23), хотя в действительности был его братом¹. М. Рапов считает, что знаменитые слова «злее зла честь татарская!» записаны в летописи «о чести, возданной в Орде победителю шведов и немцев князю Александру Невскому» (стр. 123). Это неверно. Ипатьевская летопись сообщала о поездке в 1250 году в ставку Батыя южнорусского князя Даниила Галицкого. Даниил Галицкий, не имея сил для вооруженного сопротивления завоевателям, вынужден был подвергнуться унижительным обрядам в Орде, пить кумыс, что считалось непозволительным христианину. Батый был доволен изъявлениями покорности и, по словам летописца, «пришла вина чюм, и реч: «Не обыкли пити молоко, пии ви-

¹ См.: Е. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, стр. 271.

но!». По этому поводу и заметил летописец: «О, злее зла честь Татарская!»¹. Рапов пишет, что, планируя наступление на Русь, Мамай собирался в 1368 году сговориться с римским папой о совместных действиях, направить послов в Авиньон (стр. 352). Между тем в это время папы в Авиньоне не было: с 1367 по 1370 год папа находился в Риме. Кстати, гипотеза автора романа о том, что уже в конце 60-х годов XIV века сложился единый антирусский фронт Орды, Литвы, Твери и немецких рыцарей в Прибалтике, вызывает сомнение. Далее. События борьбы Дмитрия Ивановича Московского с тверским князем Михаилом Александровичем в 1371 г. за город Владимир автор представляет следующим образом: московский князь приехал во Владимир, созвал всех горожан «на вече» и смиренно просил поддержать его. На бурной вечевой сходке «народ решил» поддержать московского князя (стр. 558). Летописцы трактуют эти события по-иному: «князь великий Дмитрией Московский по всем городом бояре и люди привел к целованию не датися князю великому Михаилу, а в землю его на княжение на великое не пустити. А сам с братом своим с Володимером ратию стал в Переяславли» (Рогожский летописец)². В романе Иван Вельяминов, сын московского тысяцкого, активно действует против московского князя с самого начала московско-тверской войны, т. е. с конца 60-х годов: он то появляется на стенах Твери, то разведчиком тверского князя пробирается в Кашин, то тайно приезжает в Москву и пытается организовать покушение на Дмитрия Ивановича и т. д. Между тем по летописным известиям совершенно точно известно, что Иван Вельяминов переехал в Тверь только в 1375 году, после смерти своего отца и после решения московского князя ликвидировать должность тысяцкого. Тверской летописец сообщил под этим годом: «С Москвы приихали к великому князю Михаилу Иван Василиевич да Некомат на христианскую изгыбель»³.

Но не эти отдельные ошибки и неточности определяют общее впечатление о романе М. А. Рапова. Книга написана с позиций исторической правды и художественно убедительно.

¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 807.

² ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 95.

³ ПСРЛ, т. 15, стб. 434.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ДОНСКОЙ

Великое княжение Дмитрия Ивановича, прозванного за славную победу над Ордой на Куликовом поле «Донским», является важной вехой в истории нашей Родины. В его деятельности можно отметить много новых моментов, отличавших время Донского от времени предшествовавших ему московских князей. В области внутренней политики Москва при Дмитрии Донском перешла от борьбы с князьями других княжеств (Нижегородского, Тверского) за великокняжеский «ярлык» к подчинению своей власти всех русских земель. Изменился и характер внешней политики: она стала активной. Если раньше русские князья старались обеспечить безопасность своих земель от ордынских набегов уплатой дани ханам и искусной дипломатией в Орде, то Дмитрий Донской уже организовал военный отпор завоевателям. Неудивительно, что источники представляли его деда Ивана Калиту как ханского слугу, умело использующего хана в своих интересах, как ловкого дипломата, покупающего «мир» и «тишину» для Руси щедрыми дарами и данью, а великого князя Дмитрия Ивановича — как полководца, возглавившего военные силы Руси для отпора врагу. «Тишину» для своей земли Дмитрий Донской добывал не даями и выражениями покорности Орде, а мечом, на полях сражений.

Иван Калита действовал как князь-вотчинник. А в деятельности Дмитрия Донского уже присутствуют мотивы национального объединения Руси. Не только Москву, но и другие русские города, в том числе столицы князей-соперников, Дмитрий Донской считал своими, оберегал их от разрушения даже во время феодальных войн. Различие в политике этих двух князей хорошо видно на примере их походов к Твери. В 1327 году Иван Калита со своими полками и ордынским войском страшно разорил Тверское княжество, пожег города и села,

увел в свои владения людей — он хотел прежде всего обескровить земли своего соперника. Дмитрий Донской, подступивший в 1375 году к Твери во главе общерусского войска, наоборот, старался оградить Тверскую землю от разорения, сохранить ее силы и привлечь на свою сторону горожан. Здесь Дмитрий Донской выступает не как владетель периода феодальной раздробленности, радеющий прежде всего об усилении собственного княжества, своей «отчины», а как государственный деятель, стремившийся к объединению Руси. Сам Дмитрий Донской был дальновидным дипломатом и искусным полководцем, народ заслуженно видел в нем государственного деятеля, первым поднявшегося на открытую борьбу с ненавистным монголо-татарским игом¹. Неудивительно поэтому, что личность Дмитрия Донского привлекла внимание писателей исторического жанра.

Наиболее значительным художественным произведением об этом интересном времени является роман С. П. Бородин «Дмитрий Донской», неоднократно переиздававшийся и пользующийся большой популярностью у читателей². Автор приводит нас в Москву второй половины 70-х годов XIV столетия, когда великий князь Дмитрий Иванович, победив князей-соперников, уже стал признанным главой Руси.

«Много походов и битв осталось позади — Переяславль, Владимир, Галич, Новгород, Рязань, Нижний, Тверь. Всюду сидели соперники. Каждому лестно вокруг себя собирать Русь, каждого надо убедить, а убеждение одно — меч.

Прежние враги постепенно становились соратниками. Много противился Дмитрий Суздальский, пока и его не поставили под Москву...

В прошлом году вышла из повиновения Тверь. Тогда он осадил ее и кровью тверитян снова утвердил власть Москвы.

Что ни поход — все больше становилось у него подручных князей. Год от года больше полков становилось в московском воинстве. Стали и князья понимать — в единении сила. Сами приезжали в Москву стать под

¹ Подробнее см.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 647—663.

² Роман С. П. Бородин «Дмитрий Донской» цитируется по изданию 1951 г. (Челябинск).

руку Дмитрию, мириться или уговариваться о дружбе с ним: все труднее становилось ближним уделам противостоять Москве. Стала Москва богаче, торговее; спокойнее было за ее спиной, нежели одиноко стоять перед Половецким полем.

Ольгерд Литовский, сын Гедимины, приходил под стены Москвы, да не мог взять города. Татары набегали на дальние пределы московские, болгары озоровали на Волге. Не было года для роздыха.

Науку Дмитрию пройти довелось битвами, а не рукописанием; жизнь познать на окровавленной земле; людей — в воинском стане.

Дважды ездил в Орду — договариваться с Мамаем. Ходил войной на болгар (волжских. — В. К.) и громил их. Взял Казань в позапрошлом, в 1376 году. В прошлом году умер опасный враг — старый Ольгерд Литовский... Теперь слышно — идет усобица промеж сыновей Ольгердовых в Литве. И в Орде тянется усобица. Пока враги тяжбятся и режутся сами с собой, надо, не покладая рук, крепить единомыслие на Руси, стирать с нее кровь прежних усобиц» (стр. 6—8).

Русь набирала силы, Русь объединялась, Русь копила воинство, и все это для достижения главной цели — для борьбы с Ордой, ненавистное иго которой почти полтора столетия давило на русские земли. Эту основную цель политики Дмитрия Ивановича хорошо показал в своем романе С. П. Бородин.

«Дмитрий задумался о татарах. Все, кого он помнил и кого не помнил, в своей семье — и духовный его наставник Алексей-митрополит, покойник, и троицкий игумен Сергей, — все мысль свою изостряли в ненависти к тяжкому ордынскому бременю. И Дмитрий понял от них и принял на себя великое обязательство: скинуть с плеч народа ярмо Орды» (стр. 12).

И вскоре наступило время открытой схватки с Ордой. Это была проверка всего, что было сделано Дмитрием за десятилетия походов на враждебных князей, сложных дипломатических переговоров с соперниками, усилий по сбору воинства. Проходило проверку наметившееся объединение Руси — к русским рубежам шло большое войско ордынского полководца Бегича.

«Скачут гонцы из Москвы во многие грады и веси, к подручным князьям, к боярам, в села — поднимать Русь.

Где-то в степном далеке идут на страну татары. Где-то за синью лесов ржут их степные кони, дымится курево под копытами бусурманской конницы, каждый шаг приближает их. Они надвигаются, звеня клинками, напевая поганые песни, неся смерть. Неотвратимое, непобедимое войско... Пыль поднималась до неба. Орда шла на Москву, текла, как лесной пожар, вздымая до небес степное курево — пыль» (стр. 51, 95).

Для Бегича, состарившегося в походах, это был обычный карательный поход, который не раз совершали ордынцы. Бегич «не знал поражений», он «бился в низовьях Дона, бился на Кубани, ходил в набеги и водил в походы», и теперь, медленно приближаясь к русским рубежам, «Бегич не опасался врага. Исстари, с первых походов, сокрушили татары сопротивление Руси. Русь ныне подавлена, смята. Гордо заносились иные из русских князей, — им резали головы, а города их жгли, а жителей брали в рабство, а достаток делили. Вот и еще один посмел дерзко разговаривать — Дмитрий. Хорошо, что город его богат, — есть, что взять за поход, не зря будут побиты конские копыта и потуплены сабли» (стр. 94, 95).

Но времена изменились: иной стала Русь; не прежней — единой и могучей — была и Орда. «После смерти Чингиза многое изменилось. Народ смешал свою кровь с кровью покоренных народов, полонянок, рабынь. Не столь остры стали скулы, не столь длинны глаза. Не так груба шерсть одежды, не так тверда рука в бою... Ныне ханы часто сменялись. Один убивал другого, брат крался к брату, сыновья нетерпеливо помогали умирать отцу» (стр. 96), — тревожно думал полководец Бегич, оглядывая свое пестрое воинство. А причины для тревоги были: в Орде наступал период феодальной раздробленности, откалывались сильные «улусы», шла борьба за власть между монголо-татарскими феодалами. Раздираемая изнутри усобицами, Орда теряла силы.

При описании битвы на реке Воже, которая закончилась полным разгромом ордынцев, С. П. Бородин выделяет один аспект, который не всегда учитывался историками. Дело в том, что именно эта победа развеяла миф о непобедимости Орды, показала, что с завоевателями можно воевать, и воевать успешно. Это была двойная победа — и над ордынским войском, и над самими собой, потому что до Вожи «не было побед над татарами. Ни,

когда. А много было смертей, пожарищ, бедствий. Оттуда полтора ста лет назад приходил по этой дороге Батый. И Дюдень приходил... Многолетний труд, тяжелое счастье жизни, любимые люди и, паче того, любимая Русь обращалась во прах под поганой ногой басурманина. Под тяжелой его пятой поныне, как пленная девушка, тоскует Русь...» (стр. 110).

Как бы подводя итоги победы, обращался к своей «пастве» рязанский епископ:

«Никогда не было побед над татарами, пока князья наши бились с ними разобщенно и разногласно. Сие есть полная и первая победа над нечестивыми агарянами...» (стр. 139).

Победа на реке Воже была своеобразной «генеральной репетицией» знаменитой Куликовской битвы. Она была подготовлена более чем столетней борьбой Руси против монголо-татарских завоевателей. Эта предыдущая борьба расшатывала ордынское владычество и постепенно вселяла в русских людей уверенность, что Орду можно победить. К. Маркс высоко оценивал победу русских полков на реке Воже, он писал: «*Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими*»¹.

Страницы романа, посвященные описанию битвы на реке Воже, звучат пафосом освободительной борьбы, великого подвига народа, поднявшегося на защиту родной земли.

«Татары перешли брод.

Позади, за рекой, еще оставались обозы, женщины, кочевое имущество, рабы, полонянки, скот. Но ждать их стало некогда: впереди, на горбатых холмах, стояло русское войско.

Солнце освещало русских с запада, и доспехи их сверкали, как лед.

Дмитрий смотрел с холмов на движение татар. За Дмитрием стояли отборные полки и великокняжеская дружина.

На левом крыле стоял князь Данила Пронский с конными и пешими полками.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. 8, стр. 151.

На правом— окольничий Тимофей Вельяминов с полцким князем Андреем Ольгердовичем.

Бегич с удивлением увидел строгий строй русов, их спокойную неподвижность, блеск оружия.

Кастрюк с воплем вырвался вперед и понесся на Дмитрия, увлекая за собой конницу, мурз, головные отряды и старые боевые сотни. Пыль взвилась. Задние не хотели отставать и тоже, вопя, ринулись вслед первым.

Русы продолжали неподвижно ждать.

Бегич с размаху ударил лошадь камчой и завертелся на месте.

Русы стояли, ждали. Не бежали, не кричали. Этого не бывало! Конница Великой Орды привыкла сминать сопротивление, опрокидывать, топтать, преследовать и на плечах врага врываться в покоренные области. Эти же не бежали. Это была стена, а конница не таран, чтобы бить ею стену.

Головные части сдержали лошадей. Задние смешались, навалились на передних. Перешли на мелкую рысь. Пошли исподволь, вглядываясь, чего ждут русы.

Татарские переные стрелы взвились в небо. Солнечный свет померк от летящих стрел. Но первый порыв прошел, кони крутились на месте, плохо продвигаясь вперед: горячая страсть налета переломилась.

Тогда Дмитрий блеснул мечом.

Тяжелым топотом давя мягкую землю, русские хлынули вдруг вниз с холмов, навстречу врагу.

Застоявшиеся кони рванулись, затекшие плечи поднялись, и древний воинский клич покрыл татарские гомоны.

Стремительно рухнули русские на татар.

И на много верст вокруг вздрогнула земля, и травы пригнулись, как от порыва ветра, и облака всколыхнулись в небе, и татарские лошади шарахнулись на земле...

Татары бежали к реке...

Бегич кричал воинам. Испытанные воеводы грудью своей останавливали бегущих.

В это время Бегич увидел Дмитрия. Князь мчался к реке, преследуя Кастрюкову конницу. Шелом слетел с его головы, волосы растрепались, глаза сощурились.

Бегич не узнавал Дмитрия: рот, который так ласково улыбался в Орде, глаза, которые так открыто смотрели в лицо Мамаю...

Свалка сгрудилась на берегу Вожи...

Бросая оружие, татары кинулись вплавь. Тяжелые панцири тянули книзу; непривычно было степным всадникам нырять в реку.

Тысячи, тысячи татарских всадников ввалились в черные пучины Вожи. Тела запрудили реку. Вода, ворча, начала прибывать.

Стало смеркаться, а татары еще отбивались на берегу и тонули в Воже.

Смеркалось. А люди еще бились во тьме, еще кипела вода.

Встала ночь. И когда уже глаз перестал отличать мурзаметский шелом от русского шелома, сеча затихла. Тьма помешала преследовать татар. Русские остановились, — впереди темнела даль, куда скрылся враг; позади — Русь. А между Русью и воинством — поле битвы...» (стр. 119—122).

Через весь роман С. П. Бородина проходит идея непобедимости народа, который не сломили и не могли сломить бедствия и тяжелые испытания, народа, поднявшегося на защиту родной земли. Перед Куликовской битвой, вот уже в который раз, Мамай «думал о большой стране, разлегшейся впереди. Полтораста лет владеют ею ханы. Батый прошел через нее, как чума. Баскаки сто лет сидели в ее городах, собирая дань для Орды, сто лет высасывали из нее всю кровь до последней капли. Воины многих ханов набегали на нее грабить, брать пленных... Жгли. А городов в ней не убывало. Снова и снова приходилось их жечь, жертвовать тысячами людей. Резали. А людей не убывало, все шире и шире разрастались их поселения, все многолюднее становились их города. Теперь опять, как в дни Батыя, впереди большой народ, большое войско врага, богатые города, бескрайние шляхи» (стр. 313).

На решающую битву с Ордой за Дон, на Куликово поле, вышло объединенное войско Руси, чего не было во времена Батыя. Со всех концов страны сошлись под знамена великого князя Дмитрия Ивановича русские полки. Летописцы отмечали, что вместе с московским князем в походе против Мамаю участвовали: его брат князь серпуховско-боровский Владимир Андреевич и два литовских князя Андрей и Дмитрий Ольгердовичи (с отрядами половчан и брянцев), князя белозерские, тарус-

ский, кашинский, смоленский, брянский, новосильский, ростовский, стародубский, ярославский, оболенский, моложский, холмский, елецкий, мещерский, муромский, кемский, каргопольский, андомские, устюжские; воеводы коломенский, владимирский, юрьевский, костромской, переяславский и др. Общая численность русских войск достигала 100—150 тыс. человек — огромное по тем временам войско! ¹ В поэтическом произведении древнерусской литературы «Задонщине», написанной Софонием Рязанцем под свежим впечатлением Куликовской битвы, мысль о единстве Руси, о том, что именно объединение русских сил явилось главным условием победы, выражена наиболее ярко: вся Русь поднялась на битву с извечным врагом — ордынцами.

«Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона у великого на берегу. Звонят колокола вечевые в великом Новгороде; стоят мужи новгородцы у святой Софии, говоря: «Уже нам, братья, на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть». Съехались все князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу» ².

Общерусский характер похода против Мамая раскрывается на страницах романа, посвященных прибытию в Москву ратей из различных земель и княжеств: «Шли к Москве русские ополчения. Шли конные рати, шли пешие. Ехали впереди ополчений воеводы. Остановки были коротки, переходы долги: за шеломами лесов ждала их Москва...» (стр. 299). Но особенно удачно, на мой взгляд, единство Руси показано в сцене совета русских князей перед битвой. В немногих словах автор сумел передать то новое, что отличало время Дмитрия Донского от периода прошлых междоусобных распрей:

«Двадцать князей сидело пред Дмитрием. Служили ему. И не спор о наследстве, не раздел выморочной вотчины, не поминальный пир и не свадьба собрали их сюда, за бедный и тесный стол. Бывало ли сие? В единую брань, друг за друга умереть готовые, за одну родину на общего врага восставшие, вот они — двадцать князей.

¹ См.: М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г. «Вопросы истории», 1955, № 8, стр. 16.

² Воинские повести Древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 34—35.

Не было сего со времени Батыя, когда каждый в свою сторону глядел.

И Дмитрий подумал: «Надо Боброка спросить — бывало ль сие? Да нет, не бывало сего!» (стр. 334—335).

Победа на Куликовом поле вписала славную страницу в русскую военную историю. Великий князь Дмитрий Иванович Донской проявил себя в подготовке и проведении этой битвы выдающимся полководцем своего времени. В условиях еще не изжитой полностью феодальной раздробленности он сумел собрать большое войско, сосредоточить его в стратегически выгодном пункте — городе Коломне — и скрытно, через земли враждебного Москве рязанского князя, вывести на южные рубежи. Дмитрию Донскому удалось также предупредить объединение ордынских и литовских сил и развязать битву в удобное для себя время. Место битвы было выбрано им с учетом особенностей военной тактики кочевников: на Куликовом поле правый фланг русского войска был прикрыт рекой Непрядвой, а левый — рекой Смолкой и «Зеленой дубравой», что мешало ордынцам наносить излюбленные ими фланговые удары конницей. Хорошо поставленная разведка позволила Дмитрию Донскому задолго до битвы собрать сведения о противнике. Исход боя решил засадный полк, заранее выделенный Дмитрием Донским и спрятанный в «Зеленой дубраве», за левым флангом русского войска. Когда татары в жестокой схватке изрубили передовой полк, стоявший перед центром войска, и ударили на большой полк, ратники последнего, несмотря на тяжелые потери, выстояли. Мамай вынужден был двинуть свою конницу на русский левый фланг, за которым его подстерегал засадный полк. Дмитрий Донской, таким образом, навязал противнику свою волю, заставил нанести удар туда, куда было предусмотрено его планом битвы. Внезапный удар из засады во фланг и тыл прорвавшейся ордынской коннице вызвал замешательство врага и принес победу. Сам Дмитрий Донской проявил в этой битве личную храбрость и мужество, в доспехах простого воина он бился в первых рядах русского войска.

Мамаю не помогли ни страшные удары массы монголо-татарской конницы, ни отряды наемников из народов Поволжья, Крыма и Кавказа, опытных в битвах, ни копыя «фрягов» (генуэзской пехоты) — он был разбит

наголову русскими полками. Страницы романа, посвященные Куликовской битве — это кульминационный момент повествования о Дмитрии Донском. Вот неисчислимая ордынская рать уже подступила к русскому строю.

«Под великокняжеским знаменем взревела, как бык, боевая труба. И тысячи глоток взревели, выкрикнув первый вопль битвы, и щиты ударились о щиты, и копыя затрещали о копыя, и яростный гул брани, ржания, лязга и топота колыхнул небо над головами и землю под ногами бойцов.

Мамаева пехота ударила в середину Сторожевого полка, где бился Дмитрий. Привычной рукой он отбил первые удары, заметил в генуэзских рядах щель и вонзился в нее. Вокруг сгрудилась неистовая упорная схватка.

Живые вскакивали на тела раненых, но, оступившись, либо получив рану, падали сами. Не вставал никто: на упавшего кидались десятки живых.

Татары упорствовали, русские держались. Вскоре это место стало столь тесно, что коням негде было ступить из-за мертвых тел. Обезглавленные стояли рядом с бьющимися: некуда было падать; пехота задыхалась от тесноты, толчеи, от конницы.

Щиты трещали и раскалывались, как скорлупа, от ударов. Давно в генуэзских рядах замелькали щиты русских, а в русских руках генуэзские мечи. Давно конница билась с конницей. Давно Сторожевой полк лег над трупами генуэзской пехоты и Большой великокняжеский полк бился на их телах...

Новые и новые орды втекали в битву, но русские стояли тесно и твердо, и татарам негде было развернуть ни охвата, ни натиска. Сжатый оврагами, Мамай мог ввести в бой лишь столько войск, сколько русские могли отразить...

Три часа русские громоздили тела на тела, перемешивая раненых и убитых, чужих и своих.

Московская рать Большого полка, стиснутая с двух сторон одновременным налетом косожской конницы, устояла. Татары, удивленные русским упорством, откатились и всей тяжестью навалились на полк Левои руки.

Заслон из богатырей был смят татарами, и вся свободная сила Орды хлынула в это место. Первым пал вырвавшийся вперед воевода Лев Морозов.

Полк левой руки, яростно отбиваясь, попятился. Ольгердовичи кинули туда Запасной полк, но золотоордынская конница, ведомая в бой Таш-беком, перехватила и задержала Ольгердовичей.

Полк Левой руки, растеряв своих воевод, не получив подмоги от Запасного, побежал к Непрядве.

Татары, отвернувшись от Дона, врезались между Запасным и полком Левой руки, пробиваясь на правое крыло, вклиниваясь между правым и Запасным полком, чтобы разомкнуть их, ворваться в щель меж ними и дать их порознь.

Федор и Иван Белозерские, Федор и Мстислав Тарусские, воевода Микула Вельяминов и Андрей Серкиз подняли Дмитриево черное знамя и кинулись вперед, чтобы соединить разорванные рати Большого полка и закрыть прорыв.

Туда Мамай послал последние из свежих татарских войск — конные хазарские турки на разъяренных застоявшихся конях выскакали в это место. Оба Белозерских, оба Тарусских, воевода Микула Васильевич, Андрей Серкиз, Акинф Шуба, сотня других воинов пали. Большой полк потерял связь с полком Правой руки, и часть его побежала к реке...

Три часа Засадный полк таился в лесу за речкой Смолкой.

Три часа, содрогаясь от ярости и обиды, дозоры следили за великим побоищем...

Дозор кричал:

— Татары заворачивают наших от Дона к Непрядве.

— Куда?

— На Непрядву повернули. Левый полк гнут.

— Согнули?

— Согнули!

— Отвернулись от нас?

Татарские голоса стали глуше.

Боброк встал. Сердце колотилось; сжал кулак и спокойно пошел к коню...

— Пора!

Застоявшиеся кони, заждавшиеся воины единым рывком перемахнули Смолку и, обдирая сучьями кожу, вырвались в открытое поле.

Татары, увлеченные погоней, рассыпались на многие

отряды и теперь, обернув к Смолке спину, бились с рассеянными частями русских полков.

Мамай, глядя с холма на битву, увидел — войска его, теснившие русских к Непрядве, остановились, смешались и — в наступившей вдруг тишине — повернули обратно...

Бежала генуэзская пехота, истаивая, как волна, докатившаяся до песка; подминая все на своем пути, на нее накатилась волна неудержимых косогов, за косогами вслед бежали, завывая, татары...

Русские, откинутые было к Непрядве, остановились и с радостным воплем вернулись преследовать побежавших татар.

Только теперь Мамай разглядел, как разбрызгивая тоурменские шапки, опрокидывая черные косожские папахи, из лесу вымчалась в бой свежая русская конница...

Удар был внезапен. Так завещал Чингиз. Его нанесли свежие силы по утомленному врагу. Так завещал Чингиз. И свежая конница, наседая на плечи врага, не давая ему ни памяти, ни вдоха, погнала его прочь, уничтожая на полном ходу. Так Русь исполнила три завета Чингиза.

Мамай побежал к коню.

Дрожащей рукой он ухватил холку, но конь крутился, и Мамай никак не мог поймать стремя.

Вцепившись в седло, силясь влезть в него на бегу, Мамай задыхался, а конь нес его вслед за конями Бернабы и мурз.

Позади гремела бегущая конница, звенел лязг наступающих мечей и страшный клич русской погони...

Окровавленный, но все еще мощный великий орел (русского войска. — В. К.) мчался над полями, где еще днем стояли спокойные станы, по горячей золе ночных костров, по опрокинутым телегам обозов, мимо кинувшихся в леса табунов, мимо орущих обезумевших людей, давя и сеча их. Еще впереди грудились овечьи гурты и табуны, но врага впереди уже не было — он остался весь позади, под копытами победителей» (стр. 351—358).

Так, полным разгромом ордынцев, закончилась великая битва на Куликовом поле. О том, что «Русь великая одолела Мамай на поле Куликовом», прошла слава по всем соседним странам, «к Железным воротам (Дербен-

ту), к Риму и к Кафе по морю и к Торнову (Тырново — столица Болгарии. — *В. К.*), и оттуда к Царьграду (Константинополю) на похвалу», — писал в своей «Задонщине» современник событий Софоний Рязанец. «И уже застонала земля Татарская, бедами и печалью покрылась. Исчезло у царей (ордынских ханов. — *В. К.*) желание и похвала на Русскую землю ходить, поникло их веселье. Уже поганые оружие свое повергли, а головы свои преклонили под мечи русские. Трубы их не трубят, умолкли голоса их!»¹.

Тяжелой была борьба с монголо-татарскими завоевателями, много жертв и лишений понес русский народ во имя победы. С. П. Бородин, прославляя подвиги героев битв на Воже и на Куликовом поле, рассказывает и о том, какой ценой давалась победа. Вот к боярину Тютчеву, вернувшемуся после Вожи в Москву, обращается старый крестьянин:

«Я троих сынов вырастил. Первый с Дмитрием на Тверь ходил. Там пал. Второй со Смоленска пришел — ногу на ремне приволок... Третий сын на Воже бился. А слуху нет: жив ли, там ли зарыт?».

Тяжела судьба старика, потерявшего своих сыновей в битвах за величие Руси:

«С нас ныне игумен монастырщину требует. Монастырские мы, на монастырской, на игумена Сергия земле пашем. Надо хлеб отдать, надо денег дать. Сергей-то говорит: «Вас, говорит, четверо!» — «Нас, говорю, я один». — «А тогда с земли уходи, такой деревни под дряхлым старцем, говорит, не оставлю...» — А я ту землю сам от леса поднял, сам выжигал, сам корчевал...» (стр. 192—193).

И в Куликовской битве пешая рать, смерды с топорами и рогатинами, стояла на самом опасном месте, перед княжескими дружинами. Разговор по этому поводу между боярином Бренко и великим князем Дмитрием Ивановичем многое объясняет в авторской оценке победителя Мамаю, классово-сущности его политики. Бренко говорил:

«Добро ли будет, князь Боброк впереди дружин пешую рать ставит? Ведь они пахари, смерды, биться не горазды; падут как снопы.

¹ Воинские повести Древней Руси, стр. 40.

— Жалеешь, что ль?

— А какая польза, если падут?

Дмитрий нахмурился:

— А какая нам польза, если дружины падут, а эти останутся? Нам — только бы дружины устояли, а пахарей завсегда найдем» (стр. 346).

Великий князь Дмитрий Иванович в изображении С. П. Бородина — феодал-вотчинник, рачительный хозяин своих сел, деревень, табунов, угодий. Хозяин разумный, умеющий извлекать доход с зависимых людей, по-своему оберегающий их от злоупотреблений, если эти злоупотребления тиунов и вотчинных управителей снижают княжеские доходы.

...Великокняжеская вотчина в Рузе. «Люди живут тут в тесноте, да не в обиде. Не в обиде живут и расселенные вокруг города на великокняжеской земле люди всяких ремесел и промыслов — седельщики, тульники, медники, серебряники, копейщики, кузнецы, доброй волей сошедшие в эти укромные места из разных городов и народов.

Прямо надо сказать: у князя Дмитрия людям, смердам, страдникам житие не обидное. Московские князья хозяйственны:

«Ежели коня плохо ковать, далеко не пойдет конь».

«Ежели корову худо кормить, молока с нее не возмешь».

«Ежели раба морить, работу с него не взыщешь».

А посему люди на князя не в обиде: идти некуда. Как далеко ни иди, ни в князья, ни в бояре, ни в купцы не дойдешь; путь один — в жизнь вечную, в царство небесное...

На смену почившему приставу приехал в Рузу новый, из Москвы, за княжеским двором смотреть. Если были на дворе нерадивые десятники, злосердные, корыстные, любодей, — всех тот москвитянин разжаловал:

«Егда конюший за конем не следит, княжого коня не холит, секут того конюшного, дабы впредь холил».

«Егда конь не вскормлен, не сдвинуть коню воза, в колях увязшего, и секут не коня, а конюшного, дабы коня вскармливал».

«Егда у коровы дородной на вымени три сосца доятся, а четвертый обмяк, бьют не корову, а дойницу, дабы из всех сосцов на княжой стол молоко текло».

Так говорил Пуня, прибывший от Дмитрия Московского; говорил, сеча десятников, в назидание тем, кого вновь в десятники ставил.

Пуня повел себя с десятниками круто, а с ордынцами и челядью взыскательно, но милостиво. Хороший хозяин князь Дмитрий Иванович!

Спали люди в избах, на полу, на войлоках. Низко спать лучше — поверху дым и чад ходят, а внизу воздух чище. Ели в трапезной за столами, а не на полу, как водилось в прежних полонях. Чашка полагалась одна на шестерых — тоже милостиво: свалок не бывало. Ложку выдавали одну на каждого, не приходилось щей горстями хлебать. Хлеба давали досыта, плетью при нужде били не до немощи, а лишь вмоготу. Искусных в ремесле опекали особо. Старых приставляли к легкому труду.

— Егда сил у смерда на пять мер, он те пять мер подьмлет многократно. С шести же мер, подымая, сорвет живот и более не сможет поднять ни шести горстей, — говорил Пуня» (стр. 13—15).

Автор романа не идеализирует князя Дмитрия, не забывает о том, что «легок меч в княжеских руках, а не княжескими руками выкован, что не бортничает князь для своих золотых медов, не сеет, не жнет, не мелет пшеницу для калачиков, и стад не пасет». Но, раскрывая классовую, феодальную сущность правления московского князя, автор романа соблюдает чувство меры, не принижая образ этого выдающегося полководца и государственного деятеля, много сделавшего для возвышения Москвы. Думается, это совершенно правильно. Победитель Орды на Куликовом поле — не тот образ, на примере которого стоило бы показывать тяжесть феодальной эксплуатации!

В романе С. П. Бородин много интересных характеров людей тогдашней Руси, точных и кратких оценок тех или иных исторических явлений, много описаний деталей древнерусского быта. Роман читается с большим интересом, и популярность его — заслуженная. Именно поэтому необходимо остановиться на некоторых неточностях и фактических ошибках, которые, к сожалению, встречаются в произведении С. П. Бородин. При переиздании романа хотелось бы пожелать автору устранить эти недочеты.

В романе имеются некоторые неточности в хронологии событий. Большой поход Дмитрия Ивановича на Тверь во главе объединенной рати ряда северо-восточных русских княжеств относится к 1375 году¹, а не к 1377 году (стр. 7). Далее, С. П. Бородин считает, что «с весны 1367 года начали ставить на Москве каменный кремль. Теперь, за *одиннадцать лет* (курсив мой. — В. К.), успели возвести добрые стены, и не только стены, а башни кой-где сложили из камня» (стр. 7). Между тем известно, что белокаменный кремль был построен за один год, причем на его стенах уже в 1367 году было возведено несколько башен, в том числе и та, которая была названа «Тайницкой» (в романе она возводится в 1378 году!)². С. П. Бородин пишет: «Мамай заколол хана Махмета. Ханом стал» (стр. 236), «Мамай ныне хан» (стр. 244). Это неверно. По обычаю, ханом Золотой Орды мог быть только потомок Чингиз-хана, и фактический правитель Орды Мамай вынужден был управлять от имени очередного «чингизида», являвшегося марионеткой в руках могучего правителя орд. Он так и не решился объявить себя ханом. Что касается событий, непосредственно предшествовавших походу на Русь, то летописец отмечал следующее: темник Мамай «многих царей и князей избил, и поставил себе царя по своей воле»³. Далее. «Сторожу» Семена Мелика и других воинов, по словам автора романа, Дмитрий Иванович отправил под «мамаеву орду» из Коломны (стр. 325). Летописец сообщал, что князь «отпустил в поле под Орду Мамаеву избранного своего боярина и крепкого воеводу Семена Мелика» значительно позднее, уже находясь с войском у Дона. Есть в романе и другие неточности, тоже, впрочем, легко исправимые.

Подробный разбор романа С. П. Бородина необходим прежде всего потому, что это, по существу говоря, единственное крупное художественное полотно о Куликовской битве, о Руси конца 70-х — начала 80-х годов XIV столетия. Повесть М. В. Езерского «Дмитрий Донской», выпущенная в 1941 году, не отличается художественными достоинствами и содержит многочисленные историче-

¹ См.: ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 110 и след.

² См.: М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 35—37.

³ ПСРЛ, т. 11, стр. 46.

ские ошибки. Еще в то время она была подвергнута резкой критике в рецензии Д. С. Лихачева¹. В. Т. Пашуто в своем обзоре исторической художественной литературы по истории русского средневековья² отметил коренные недостатки этой повести: приниженность образа Дмитрия Ивановича — в книге М. В. Езерского он «представлен человеком недалеким», отсутствие классового подхода к освещению событий («ложная картина единения князя с народом») и т. д. В настоящее время повесть уже стала библиографической редкостью и нет нужды заниматься ее дополнительным разбором. По той же причине я не анализирую книгу Г. Шторма «На поле Куликовом», которая вышла в 1939 году и содержит много фактических ошибок.

Однако о новом издании этой книги стоит поговорить, так как оно содержит те же ошибки, что были раньше.

Начальный этап нашествия Батыя на Восточную Европу Г. Шторм представляет следующим образом:

«Часть Батыевых сил двинулась к Средней Волге, победила Мордву и сожгла главный город Булгарского царства близ устья Камы.

Остальная Орда, пройдя Половецкую степь, разбив кабардинцев и половцев и сделав набег на Чернигов, осталась кочевать на притоках Дона, у рубежа Рязанской земли»³.

В действительности события развивались по-иному. Первый удар завоевателей был направлен не на мордву, а на Волжскую Булгарию. Русский летописец сообщал под 1236 годом: «Тое же осени придоша от восточные страны Болгарьскую землю безбожнии Татари и взяша славный Великий город Болгарьский и избиша оружием от старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша»⁴. О том же сообщал персидский историк Рашид-ад-Дин в своем «Сборнике летописей»: «в ту зиму» монголо-татары «дошли до града Булгара Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться». И только весной

¹ См.: «Детская литература». М., 1941, № 51, стр. 49—51.

² См.: В. Т. Пашуто. Средневековая Русь в советской художественной литературе, стр. 106—107.

³ Г. Шторм. На поле Куликовом. М., 1966, стр. 7.

⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 460.

следующего 1237 года завоеватели перешли нижнюю Волгу и обрушились на половцев; они, по словам Рашид-ад-Дина, двинулись «облавою и страну, которая попала в нее, захватили, идя строями». К стати сказать, вместе с половцами под этот удар попали не «кабардинцы», как пишет Г. Штурм, а аланы, населявшие степи Северного Кавказа. Формирование кабардинцев как отдельного народа относилось ко времени после монгольского нашествия, к XIII—XV векам, и было связано с продвижением их на территорию современного расселения. Здесь кабардинцы частично вытеснили, а частично ассимилировали местное население — потомков алан. Только после похода монголо-татар на половцев и алан источники сообщают о нападении их на мордву, которую автор разбираемой книги почему-то считает первой жертвой нашествия. После описания «облавы» Рашид-ад-Дин упоминает о том, что «сыновья Джучи: Бату, Орда, Берке, внук Чегатая — Бури, и сын Чингиз-хана — Кулькан занялись войной с Мокшей, Буртасами, Аржанами и в короткое время завладели ими»¹. Основные же мордовские земли были разгромлены завоевателями во время зимнего похода 1239 года. Совершенно фантастическим является сообщение Г. Штурма о том, что монголо-татары до нашествия на Северо-Восточную Русь сделали «набег на Чернигов». По свидетельству русского летописца, только в 1239 году «взяша Татарове Чернигов, град пожегше и люди избиша». Псковская I летопись и так называемая «Летопись Авраамки» уточняют дату нападения завоевателей на Чернигов — 18 октября 1239 года².

Неточно дана в книге и картина взятия Рязани. Г. Штурм пишет, что «на шестой день осады враг разбил деревянные стены таранами и сквозь дым и пламя ворвался в город» (стр. 8). Все летописцы, довольно подробно описывавшие осаду и штурм Рязани, ничего не говорили о разрушении ее крепостных стен (при осаде Владимира на это обстоятельство летописцы обратили особое внимание!), не в этом была особенность битвы за Рязань. В «Повести о разорении Рязани Батыем» отме-

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2, стр. 36.

² См.: ПСРЛ, т. 1, стб. 469; т. 4, стр. 178; т. 16, стб. 51.

чалось, что «Батыево бо войско переменишася, а гражане непрестанно бяшеся»¹. Измотав силы осажденных в многодневной непрерывной битве, «придоша погани ко граду, овии с огнем, а инии с топоры, а инии с пороки, и с токмачи, и лествицами, и взяша город Рязань месяца декабря в 21 день».

Далее, непонятно, почему после битвы под Коломной «отступать к Москве Юрий больше не мог — этот путь был отрезан» (стр. 10). Великий князь владимирский Юрий Всеволодович находился в это время в своей столице, городе Владимире, и движение его к Москве было бы не «отступлением», а, наоборот, наступлением — навстречу приближавшимся монголо-татарам. Отступал же Юрий Всеволодович в противоположную сторону: к Ростову, а затем за Волгу, на приток Мологи — реку Сить. Причем отступил, по свидетельству летописца, «в мале дружине», а не «собрав в Суздальской земле войско», как считает Г. Шторм (стр. 12).

Совершенно необоснована в книге Г. Шторма дата «покорения» Руси монголо-татарскими завоевателями. Он пишет, что «разрозненные русские княжества не могли сдержать лавину татарских полчищ и к 1242 году были покорены» (стр. 12). Почему именно к 1242 году? Весной 1241 года Батый, закончив разгром Южной Руси, ушел на запад, за пределы русских земель. А о первых поездках русских князей в Орду, что фактически означало признание зависимости от монголо-татарских ханов, летописцы сообщали только под 1243 годом: «великий князь Ярослав поеха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла к Канови (т. е. к великому монгольскому хану. — В. К.). Батый же почти Ярослава великого честью, и мужи его, и отпусти, и рек ему: «Ярославе, буди ты старей всем князем в Русском языке». В следующем, 1244 году ездили в Орду «про свою отчину» и вернулись «пожалованы» другие князья². А окончательное оформление монголо-татарского ига над Русью произошло еще позднее, в 1257—1259 годах, когда была проведена монгольская перепись населения и русские земли были обложены данью. Тогда «приехаша численници, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую

¹ Воинские повести Древней Руси, стр. 12, 26.

² ПСРЛ, т. 1, стб. 470—471.

и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысячники и темники, и идоша в Орду»¹.

Далее, Г. Шторм, перечисляя состав Золотой Орды, пишет, что в нее вошли «булгарские земли, часть Средней Азии, Северный Кавказ и Таврида» (стр. 12), не упомянув даже об основном владении золотоордынских ханов — половецких степях.

Повествуя об ордынских даях, Г. Шторм пишет: «данью было обложено все мужское население». Во времена Батыя «каждый, как малый, так и большой, даже младенец однодневный, давал дань» (стр. 13). Между тем хорошо известно, что единицей обложения при сборе ордынской дани было хозяйство: в городах — дом, в сельских местностях — соха, деревня. Недаром во время переписи 1259 года в Новгороде ордынские «численники» «почаша ездити по улицам, пишюче дома христьянскыя»². В источниках неоднократно упоминалась дань ордынская «по полугривне с сохи, а в сохе числища два мужи работнии», «по рублю дань с двух сох», «с всякие деревни по полтине» и т. д. Кстати сказать, подушной подати Русь не знала до Петра I. Рассуждения же автора книги некритически восприняты из известного текста Плано Карпини о том, как «один сарацин» «у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного», а всех остальных «пересчитал, приказывая, чтобы каждый... платил такую дань»³. Но здесь речь шла о некоторых пограничных со степью землях, попавших под непосредственное управление завоевателей, а в Северо-Восточной Руси оставались свои князья и порядки там были другие.

Переходя к описанию событий, предшествовавших Куликовской битве, Г. Шторм утверждает, что Мамай «объявил себя ханом» (стр. 17). Выше уже говорилось, что это неверно — ханом мог быть только потомок Чингис-хана, а Мамай, фактический правитель Золотой Орды, вынужден был править от имени очередного послушного ему хана.

Вызывает недоумение утверждение автора книги о том, что в составе литовских войск шли на помощь Ма-

¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 475.

² НПЛ, стр. 82—83.

³ Плано Карпини. История монголов, стр. 54—57.

маю «жмудины и шведы» (стр. 22), что во время Куликовской битвы татары обрушились на «левое крыло, где было много новых, необученных воинов» (стр. 24). В источниках нет никаких указаний на эти факты.

Говоря об итогах битвы на Куликовом поле, Г. Штурм пишет: «Сто сорок лет тяжкого ига были сброшены в течение одного дня» (стр. 30). Как это понимать? Ведь общеизвестно, что иноземное иго в 1380 году не было свергнуто, да и сам автор книги пишет далее, что татары еще целых сто лет «хаживали» на Русь и «прашивали» у русских людей «дани-выходы» (там же). Навряд ли будет правильным категорически утверждать, что после Куликовской битвы ордынцы «боялись встречи с ними в открытом бою» (там же). А нашествие Тохтамыша спустя два года? А опустошительный поход Едигея? Только незнанием внутренней обстановки в Золотой Орде после поражения Мамаю в Куликовской битве можно объяснить предположение автора книги о том, что «в 1380 году — по-видимому, за участие в Куликовской битве — золотоордынский хан закрепил за ними (генуэзцами.—В. К.) все крымское побережье» (стр. 31). Хан был противником Мамаю, и навряд ли в его глазах участие генуэзцев в походе вместе с Мамаем было заслугой, за которую можно было платить так дорого.

Навряд ли можно согласиться с тем, как автор объясняет своим читателям происхождение слова «выход»: «Дань называлась «выходом», быть может потому, что получив ее, татары выходили з русских владений, то есть соглашались не разорять их» (стр. 12). Между тем известно, что ордынский «выход» собирали сами русские князья и сами отвозили в Орду.

Есть в книге Г. Штурма и другие ошибки и неточности, о которых не стоит говорить подробно. Ясно одно: книга нуждается в серьезном научном редактировании.

Художественные произведения о великом князе Дмитрии Ивановиче Донском заканчиваются на Куликовской битве. Это можно объяснить — ведь именно «Мамаево побоище» было центральным моментом его княжения. Но ведь государственная и военная деятельность Дмитрия Донского не прекратилась осенью 1380 года! Множество интересных и важных событий совершилось в последние десятилетия его княжения, и рассказать о них — патриотический долг писателей.

Тяжел был удар, нанесенный орде на Куликовом поле. Но свергнуть ненавистное иго на этот раз Руси не удалось. Новый ордынский хан Тохтамыш направил посольство к великому князю Дмитрию Ивановичу. Не имея сил для немедленного похода на Русь, он попытался представить дело так, будто Дмитрий разбил на Куликовом поле не Орду, а темника Мамаю, врага самого Тохтамыша, и с приходом к власти «законного» хана должен снова платить дань в Орду. Дмитрий одарил посольство богатыми подарками, но от признания покорности и выплаты дани уклонился.

Положение на Руси было очень сложным. Войско понесло тяжелые потери в кровопролитной Куликовской битве: по словам летописцев, в живых осталось только 40 тысяч русских воинов! Подняли голову политические соперники московского князя, в первую очередь тверской князь. В этих условиях было особенно нежелательным новое ордынское вторжение. Но предотвратить его не удалось. В 1382 году орды Тохтамыша двинулись на Москву. Сначала он «послал слуг своих в город, называемый Болгары» и «повелел гостей (купцов) русских грабить, а суда их с товарами отнимать и приводить к себе на перевоз». Затем, «собрав силы многие», переправился через Волгу. Рязанский князь Олег снова перешел на сторону Орды, «встретил царя Тахтамыша на украиннах своей земли Рязанской» и «броды ему указал на Оке». Дмитрий Иванович, застигнутый врасплох неожиданным вторжением, не успел собрать войско и уехал в Кострому, а рать Тохтамыша осадила Москву. Оборону столицы взял в свои руки народ. По словам летописца, москвичи «во всех городских воротах с обнаженным оружием стояли, и с ворот городских метали камни, не пуская никого уйти из города» — видимо, бояре пробовали бежать перед приходом врага. Но всех их заставили взяться за оружие. Только митрополит Киприан и великая княгиня были выпущены из города. Разве эти события, этот взрыв классовых противоречий перед лицом грозной опасности — не благодатный материал для писателя исторического жанра?

Орда Тохтамыша подошла к Москве 23 августа. Монголо-татары не решились сразу подступить к кремлевским стенам, потому что укрыться от стрел защитников города им было негде: «было около града чисто, потому

что горожане сами посады свои пожгли и ни единого тына или дерева не оставили». Когда враги приблизились к стенам, на них полетели стрелы и камни. У москвичей были «самострелы», издали поражавшие врагов, и даже первые русские пушки — «тюфяки». Ордынские лучники, прикрываясь щитами, осыпали город ливнем стрел. Затем, приставив многочисленные лестницы, начали штурм кремлевских стен. Однако «горожане, воду в котлах скипятив, лили на них кипяток», «стреляли и камнями сшибали» и «пушки пускали на них». Приступ был отбит, причем, по словам летописца, «некто горожанин москвитин, суконщик, именем Адам, с Фроловских ворот пустил стрелу из самострела и убил некоего из князей ордынских сына, знатного и славного, и великую печаль причинил Тахтамышу царю и всем князьям его».

Три дня безрезультатно простоял Тохтамыш у стен Москвы. На четвертый день он начал переговоры с осажденными. Ордынцы убеждали москвичей: «Царь вас, своих людей и своего улуса, хочет жаловать, потому что неповинны вы, не на вас пришел царь, а на князя Дмитрия, ничего не требует от вас царь, только встретьте его с честью, с легкими дарами, а вам всем мир и любовь». Москвичи поверили ханским обещаниям и открыли городские ворота. После этого ордынцы «в город ворвались, и одних иссекли, а других пленили, и церкви разграбили, и книг множество пожгли, снесенных отовсюду в осаду, и богатство, и имение, и казну княжескую взяли. Взят же был город месяца августа в 26 день, в 8 часов дня».

Разграбив Москву, Тохтамыш повел свои рати опустошать русские земли. По словам летописцев, одни «пошли к Переяславлю, другие Юрьев взяли, а иные Звенигород, и Можайск, и Боровск, и Рузу, и Дмитров, и волости и села пленили. Переяславль же, взяв, сожгли, а горожане многие на озеро выехали на судах и там спаслись». Тверской князь Михаил Александрович поспешил использовать сложившуюся обстановку. Он послал Тохтамышу богатые дары, признал его власть и получил взамен «ярлык» на свое княжение. Тверь спаслась от ордынского погрома. Но, несмотря на эти военные успехи, положение Тохтамыша не было прочным. Только неожиданность нападения помогла ему разорить русские земли. И достаточно было Тохтамышу узнать, что князь

Владимир Андреевич Серпуховский, один из героев Куликовской битвы, встал «близ Волока со мною силою», как он тотчас начал отступление. По дороге в Орду монголо-татары взяли Коломну, а затем «повоевали Рязанскую землю» и отошли «с бесчисленным богатством и бесчисленным полонем восвояси».

Дмитрий Иванович вернулся в разоренную Москву. Ему снова пришлось бороться за великое княжение: тверской князь Михаил Александрович «пошел к Тохтамышу царю в Орду с честью и дарами, ища себе великого княжения Владимирского и Новгородского». За ним последовал в Орду и князь Борис Городецкий. Единство русских князей перед лицом внешнего врага, с таким большим трудом установленное Дмитрием Ивановичем накануне Куликовской битвы, нарушилось, феодальная разобщенность снова на какое-то время взяла верх над общерусскими интересами. Дмитрию Донскому пришлось послать своего сына Василия в Орду «тягаться о великом княжении Владимирском и Новгородском с великим князем Михаилом Александровичем Тверским»¹. Дмитрий Иванович остался великим князем, но ему пришлось снова признать зависимость от Орды. Снова в Орду потекли «дани» и «выходы», тяжким бременем ложась на плечи народа. Снова пришлось восстанавливать разоренную завоевателями землю, поднимать из пепелищ города и села, копить войско.

Однако Куликовская битва подорвала веру в могущество Орды. Зависимость от золотоордынских ханов в представлении русских людей теперь была временной. И князья, и народ почувствовали, что ордынцев можно победить, и ждали удобного случая, чтобы свергнуть ненавистное иго. Изменившееся отношение к Орде хорошо видно по духовным и договорным грамотам русских князей того времени. До Куликовской битвы князья, отправляясь в Орду, обычно составляли завещания на случай возможной смерти. После 1380 года в грамоты стали включаться пункты, предусматривающие княжеские взаимоотношения, если «переменит бог Орду», т. е. падет ордынское владычество. В духовной грамоте Дмитрия Донского, составленной в 1389 году, было записано:

¹ ПСРЛ, т. 11, стр. 71—78, 81—82. Летописные тексты здесь даются в переводе на современный язык.

«А переменит бог Орду, дети мои не будут давать выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть». Той же формулой начали пользоваться и удельные князья. В договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (примерно 1401—1402 г.) говорилось: «А переменит Орду, и мне брать дань со своей вотчины и со своего удела себе, а тебе, великому князю, не давать»¹.

Надежды на то, что «бог переменит Орду», имели под собой реальные основания. После «Мамаева побоища» Золотая Орда не смогла полностью оправиться от ущерба. Поход Тохтамыша был временной и непрочной удачей. В 1395 году на Золотую Орду обрушился новый удар. Могущественный правитель Средней Азии Тимур пошел войной на Тохтамыша. На Тереке войско Тохтамыша было разбито. Тимур страшно опустошил владения Золотой Орды, взял и разграбил ее столицу — город Сарай. Походы ордынцев на Русь надолго прекратились. Поэтому новому правителю Золотой Орды Едигею было очень трудно добиться признания своей власти русскими князьями. До нашего времени сохранился любопытный документ — грамота Едигея великому московскому князю Василию Дмитриевичу (1409 г.). В этой грамоте Едигей жаловался на невнимание к его послам, на нежелание населения платить дань и уже не требовал, а просил собрать «старые оброки», хотя и грозил покарать заслушание. В грамоте упоминались «тахтамышевы дети», которых великий московский князь держал у себя (видимо, для политического давления на правителя Золотой Орды). Вот подлинный текст грамоты:

«От Едигея поклон Василью, да и много поклонов. Как те поклоны придут к тебе, царев ярлык: слышание учинилось таковое, что тахтамышевы дети у тебя, да еще слышание наше, что неправо у тебя чинят в городах, послы царевы и купцы из Орды к тебе приезжают, а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините: это недобро. А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.—Л., 1950, стр. 44, 49, 74.

обиды... Как царь Темир-Котлуй сел на царство, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата, ни с каким словом. А потом Шадибек восемь лет царствовал, и у него ты также не бывал и никого не присылал, и Шадибеково царство также минуло. А ныне Булат-Салтан сел на царство, и уже третий год царствует. Также ты сам не бывал, ни сына, ни брата своего не присылал, ни боярина... И мы улуса твоего сами своими глазами не видели, только слухом слышали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то все лгал: что собирал в своей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы добро, если бы дань была отдана по старине и по правде, тогда бы улусу твоему зла не учинилось, а крестьяне бы не погибли до конца, и ярости бы и брани нашей на тебя не было ни в чем»¹. Так писал ордынский правитель великому московскому князю после вторжения в русские земли в 1408 году, во время которого Русь был причинен значительный урон, но власть Орды так и не была восстановлена.

Решающую роль в этом сыграла успешная оборона Москвы, отбившей набег Едигея. Правда, великий князь Василий Дмитриевич не успел собрать заранее войско и уехал в Кострому, но в Москве он оставил «воевод и многое множество народа». Москва спешно готовилась к обороне. Были сожжены московские посады, чтобы враги не могли незаметно подойти к стенам города. Ордынцы не посмели штурмовать каменную твердыню московского кремля. По словам летописца, они даже «не смели близ града стоять» из-за сильного обстрела со стен. Едигей остановился в Коломенском и «распустил по всей земле воинство». Ордынские отряды разорили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, а «волости и села попленили и пожгли». В Кострому, где находился великий князь, Едигей послал «царевича Бегибердея, да сына своего Якшибея, да князя Синьтилибея с тридцатью тысячами и четырьмя тысячами избранной рати татар», но они не достигли цели. Не

¹ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819, стр. 16—17. Текст публикуется в переводе на современный язык, с некоторыми сокращениями.

сдавалась и Москва. Едигей выговорил себе у москвичей выкуп в 3 тыс. рублей и отступил¹.

А в Орде тем временем против Едигея выступили «тахтамышевы дети» (у Тохтамыша было 13 сыновей!), начались трения между Едигеем и ордынским ханом Тимуром, от имени которого он правил. В борьбу вмешались другие ордынские феодалы. Во время этой «заметни» Едигей потерял власть в Орде и вскоре погиб. После его смерти усобицы еще больше усилились. Подняли голову вожди мелких улусов, и Золотая Орда, по существу говоря, перестала быть государством с единой центральной властью и распалась на несколько частей. Три хана боролись за власть в прежних золотоордынских землях. По сообщению арабского историка Ал-Айни, «один из них, по имени Даулет-бирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммед-хан, завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка»² (юго-восточная часть Золотой Орды). Впоследствии против Мухаммед-хана (или Улу-Мухаммеда) выступил Сайид-Ахмед. Улу-Мухаммед вынужден был откочевать со своей ордой с низовьев Волги на север, к русским землям, и стал основателем династии казанских ханов и первым правителем Казанского ханства, образовавшегося на территории Волжской Булгарии. Почти одновременно выделился из состава Золотой Орды и Крым, которым правил Хаджи-Гирей, основатель династии крымских ханов. Во владениях «Большой Орды», которая пыталась выступить наследницей золотоордынского государства, оставалась только территория Нижнего Поволжья (от нынешнего Куйбышева до Астрахани).

Все эти большие события и внутри Руси, и за ее южными рубежами произошли в последние годы жизни Дмитрия Ивановича Донского и в великое княжение его сына — Василия I Дмитриевича. Василию I Дмитриевичу, кстати сказать, совсем не нашлось места в художественной летописи Русской земли: нам неизвестно ни одного исторического романа или повести, посвященных этому интересному государственному деятелю.

¹ ПСРЛ, т. 11, стр. 205—209. Выдержки из летописи даются в переводе на современный язык.

² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Спб., 1884, стр. 534.

«ИВАН III — ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ»

Времени образования Русского централизованного государства, завершения борьбы за свержение монголо-татарского ига посвятил свой многотомный роман «Иван III — государь всея Руси» советский писатель В. Язвицкий. Писать об этом романе трудно: о нем неоднократно уже писали и литературные критики, и историки, и просто читатели. П. Пустовойт в 1950 году в рецензии на первое издание романа так охарактеризовал основное его содержание: «В романе показана борьба двух тенденций исторического развития. Первая тенденция, олицетворяемая великим князем московским Василием Васильевичем и его сыном Иваном, была направлена к созданию мощного централизованного государства, способного противостоять внешним врагам. Выразителями второй тенденции, смысл которой заключался в отставании феодального многовластия, а, следовательно, в децентрализации, являлись удельные князья». Рецензент отметил, что «В. Язвицкий правдиво и убедительно объяснил сочувствие народа власти московских князей не тем, что эта власть сулила народу хорошую жизнь и освобождение от рабства, а тем, что она была относительно лучшей формой, чем государство мелких князей и бояр, тем, что централизованная власть в большей мере защищала народ от иноземного порабощения». Далее П. Пустовойт писал, что «жизнь феодальной деревни и мелкого посадского люда отражена в романе в ее противоречивости», что, изображая светлыми красками отдельных представителей православной церкви, «В. Язвицкий тем не менее в беглых, уничтожающих репликах других героев романа разоблачает преступную сущность деятельности духовенства», и т. д. К числу недостатков романа П. Пустовойт относил «чрезмерную детализацию старинного быта и то, что язык произведения «порой грешит излишней архаизацией»¹.

¹ «Знамя», 1950, № 1, стр. 172—176.

В следующей рецензии — Б. Дацюка, озаглавленной «Правда истории и литературная стилизация», отмечается, что роман В. Язвицкого «является первым в нашей литературе художественным произведением на данную тему», признаются удачными образы самого Ивана III, князя Василия II Васильевича, его матери Софьи Витовтовны. Однако в целом роман оценивается иначе, чем в рецензии П. Пустовойта. Б. Дацюк считает, что в романе недостаточно показана «роль народных масс в описываемых событиях», отдельные герои из народа слабо связаны с главной сюжетной линией, «борьба между князьями как бы оттеснила на задний план тему народа» — «...слишком уж много места отводится автором описанию всех, в том числе и второстепенных перипетий феодальной войны середины XV века», что приводит к «односторонней переоценке борьбы, происходившей внутри господствующего класса». Автор оставляет без внимания социально-экономические процессы, действительно ведущие к объединению страны. Далее, пишет Б. Дацюк, «в своем явном стремлении к стилизации В. Язвицкий густо насыщает книгу мало понятными, а порой и прямо непонятными для читателей терминами», «впадает порой в какую-то поповщину». Вывод рецензента неутешителен: «Автор утонул в изобилии фактов, терминов, имен и не завершил еще необходимого процесса критического освоения и обобщения собранного материала»¹.

Еще более развернутую критику недостатков романа В. Язвицкого дал спустя два года С. Петров на страницах «Литературной газеты». Он писал, что «народ является лишь фоном деятельности Ивана III... Сама по себе судьба народа, жизнь его мало представлены в романе. Здесь есть «верхи» и нет художественно конкретизированных в образной системе «низов». В. Язвицкий увлекся изображением великих московских князей, их политических противников, их семей, придворного окружения и челяди». В романе подробно освещена политическая борьба Ивана III и его отца с удельными князьями, но «социальная основа борьбы этого времени оказалась не раскрытой» и «все освещение вопроса о классовом содержании политики Ивана III свелось к несколь-

¹ «Новый мир», 1950, № 7, стр. 253—256.

ким замечаниям и высказываниям самого Ивана», «не раскрыта и другая важнейшая сторона социальных отношений в Руси XV века — положение крестьянства, мелких посадских людей», «в романе уделено мало внимания внутренней политике князя Василия Васильевича и сына его Ивана III». Далее рецензент обращает внимание на то, что «во многом удачно показан умный и властный Иван III», но «изображение княжеских и придворных отношений излишне тенденциозно. Автор справедливо сочувствует политике Ивана III и негодует на Шемяку, но уж очень светлыми тонами изображен и отец Ивана III — Василий Васильевич, и большинство лиц из окружения Ивана III. На этой стороне все добродетели, на другой — одни злодейства...». Весьма существенным является замечание о том, что «не раскрыл В. Язвицкий противоречивых тенденций и внутри окружения Ивана III, внутри московского боярства. Окружение великого князя идиллично: все бояре и слуги Ивана III прямо на него богу молятся. Автор, видимо, забыл о том, что Ивану III вскоре пришлось круто расправиться с князьями Патрикеевыми, Стародубским и некоторыми другими за их феодально-вотчинные настроения и «высокоумничание». Боярская среда вовсе не была единой, послушной, как изображается это в романе». Не согласен С. Петров и с освещением роли православной церкви: «Неудачным, во многом сусальным является изображение в романе роли церкви и отдельных ее деятелей... Автор изображает дело так, будто эти митрополиты, епископы, попы являются высшими и подлинными защитниками простого народа, его радетелями перед княжеской властью». В образе самого Ивана III рецензент отмечает элементы модернизации. «Настойчиво подчеркивается народолюбие Ивана III, понимание им тягот народных и сознание своей ответственности перед народом как «царя всея Руси». Как и предыдущие рецензенты, С. Петров отмечает перегруженность романа описаниями княжеского быта, «неправомерную архаизацию языка романа, необоснованную стилизацию речи»; книга «сильно засорена архаизмами». Правда, С. Петров отметил патриотизм романа, проходящую через все произведение идею утверждения государственности, независимости и самостоятельности Руси, указал на отдельные удачные главы (например, о взаимоотношениях Ивана III с Новгородом

дом и Псковом), но в целом его оценка романа отрицательная¹.

Резкой критике подверглась и последняя книга романа В. Язвицкого, вышедшая в свет в 1955 году. В. Серегин писал о «серьезных недостатках» этой книги, которые, по его мнению, заключались «прежде всего, в идеализации образа самого государя Ивана III. Потеряв чувство меры, автор наделяет Ивана Васильевича одними положительными качествами, независимо от того, выступает ли он перед нами как великий князь, военачальник или глава семьи. Автор буквально любит нарисованным им портретом могущественного государя, мудрого правителя, искусного в военном деле полководца, умиляется его поступками. Вместо живого человека В. Язвицкий преподносит нам своего рода идеального героя прошлого времени». Далее В. Серегин писал: «Описание событий, развертывающихся в романе, ограничивается главным образом столовой и опочивальней Ивана Васильевича. Здесь сосредоточено основное внимание писателя... В то же время весьма скупо показана классовая борьба крестьян против своих угнетателей — светских и духовных феодалов. Совершенно незначительное место отведено в книге народным массам — подлинным творцам истории»².

Доктор исторических наук В. Т. Пашуто в своем обзоре советской художественной литературы, посвященной средневековой Руси, отметил идеализацию в романе личности Ивана III, его отношения к народу, идеализацию церкви («все попы, все отцы духовные — благодетели власти и народа»), перегруженность романа второстепенными деталями, стилизацию языка и архаизмы. Общий вывод В. Т. Пашуто весьма категоричен: «В романе народность чаще выступает в союзе с самодержавием и православием, чем с партийностью... Роман представляет своего рода сводную летопись с диалогами, переходящую под конец в погодное, и даже подневное, изложение. В целом роман В. Язвицкого — худший образец соединения незрелой социологии с этнографическим натурализмом»³.

¹ «Литературная газета», 1952, 29 января.

² «Новый мир», 1956, № 2, стр. 264.

³ В. Т. Пашуто. Средневековая Русь в советской художественной литературе, стр. 110—111.

Замечания рецензентов романа В. Язвицкого совершенно справедливы. В образе Ивана III налицо элементы идеализации (Василий Васильевич, впрочем, навряд ли может быть назван «идеальным государем» — он слаб, неразумно вспыльчив, порой ненужно жесток и т. д.), роман перегружен деталями княжеского быта, автор не сумел создать запоминающихся образов героев из народа, язык романа архаичен и трудночитаем. Но, мне кажется, видеть в романе В. Язвицкого только недостатки было бы неправильным (хотя, повторяю, недостатки есть, и очень серьезные!). Роман неоднократно переиздавался, он стоит на полках библиотек, читается, и попросту отмахнуться от него нельзя. Не полемизируя с предыдущими рецензентами, мне хотелось бы просто проследить, как отражены в книге В. Язвицкого основные тенденции и процессы описываемого времени, как сумел воплотить автор большую патриотическую идею борьбы за независимость против иноземного ига, борьбы за государственное объединение Руси.

Основным содержанием первой и второй книг романа В. Язвицкого является феодальная война великого московского князя Василия II Васильевича с противниками централизации — удельными князьями. Описание феодальной войны автор начинает с 1445 года. Какие же события предшествовали этому?

Феодальная война в Северо-Восточной Руси разразилась во второй половине XV века и продолжалась почти тридцать лет. Это был закономерный этап развития феодальной формации, который прошло большинство государств Западной Европы. Сильная централизованная власть защищала интересы класса феодалов в целом, давала ему возможность эксплуатировать народные массы, защищала от внешних врагов. Однако одновременно централизованная власть стесняла привилегии отдельных групп феодалов, в первую очередь удельных князей и боярской аристократии. Это вызывало противоречия, которые выливались в феодальные войны против великокняжеской власти.

В первой половине XV столетия удельные князья и боярская аристократия еще обладали достаточными силами для открытого военного выступления против политики централизации, которую проводили великие московские князья. На территории самого Московского княже-

ства было несколько уделов, в которых «сидели» родственники великого князя. Не был побежден и сепаратизм других феодальных центров. Попытки великокняжеской власти стеснить государственные права удельных князей вызывали их упорное противодействие.

Силы, выступившие против централизации, были возглавлены галицкими князьями — младшим сыном Дмитрия Донского Юрием Дмитриевичем с сыновьями. Кроме Галича Мерьского и прилегавших к нему плодородных и густо населенных земель галицкий князь владел подмосковным Звенигородом. Воспользовавшись завещанием Дмитрия Донского, по которому великое княжение должно было перейти после смерти Василия I к следующему по старшинству брату, т. е. к Юрию Дмитриевичу, последний отказался признать московским князем девятилетнего Василия II Васильевича и начал собирать войско. По словам летописца, галицкий князь «разосла по своей отчине по всех людей своих и яко снидошася к нему все из всех градов его, и въсхоте пойти на великого князя». Московская рать немедленно выступила против него к Костроме, но решающего успеха не добилась — между соперниками было заключено только перемирие. Обе стороны готовились к дальнейшей борьбе. Так была развязана феодальная война.

Не решил спора и договор, заключенный между московским князем Василием II Васильевичем и галицким князем Юрием Дмитриевичем в 1428 году, хотя последний и отказался на словах от своих притязаний на великое княжение. Когда усилилось наступление Литвы и отдельные русские князья (тверской, рязанский) использовали это для ослабления своей зависимости от Москвы, Юрий Дмитриевич снова попытался занять великокняжеский «стол». Спор о великом княжении был перенесен в Орду — Юрий Дмитриевич явно старался вернуться к «старине», когда главенство над Русью давалось волей хана. Василий II Васильевич сумел отстоять в Орде свои права и, утвердившись в Москве, начал более активно проводить политику ограничения привилегий удельных князей. Это вызвало резкое противодействие последних и привело к новой вспышке феодальной войны. Показательно, что против политики централизации выступила и часть старого московского боярства. В 1433 году Юрий Дмитриевич с большим войском двинулся на Москву.

Великий князь Василий II Васильевич не успел собрать достаточных военных сил: с ним был только его «двор» и небольшое московское ополчение. В сражении на реке Клязьме великокняжеское войско было разбито. Юрий Дмитриевич занял столицу и объявил себя великим князем. По договору Василий II Васильевич получил в удел Коломну.

Но борьба не была окончена. В своем Коломенском уделе Василий II Васильевич копил военные силы для похода на Москву. В этих событиях выявились те социальные силы, на которые и в дальнейшем опирался московский князь в своей политике централизации: мелкие и средние великокняжеские слуги, владевшие землей по его «пожалованию» — «дворяне» и «дети боярские», а также московские бояре, которые, по словам летописца, «не привыкли бо служити удельным князем». Со своими военными отрядами московские бояре, дворяне и «дети боярские» начали переходить в Коломну. Юрий Дмитриевич, увидев, что «не прочно ему великое княжение, дети от него побежали, а люди все идут к великому князю», уступил Москву Василию II Васильевичу и уехал в Кострому.

В 1434 году князь Юрий Дмитриевич со своими сыновьями Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным снова двинулся к Москве. Основу его силы составляли галицкие и вятские полки. Московская великокняжеская рать, выступившая навстречу, была разбита в Ростовской земле. Галицкий князь снова занял Москву, однако вскоре умер.

После смерти Юрия Дмитриевича начинается новый этап феодальной войны. Если этот галицкий князь имел возможность прикрывать свои действия «законным» правом на великое княжение и завещанием Дмитрия Донского, то его сыновья открыто выступали против государственной централизации. Против старшего брата Василия Юрьевича Косого, получившего после смерти отца великокняжеский «стол», выступили Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Вместе с войском Василия II Васильевича они двинулись на Москву. Василий II Васильевич снова стал великим московским князем, а его новые союзники получили за помощь против своего старшего брата крупные владения: Дмитрий Шемяка — Углич и Ржеву, Дмитрий Красный — Бежецкий Верх. Василий

Юрьевич, бежавший из Москвы в Кострому, собрал войско и двинулся к столице. Однако в январе 1435 года он потерпел поражение в сражении с великокняжеской ратью на реке Которосли. Борьба продолжалась. Василий Юрьевич захватил Устюг Великий и другие северные города и, опираясь на них, организовал новый поход на Москву. Решительное сражение произошло в Ростовской земле. Войско Василия Юрьевича было разбито, а сам он захвачен в плен и вскоре ослеплен по приказу Василия II Васильевича. Это произошло в 1436 году.

После ослепления Василия Косого борьбу удельных князей против централизации возглавил Дмитрий Шемяка. Его поддерживали Тверское княжество и Новгородская боярская республика, которые не хотели дальнейшего усиления Москвы. И без того очень сложную обстановку на Руси осложняли участвовавшие ордынские набеги — Орда использовала феодальную войну для ограбления русских земель. В непосредственной близости от Московского княжества, в верховьях Оки, обосновалась орда Улу-Мухаммеда. Отсюда татары нападали на московские земли. Летом 1439 года Улу-Мухаммед даже подходил под стены самой Москвы; обширный район от Коломны до столицы был опустошен. В 1444 году орда Улу-Мухаммеда перешла в район Нижнего Новгорода и оттуда продолжала набеги на русские земли. С запада на Русь наступала Литва. Литовские войска подходили к Калуге, Козельску, Суходрову. Великий московский князь Василий II Васильевич с трудом отбивал нападения внешних врагов¹. Такой была историческая обстановка, в которой начинается действие романа В. Язвицкого.

В. Язвицкий совершенно справедливо выделил в качестве события, открывшего третий, самый ожесточенный период феодальной войны, поражение великокняжеского войска в битве с татарами и пленение Василия II Васильевича. Эта битва произошла 7 июля 1445 года под Суздалем. Трехтысячное татарское войско во главе с сыновьями Улу-Мухаммеда встретилось с полуторатысячной ратью Василия II Васильевича: многие удельные

¹ Подробнее см.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 743—769.

князя, в том числе и Дмитрий Шемяка, не прислали свои дружины. Русскому войску удалось опрокинуть татарский строй, враг начал отступление.

Но когда русские полки во время преследования и захвата неприятельских обозов расстроили свои ряды, татарская конница неожиданно повернула назад и разгромила великокняжеское войско. Много воевод и рядовых воинов погибли в ожесточенной битве, а сам Василий II Васильевич, раненный в голову и руку, попал в плен. Впрочем, большие потери понесли и татары. По сообщению летописца, их погибло 500 человек.

Василию II Васильевичу удалось договориться с Улу-Мухаммедом об освобождении из плена, но на очень тяжелых условиях. Денежный выкуп, который великий князь обязался выплатить ордынцам, составлял огромную по тому времени сумму — до 200 тысяч рублей серебром! Пришлось также обещать татарским князьям дать ряд русских городов для кормления. Вместе с великим князем Улу-Мухаммед отправил на Русь «послов своих, многих князей с многими людьми». Военное поражение ослабило позиции великого князя, а тяжелые обязательства, принятые им по отношению к татарам, вызвали недовольство самых широких слоев населения, от князей до простого народа, на плечи которого легли огромные выплаты в Орду. Этим воспользовался Дмитрий Шемяка для нового наступления на Василия II Васильевича.

В. Язвицкий в общем правильно рассказал и о заговоре, организованном Шемякой против великого князя, в частности об участии в нем «старцев» Троице-Сергиева монастыря, связанных с боярской средой, и о других наиболее значительных событиях «Шемякиной смуты»: пленении Василия II Васильевича заговорщиками и ослеплении его; ссылке бывшего великого князя в Углич; бегстве малолетних сыновей великого князя из Москвы в Муром и выдаче их Шемяке; выступлении отдельных князей и бояр на стороне Василия II Васильевича; получении им Вологодского удела; союзе его с тверским князем Борисом Александровичем. Удачны главы романа, повествующие о войне Василия II Васильевича и его союзника — тверского князя против Дмитрия Шемяки, об освобождении Москвы, о походах великокняжеского войска на Галич, «отчину» Шемяки. Вполне

правдоподобно мнение В. Язвицкого о том, что Дмитрий Шемяка был отравлен в Новгороде по приказу великого князя (недаром летописец отметил, что Шемяка «умре с отравы»!). В целом картина политической борьбы между Василием II Васильевичем и Дмитрием Шемякой дается в романе достаточно обстоятельно и в общем верно. Однако объяснение причин победы великокняжеской власти над сепаратистскими устремлениями удельных князей, которое пытается дать автор романа, навряд ли может удовлетворить читателей.

Как же объясняет В. Язвицкий такие характерные факты, как переход на сторону ослепленного и униженного Василия II Васильевича многочисленных групп феодалов, внутреннюю слабость политической системы, созданной Дмитрием Шемякой, ту легкость, с которой была возвращена Василию Васильевичу Москва? Почему в минуту полного торжества Шемяки, когда великий князь находился в его полной власти, Можайский князь предостерегает: «Не о Василье речь..., о том, что Москва за него. Василий-то и так в яме. Москва страшна, а не Василий...»?¹

Главную причину победы Василия II Васильевича над своими соперниками В. Язвицкий видит в том, что Москву поддерживает «народ». Эта мысль неоднократно подчеркивается в романе. Мужик Федорец рассуждает:

«Все едино, за всеми удельными жить беспокойно, а в Москве да в Твери, как за щитом живут...»;

«Народ за того, кто ему даст покой от ратей, от набегов татарских, от полона и неволи в холопах. Не хочет он и брани междоусобной, ибо разоренье от обид княжих горше татарского. За Москву стоят люди!» (стр. 116—117).

В Москве еще сидит Дмитрий Шемяка, ослепленный Василий II Васильевич заключен в Угличе, туда же везут мальчика, будущего «государя всея Руси» Ивана III, но уже «понял Иван, что сейчас вот Москва на страже и все еще бережет своего великого князя. Понял он, что и Ряполовские, и владыка Иона, и купцы, и посадские, и сироты, и воины — все против Шемяки. Понял, что все

¹ В. Язвицкий, Иван III — государь всея Руси. Кн. 1—3, М., 1955, стр. 73.

хотят тишины и покоя, а это дает только Москва. Шемяка же и все, кто с ним, нарушают покой» (стр. 201).

Такого же мнения и тверской князь:

«Народ-то, — живо отозвался князь Борис Александрович, — он не любит удельных. Он любит сильных князей, а какая ему защита от удельных-то? Токмо рати, да разоренья, да полоны...» (стр. 283).

Далее В. Язвицкий называет в качестве силы, поддержавшей Василия II Васильевича, московское боярство, причем объясняет причины этого следующим образом:

«Разумеют бояре московские, — говорил князь Иван Иванович, — чем Шемяка им пакостен. Чужой он нам князь, и бояре московские чужие ему. Своих наведет он и бояр, и детей боярских, и отцов духовных, и гостей богатых...

— Отымет наши села с деревнями, — вставил боярин Ховрин, — своим отдаст, а нам хоть отъезжай из своих вотчин в чужие земли, отъезжай от гнезда своего и от могил родительских.

— Своим-то первые места будут, — яростно крикнул боярин Семен Иванович, — из доброго лучшие, а нам из худого худшие!

Илейка, стоявший у стола рядом с Юрием, не вытерпел и, прожевав кусок баранины, сказал громко и убежденно:

— Сиротам тоже не сладко придется. Чужие-то совсем разграбят животы их и всякое именышко! Чужие-то не навек придут — жадовать будут: что ни есть — комком да в кучку, да под левую ручку...

— Вот, — возвысил свой тугой голос князь Иван Иванович, — не захочет Москва Шемяку! Не на столе ему там сидеть придется, а на шиле! Не усидит» (стр. 154).

Еще один фактор, обеспечивший, по мнению В. Язвицкого, победу Василию II Васильевичу, — последовательная поддержка церкви. Митрополит Иона поучает его:

«Скажу тебе, княже, проще и ясней. Единодержавным надлежит тебе быть. В том воля божья, как открыл мне господь. Сему следуй, сокрушай врагов своих беспощадно, а церковь православная — твой покров, аз же — советник твой и доброт...» (стр. 93).

Епископам Иона говорит, призывая их выступить на помощь великому князю:

«Чада мои! Померкло солнце благочестия. Где же опора православия? Где же духовенству благодать получать, где ныне для веры православной убежище?»

Иона помолчал и, возгорев душой, продолжал твердо:

— В Москве все сие! Токмо в Москве соборная апостольская церковь без осквернения. Москва, третий Рим, глава всему христианству православному...

— Где же столп веры-то, где? — горестно возопил игумен Авраимева монастыря. — Где опора, когда князя великого в Угличе в темнице держат за приставы, а дети его, яко тати в ноща, в монастыре нашем скрываются..

— Слушай, отче, сурово прервал его владыка Иона, — не вопли, а дела ныне надобны. Ежели ныне смута среди князей мира сего, значит нужна сила и власть князей церкви... Силой благодати церкви своей можем мы руки простереть на защиту исконной государевой власти! Ведомо мне: и бояре, и купцы, и сироты за Василь Василича и за детей его биться будут! Мы же должны, яко зеницу ока своего, уберечь князя великого. Ежели господь иначе решит, то княжичей сохранить от злодейства шемякина. Никому не усидеть на московском столе, опричь нынешних князей, ибо сильны и крепки они, и с ними вместе Москва растет. Будет могучим русское государство — будет могуча и русская церковь...» (стр. 203).

Таковы основные причины, обусловившие, по мнению В. Язвицкого, победу централизаторской политики Василия II Васильевича над сепаратистскими устремлениями удельных князей (нельзя, конечно, серьезно принимать во внимание рассуждения автора романа о выдающихся военных талантах малолетнего княжича Ивана!).

Высказанная В. Язвичким мысль о «народной» поддержке политики московских князей не нова. Еще русский историк В. О. Ключевский писал о том, что стремление московских князей совпало с «народными нуждами и стремлениями», что народ чувствовал «потребность в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения»¹. Но поддержку народными массами Москвы не следует преувеличивать. Противники Василия II Васильевича не могли бы почти тридцать лет продолжать феодальную войну,

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Ч. 2. Соч. Т. 2, стр. 46—47.

если бы опирались только на силы «верхов» — феодалов своих уделов. Известно, что галицкий князь Юрий Дмитриевич мог вывести против великого московского князя ополчение не только из княжеских и боярских дружин. По словам летописца, «снидошася к нему вси из всех градов его»¹. Митрополита Фотия, приехавшего в Галич мирить Юрия Дмитриевича с великим князем, тот встретил не только «с бояры и с лучшими людьми своими», но и «чернь всю събрав из градов своих и волостей и из сел и из деревень, и бысть их многое множество»². Видимо, галицкие князья имели поддержку не только местных бояр, но и широких кругов горожан и сельского населения. Известно также, что галицких князей поддерживало и население Вятской земли. Л. В. Черепнин так объясняет причины этого: «Укрепление централизованного государства было связано с углублением крепостнических отношений и распространением их на окраины. Поэтому движение против централизаторской политики московских князей могло находить сочувственный отклик среди широких слоев населения окраин Северо-Восточной Руси», и не случайно «именно в отдаленных от центра областях Северо-Восточной Руси черпали новые силы для своей борьбы с великим князем Юрий с сыновьями»³. С другой стороны, в Устюге Великом заговор против сына галицкого князя Юрия — Василия Юрьевича — составили не «черные люди» (как, казалось бы, должно было быть, если согласиться с утверждением В. Язвицкого о народной поддержке политики московских князей!), а бояре и «гости», которые, по словам летописца, «хотели его самого изымати, а людей у него много побили, а бояр князя великого отполонили»⁴. А после возвращения Василия II Васильевича из татарского плена, когда упал авторитет великого князя, когда предстояло уплатить огромный выкуп, когда с ним на Русь пришли татарские «царевичи» с военными отрядами, Дмитрий Шемяка мог опереться на недовольство широких слоев населения. Недаром он открыто обвинял великого князя: «Чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и

¹ ПСРЛ, т. 18, стр. 167.

² Там же, стр. 168.

³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 761.

⁴ ПСРЛ, т. 23, стр. 149.

волости подавал еси в кормление? А татар люлишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и сребро и имение даешь татаром»¹. Показательно, что поначалу московская «чернь» принесла присягу Дмитрию Шемяке. Видимо, вопрос об отношении народных масс к централизаторской политике московских князей гораздо сложнее, чем это представлял автор романа, и говорить безоговорочно о том, что «за Москву стоят люди», — было бы неверным.

Неверно и то, что великого князя поддерживало все московское боярство. «Старые» московские бояре выступали за традиционные межкняжеские отношения, когда «под рукой» великого князя сохранялись удельные княжества со своими феодальными правами. Другая часть московского боярства — «юные» бояре — поддерживала политику подчинения удельных князей власти великого князя. Противоречия в среде боярства привели к тому, что часть московских бояр изменила великому князю и участвовала в заговоре Шемяки. Последовательно поддерживали великого князя служилые феодалы, «дети боярские» и «дворяне». Именно они пришли в Коломну после изгнания из Москвы Василия II Васильевича. Во многих походах Василий II Васильевич бился против врагов со своим «двором», т. е. со своими «дворянами» и «детьми боярскими». Этого важного для понимания событий обстоятельства не выделил В. Язвицкий в своем романе.

Нельзя говорить о полной и безоговорочной поддержке Василия II Васильевича церковью, хотя в целом политика православной церкви была направлена на содействие централизации страны. Осенью 1446 года Дмитрий Шемяка собрал в Москве иерархов православной церкви: он хотел добиться их поддержки и укрепить свое положение на великокняжеском столе. Л. В. Черепнин считает, что это ему удалось. Церковь скрепила «крестное целование» Василия II Васильевича об отказе его от великого княжения².

Таким образом, тот факт, что широкие массы феодалов стали переходить на сторону опального Василия II

¹ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, стр. 443.

² См.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 798—799.

Васильевича, сидевшего в далеком вологодском «уделе», не нашел в романе В. Язвицкого достаточного объяснения. Автор романа не раскрыл политические и социально-экономические причины этого явления.

Длительная феодальная война разорила страну. Ухудшилось положение широких слоев городского и сельского населения. Приходила в упадок торговля. Усиливался налоговый и феодальный гнет: в результате ослабления центральной власти происходили массовые захваты феодалами крестьянских земель. В этих условиях обострились классовые противоречия, участились «разбои» и «татьба» (так называли летописцы вспышки антифеодальной борьбы). А административный аппарат феодального государства был расшатан, ослаблен многолетней усобицей. Крупные антифеодальные выступления произошли в 1440 году в Смоленске, в 1445 году в Москве, в 1446—1447 году в Новгороде. Для защиты общих классовых интересов сплотились все феодальные силы: церковь, боярство, служилые люди, городская верхушка. Обострение классовых противоречий — вот основная причина, заставившая феодалов прекратить междоусобную борьбу и сплотиться вокруг Василия II Васильевича, который, в противовес Шемяке, выступил за политическую консолидацию страны.

Сильной стороной романа В. Язвицкого является его патриотическая направленность. Имеются в виду, конечно, не многочисленные выпады автора против «латинства» в защиту «православной Руси» (здесь ему порой изменяет чувство меры), а идея освободительной борьбы против монголо-татарского ига, которая проходит через весь роман. Вся деятельность Ивана III определяется его собственными словами:

«Хочу с отроческих лет моих переее всего иго татарское с Руси снять...» (стр. 698).

Воюя с непокорными удельными князьями, «смирняя» новгородские «смуты», жестоко расправляясь с врагами централизации, Иван III всегда видит перед собой эту великую цель, и достижение этой цели стало историческим оправданием его усилий. Ликвидация феодальной раздробленности Руси — основное условие успешной борьбы с Ордой. Эту мысль В. Язвицкий последовательно проводит в романе. Василий II Васильевич учил своего сына-соправителя:

«Иване, — сказал он, — запомни наиглавное: нам надобно, дабы татар не бояться, перво-наперво Шемяку совсем порешить, а потом Новгород проклятый совсем сломать, хребет ему переломить. Не будет обонх, и тишина на Руси настанет. Не будут тогда грозить нам ни татары, ни ляхи, ни литовцы, ни немцы...» (стр. 427).

На вопрос Ивана III: «Когда же конец грозе сей татарской будет?» воеводы отвечали:

«Тогда, государь Иван Василичъ, конец всему придет, когда на Руси единый государь будет, когда все удельные, да и даже великие княжества, а с ними и Новгород и Псков вотчинами московскими станут» (стр. 446).

И становится понятным, почему великий князь Василий II Васильевич при известии о гибели самого опасного своего врага Дмитрия Шемяки восклицает: «Избавил господь бог нас от злого ворога, конец пришел межусобию. Ныне и татар бояться не будем!» (стр. 510).

Снова и снова Иван III возвращается к мысли, что только конец усобиц может обеспечить победу над ненавистной Ордой. Ближайший сподвижник великого князя дьяк Курицын говорил: «Нам рати надобны, дабы отбиться навсегда от татар...». И Иван III отвечает:

«А для сего перво-наперво всех ворогов у себя на Руси истребить, дабы силой всей русской на татар идти...» (стр. 572).

Здесь уместно будет напомнить известные слова Ф. Энгельса о том, что «в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига»¹.

Нельзя не согласиться с критическими замечаниями рецензентов романа, которые писали, что В. Язвицкий недостаточно ярко показал историческую деятельность народных масс, не создал запоминающихся образов простых людей того времени. Однако следует отдать ему должное: о роли народа в борьбе против монголо-татарского ига, о решающей силе всенародной поддержки освободительной борьбы В. Язвицкий упоминал неоднократно. Перед походом на Казань великий князь Иван Васильевич приказывал:

«...Клич кликни, дабы, кто похощет, своей волей в

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 416,

дружины вольные сбирались, пустошили бы с атаманами земли казанские, купцов бы татарских били и грабили. Народ-то наивеликую пользу на войне приносит. Без бога, бают, ни до порога, так и без народа никуда не денешься» (стр. 697).

Роль народных масс в борьбе Руси с монголо-татарскими завоевателями показана писателем в конкретных эпизодах. Очень интересны в этом отношении страницы романа, посвященные обороне Москвы от хана Улу-Мухаммеда в 1445 году. ...В Москву пришла весть о поражении великокняжеского войска на Клязьме и о пленении Василия Васильевича. «Уже с ночи потянулись к Москве возы со всяким добром, что поценнее, а также с запасами разными: мукой, зерном, крупой всякой, маслом и салом... С часу на час ждали передовых полков Улу-Махмета, уже раз осаждавшего Москву шесть лет назад, пожегшего тогда все посады и слободы. Всяк спешил затвориться за кремлевскими каменными стенами и спастись от полона и смерти». Княжеская семья и бояре готовятся уехать из города, укрыться от опасности в дальних вотчинах. На защиту Москвы поднимается народ. Дворецкий докладывает княгине Софье Витовтовне:

«На Москве, государыня, беспокойно. Черные люди ропщут. Откуда-то вызнали они, будто все богатые да сильные из Кремля хотят выбежать в разные грады, и зло против богатых мыслят... Шумит народ-то, государыня, от страха и зла. Особливо посадские, что еще с ночи в осаду сели. Есть и такие, что хотят все в свои руки взять, государыня...».

И, действительно, «изо всех улиц и переулков валом повалили на площадь посадские черные люди с кольями и палками, окружая связанных бояр, купцов и даже дьяков, и гнали их впереди пустых разграбленных подвод. Семьи задержанных с чадами и домочадцами сидели на телегах... У самых княжих ворот, размахивая колом, пришел ражий детина, по всему видать было, что кузнец, и зычно кричал в толпу:

— Нашим трудом мощну набивали, добро наживали! Теперь животы свои спасают, а нас головой татарам выдают! Гони их, христиане, по дворам, лошадей да подводы от их отымай!..

— Айда, ребята, к воротам градным! — выкликали разные голоса из гущи толпы. — У ворот стражу свою,

посадскую поставим!.. Айда ворота запирать...» (стр. 31—36).

«Черные люди» задержали беглецов (исключение было сделано лишь для княжеской семьи), заставили их взяться за оружие, начали готовить город к обороне. Летописец так записал об этих событиях в Москве накануне подхода татарских полков Улу-Мухаммеда:

«Княгини великая София и великая княгини Мариа и с детми и з бояры своими идоша ко граду Ростову, а гражане в велице тузе и волнении бяху: могущии бежати, оставивши град, бежати хотяху; чернь же, совокупившеся, начаша прежде врата градная делати, а хотящих из града бежати начаша имати и бити и ковати. И тако уставися волнение, но вси обще начаша град крепити...»¹.

Подчеркивает В. Язвицкий героизм и самоотверженность простых людей Руси и при обороне Москвы от нашествия «царевича Мозовши из Седи-Ахматовы Орды» в 1451 году. Описание татарских приступов кремлевских стен — самые удачные страницы романа. Автор нарисовал батальную картину, характерную для того времени и, видимо, не раз бывшую в действительности.

«Ближе и ближе скачут ордынцы, вот разлились реками по улицам посада с криком и визгом. Топот коней гудит по всему посаду, со всех концов поползли черные клубы дыма, а местами забились уж красные языки пламени....

Сорвался сразу ветер, раздувает пожар, уж охватывает дым и огонь стены кремлевские, и стоит Кремль словно среди костра. Татары со всех сторон приступают: ставят лестницы у стен, бьют бревнами в двери ворот у башен. Русские льют со стен кипяток и горящую смолу, сбрасывают камни и бревна. Но бой сам собой стихает: дым, едкий и горький, ест глаза до слез и дыханье захватывает, ходит черными тучами вдоль стен, через стены, как тучи, переваливается и наполняет кремлевские площади и улицы.

Задыхаются люди, а огонь шумит на ветру, как буря, жжет и палит воинов на стенах, да и татар и коней их печет не меньше.

— Думают нас из Кремля, как сусликов, выкурить, —

¹ ПСРЛ, т. 12, стр. 65.

говорят русские воины, — а себе ще боле истомы огненной содеяли.

Бегут проклятые ордынцы от стен подалее, а на стенах становится все жарче и жарче. С пожарищ так палит огнем, что начинают внутри Кремля дымить деревянные кровли и гульбища на княжих и боярских хоромах. Дымят и загораются церковные крыши. Искры, сажа и горящие головни взметываются порывами ветра и перебрасываются из посада через кремлевские стены, и страшнее эта огненная осада татарского приступа. Все, кто не у стен и башен, все мужики и женки стоят с ведрами вдоль улиц, на крыльцах и взвозах, на гульбищах и крышах: или воду из колодцев черпают, по бочкам и кадкам ее разливают, или горящие головни заливают и дерево всякое, что дымить начинает....

Страшно во граде горящем, а горящем в осаде — еще страшней. Но ненависть к татарам придает людям силы.

— Лучше смерть, — выкрикивают то там, то тут, — лучше смерть, чем татарский полон!

Догорают постройки в посадах и слободах, а на стенах все еще печет нестерпимо, да и сами стены горячие стали. Вокруг стен кремлевских — груды угасающих головней и догорающих бревен. Едкий дым дух захватывает, разъедает глаза так, что слезы бегут неудержимо.

Нет татар под стенами, нигде они не приступают... На стенах же в жаре и духоте стрелы татарские поют тонкую смертную песню. Это вражьи наездники поганых иногда проскакивают близ стен и стреляют на скаку...

С этого дня прошел страх у всех осажденных во граде и только ждали они — скорей бы догорели посады, ослабли бы муки «от великия истомы огненная и от дыма», чтобы со всей силой, не щадя живота, бить можно было басурман.

Первые дни татары сами всякий день приступали, чаще всего скопляясь у Боравинских ворот, а иной раз и со всех сторон Кремля. Но осажденные всякий раз метко били по врагу, отворяли ворота, врывались в толпы ордынцев, рубили их саблями и обращали в бегство. Татары же, по обычаю ордынскому, мчались к осадам своим, стараясь заманить преследователей, но русские, зная это, возвращались обратно к воротам и затворялись опять. Знали русские воеводы и то, что не любят ордынцы терпением и настоянием брать, а только нарывают сры-

ву хватать, надеясь на первый удар, — и решили покоя не давать степнякам. Нападать стали, делая вылазки в часы молитв, особенно в утренний, ранний намаз и поздний, вечером. Нападали и среди ночи, когда люди крепче всего спят.

Измаялись, измотались татары, словно не они в осаде Москву держат, а сама Москва осадил их, да и засуха все стоит без перемены. Солнце, как огнем, палит, повыжгло всю траву кругом, и уж приходится степнякам кормить коней своих прошлогодней соломой да древесным листом, веников в лесу наламывая» (стр. 464—467).

Это нападение на Москву летописец назвал «скорыми татарами»: неожиданно ночью «царевич» Мозовша отступил от кремлевских стен. Патриарший летописец объяснял неожиданное отступление ордынцев вмешательством небесных сил: «побегоша гневом Божиим и молитвою пресвятыя матере его, и великих чудотворцев молением и всех святых»¹. Автор романа дает свое объяснение: Орду заставило отступить сопротивление народа, простых людей земли русской.

«Максим Ондреяныч Конь..., набрав с полсотни охотников из сирот, ходит-кружит с ними в тылу у татар, выжигает все, что можно, дабы бескормица настала для коней ордынских». Смерды жгут боярские хлеба, жгут и свои нивы, ничего не жалея для того, чтобы нанести ущерб врагу. А бояре жаловались великому князю на «своеволье» смердов. Старый Илейка убеждает Ивана:

«Эх, Иване, слушали вы все бояр токмо, а народ-то больше бояр содеял... Ведь не татары-то хлеб у сирот сожгли. Не безумны же татары-то! Травы нет — спалило засухой, кормить коней нечем, а они хлеб жечь будут? Сами сироты хлеб свой сожгли. Рожь-то совсем поспела, да и яровые тоже. Вот татары и начали кормить коней хлебами, а сироты — хлеба свои жечь. Как сироты сожгли все круг Москвы — тощать стали кони ордынски, а оставайся татары еще под Москвой, пожди они еще, и кони падать стали бы... Бояре же да купцы и тивуны хлеб свой жечь не давали: стражу ставили. Силой у них жгли. От сего ордынцы-то и устрашились, потому при

¹ ПСРЛ, т. 12, стр. 77.

слабых конях не только воевать они не могут, но и в степь к себе не вернуться им...» (стр. 469, 476—477).

Непрекращающейся борьбе Руси с монголо-татарскими завоевателями посвящены многие страницы романа. В. Язвицкий пишет и о неоднократных вторжениях татар «Седи-Ахматовой орды» (стр. 523—527, 560—567), и о первых нападениях хана Ахмеда (стр. 605—608), и о походах русских полков на Казанское ханство (стр. 699—702, 716—762 и др.). Все эти страницы как бы подготавливают главную тему романа: решительную схватку с Ордой, столкновение Ивана III Васильевича с ордынским ханом Ахмедом, когда решался жизненно важный для Руси вопрос — быть или не быть ненавистному иноземному игу. Все три первые книги романа, по существу говоря, посвящены подготовке к решительной схватке с Ордой.

О первых столкновениях с Ахмед-ханом В. Язвицкий упоминает уже в третьей книге романа. Хан, воспользовавшись временным прекращением усобицы в Орде, готовил поход на Русь:

«Третий год князь Иван не дает выходов. Мы пойдем на него, как ходил Тохтамыш, и соберем весь жир с его земель. Все города и села его отдаю вам в добычу...».

Орда двинулась к русским границам. Но не успели еще русские полки выйти к Оке, где обычно встречали московские князья татарские набеги, как пришла весть о том, что опасность миновала: «Пришел хан Ахмат из большой Орды с силой великой к Дону, идя на Москву. Тут же вот напал на Ахмата с войском своим могучий воин Хаджи-Гирей, хан крымский. Второй день у них сеча идет великая...» А вскоре на Москве узнали об отступлении Ахмед-хана. Вестник служилого «царевича» Касима прискакал в Москву:

«...Аллах помог Хаджи-Гирею крымскому. Гонит он Ахмата к Сараю. Мыслью, войны сей на год хватит...» (стр. 664, 671, 673).

Здесь В. Язвицкий начинает рассказ о дипломатической войне против Большой Орды Ахмед-хана, которую проводил Иван III. Это была политика использования междоусобной борьбы в Орде, попытка опереться в войне со своим извечным врагом — Ордой — на один из татарских «улусов» — Крымское ханство. «Как только избавилась Русь от грозы татарской, стал великий князь

добиваться дружбы крымского хана Хаджи-Гирея. Более года посылает он в Крым подарки через Касима-царевича и ведет переговоры с ханом Гиреем о союзе против хана Ахмата.

— Ежели сие нам господь поможет содеять, — говорит он дьяку Курицыну, — то мы, Федор Василич, и от Польши его оторвем. Сядет тогда Гирей и Казимиру и Ахмату на спину, будут они назад оглядываться. Нам же сие руки развяжет» (стр. 675).

В следующей книге романа — «Вольное царство» — дипломатическая политика Ивана III раскрывается более подробно:

«Непрестанно мы меж двух огней. Наперво, яз мыслю, крепче надобно руки связать Казимиру польскому и немцам, которые в папском латынстве. Для сего надобно дружбу Менглы-Гирея укрепить, дабы Литву и Польшу злее грыз...»¹.

И великому князю Ивану III удастся добиться этого. В Москву прибывает посол крымского хана, привозит грамоты о «дружбе и братстве». Великий князь уже учитывает это в своих отношениях с Большой Ордой.

«Ежели мы заратимся с Ахматом, не посмеет и Ахмат долго у берегов Оки стоять, как сие и бывало уже. За улусы свои, за Сарай страх его будет грызть. Ведает он, что Гирей слабей его, но ведает и то, что татары и с малой силой изгоном в Сарай могут пригнать, разграбить улусы ордынские, жени и детей полонить, и, прежде чем Ахмат о сем узнает, сокроются в степь с добычей своей без вреда. Сего пуще огня боятся ордынцы.

— Да еще и то, государь, — добавил Курицын, — чем более татар на татар натравливать будем, тем легче будет нам татар татарами бить.

— Помни, сын мой, — продолжал Иван Васильевич, — важней ворогов без рати бить. Надобно круг государств вражьих так все творить, дабы расшатать их, истощить и ослабить. Тогда они с одного удара ратного падут, а то и безо всякого удара трухой рассыплются...» (стр. 271).

Так было в действительности. Борьба с ордынским игом шла не только на полях сражений. «Более все Орда увязает в рати с Крымом и с турками», и «хватит им

¹ В. Язвицкий. Иван III — государь всея Руси. Кн. 4—5. М., 1955, стр. 113.

грызни сей и безрядья всякого не менее, как года на два с Крымом одним». Посол великого князя Лазарев докладывает по возвращении из Орды:

«...Ханы, мурзы друг на друга ножи точат. Есть и у самого царя в Орде вороги. Ныне, государь, в Орде нету прежней силы и крепости. В раздор идет все...» (стр. 288).

Но Орда все еще была сильна и опасна, опасна не только своим собственным конным войском, но и тем, что была одним из звеньев цепи, которой враги хотели задавить Русь. В. Язвицкий сумел показать сложность международной обстановки, в которой великому князю Ивану III пришлось организовывать борьбу за свержение монголо-татарского ига.

«Ныне вся Русь в огневом кольце: Орда, Казимир, Казань, Новгород, удельные и прочие вороги! Сама земля горит у нас под ногами...» (стр. 198).

Советский историк К. В. Базилович, автор монографии «Внешняя политика Русского централизованного государства», так охарактеризовал международное положение Руси накануне свержения ига:

«Осенью 1480 г. Иван III стоял перед оформленной или неформальной коалицией врагов: Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами в Лифляндии и Эстляндии (Рига, Ревель, Дерпт), Казимира, имевшего возможность располагать польско-литовскими силами, и Ахмед-хана, поднявшегося со всей Большой ордой. Тяжесть положения усугублялась мятежом двух братьев, т. е. опасностью внутренней феодальной войны, которая должна была великому князю напоминать кровавую смуту, поднятую в годы его детства галицкими князьями»¹.

Обо всем этом рассказывается в романе В. Язвицкого.

План войны с Ахмед-ханом был составлен великим князем Иваном III с учетом международной обстановки. Когда «с наступлением весны пошли в народе тайные вести, одна тревожней другой, из-за всех рубежей московской земли и из степей появились слухи, что Ахмат на Русь собирается», Иван III раскрывает воеводам свой

¹ К. В. Базилович. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 134.

замысел. В. Язвицкий показывает в этом эпизоде широту взгляда великого князя на события, учет им многообразных факторов, как чисто военных, так и дипломатических.

«Нам, воеводы, — говорил Иван Васильевич, стоя перед картой с чертежами московских рубежей, — с главным боем спешить не надобно. Нам токмо никак не пущать Ахмата через Оку переходить. Надо нам все время от берега отбивать и вдоль Оки манить к Угре-реке. Пусть лучше там они с Казимиром соединятся, чем в тылу у себя татарские полчища оставлять, а спереди лицом к лицу встретиться с такими же полчищами Казимира да и с правой руки сдерживать полчища магистра Борха и наемников Ганзы. Наихудо, воеводы, сами ведаете, ежели нам в боях придется от передовых полков кидаться в тыл, а от тыла отрывать полки то для левой, то для правой руки. Не будет нигде опоры у нашего войска, а у воев будет токмо тревога и страх — не обошли бы нас вороги с одной аль с другой стороны. На спину Казимира в первые же дни полки посажу яз Менглы-Гирея крымского, а когда Ахмат до Угры дойдет, мы и его оглянуться заставим. Пошлем по Волге в Сарай служилых царевичей татарских, подговорим разных степных уланов. В дружбе мы с Иваном, ханом ногайским, который во вражде с Ахматом. Ну, не будем вперед заглядывать. Главное же — не допускать того, дабы нам меж двух огней быть...» (стр. 379—380).

События войны с ханом Ахмедом, насколько их оказалось возможным восстановить по свидетельствам летописца, подтверждают правильность общей картины военных действий, нарисованных автором романа. Ахмед-хан двигался осторожно, ожидая помощи от Казимира. При первых же известиях о готовящемся вторжении Иван III выдвинул свои полки к границам. Рубежом, где великокняжеское войско приготовилось встретить врага, действительно была Ока. В Тарусе стал со своим полком брат великого князя — Андрей Васильевич, а в Серпухове — сын великого князя Иван Иванович «и с ним многие воеводы и бесчисленное воинство». Когда 8 июля 1480 года пришло известие, что орда Ахмед-хана пришла к Дону, великокняжеское войско сосредоточилось в Коломне. Все переправы через Оку были прикрыты русскими полками. Как сообщает летописец, «слышав же окаянный царь Ахмат, что на тех местах на всех, куда прийти ему,

стоят против него с великими князьями многие люди, и царь пошел в Литовскую землю, хотя обойти через Угру». Прямое наступление ордынцев на Москву было сорвано умелыми действиями русского войска.

Великий князь Иван III произвел перегруппировку своих полков: к берегам Угры, в Калугу, пошли рати из Серпухова сына великого князя и из Тарусы его брата Андрея. Снова путь ордынцам был закрыт. Началось знаменитое «стояние» на Угре, когда оба войска, русское и татарское, встали друг против друга на речных берегах. Так продолжалось до октября. Ахмед-хан ожидал, по словам летописца, «королевскую помощь, а король (Казимир) сам к нему не пришел и силы своей не послал, потому что были у него свои усобицы, тогда же Менгли-Гирей, царь крымский, воевал королевскую Подольскую землю, дружа великому князю». Вот когда сказались результаты дальновидной внешней политики Ивана III: польский король был связан по рукам и по ногам нападениями крымских татар на свои владения! Помощи от него Ахмед-хан так и не дождался.

На Угре начались стычки между русскими и татарскими войсками. Как сообщает летописец, «татары начали стрелять наших, а наши начали их стрелять из луков и пищалей, и многих татар побили, и от берега отбили, и много дней, сходясь, через реку бились». Наступили морозы, река стала замерзать. Русское войско все увеличивалось: к Угре сходились дружины многих удельных князей. Когда русские отошли в Кременец, а затем к Боровску, Ахмед-хан расценил это как военный маневр, означающий переход великокняжеского войска в наступление: он думал, что Иван III намеренно уступил ему свой берег реки Угры, чтобы начать решительное сражение (так неоднократно бывало в прошлом). Летописец следующим образом описывал эти события: «Отступили сыновья русские от берега, тогда татары, страхом одержимые, побежали, решив, что если берег отдает им Русь, то значит хочет с ними биться»¹. Поход Ахмед-хана закончился полной неудачей, хотя заносчивый хан и пробовал представить это событие временным отступлением, отправив великому московскому князю грамоту с требованием дани и угрозами. Но осуществить свои угро-

¹ См.: ПСРЛ, т. 12, стр. 198—203.

зы он был не в силах. Вскоре на него напал хан Ногайской Орды, и в 1481 году в битве на берегу реки Донца Ахмед-хан был убит. Большая Орда окончательно распалась на несколько улусов, каждый из которых не мог и думать о новом нашествии на Русь. Сбылись многовековые чаяния народа, не жалевшего ни сил, ни крови для борьбы с завоевателями. Иноземное иго, почти два с половиной столетия давившее на Русь, пало.

Страницы, посвященные «стоянию» на Угре и сражениям с ордой Ахмед-хана, — наиболее удачные в романе. Если Куликовская битва не раз была описана и в общем хорошо знакома читателям, то схватка с Ахмед-ханом известна гораздо меньше. Поэтому, на мой взгляд, батальные картины, созданные В. Язвицким, будут интересны и читателям, увлекающимся военным прошлым нашей Родины, и учителям истории, ведущим уроки по данной теме.

...Начало октября 1480 года. Великий князь Иван III на берегу реки Угры. «Поздний октябрьский восход начался при холодной, но ясной погоде. Солнце поднималось быстро, и лучи его били в небо, освещая уж и верхушки деревьев на соседних холмах. Солнечные лучи опускались все ниже и ниже и, наконец, брызнув огнем в глаза воинам, осветили луга и поля, засверкали на кустах и на травах.

В это время четко стали видны вдали темные, колеблющиеся линии скакавших татарских полков. Русские воины замерли, крепче сжимая в руках луки и стрелы. Пушкари стали у пушек и пищалей, заранее расставленных так, чтобы на переправах, куда стрелы не достанут, бить из них на середину реки. Из новых же пушек бить по самому правому берегу, откуда татары переправу начнут.

Иван Иванович и воеводы его на конях въехали на холм позади полков своих и внимательно следили за всем, что происходило в заречье. Они молчали и громко, взволнованно дышали.

Вот уже слышны знакомые им крики и вопли татарской конницы. Конники мчались прямо к переправе.

— Ведомо им, где есть переправы, — молвил Иван Иванович, — но сие для них хуже.

Первый татарский полк вдруг остановился. Конники были поражены, увидев на берегу неподвижно стоящих

русских воинов — и прямо перед собой, и вправо, и влево вдоль реки, насколько глаз хватит!..

— Не ждали! — злорадно крикнул князь Хомский.

Но татарам более стоять было нельзя: вслед за ними мчались другие полки...

Вот со своего берега бросаются конники ряд за рядом в холодную воду, бродом идут, а русские, к удивлению их, ничего не делают. Вот уж полк, густо сгрудившись, плывет посередине реки...

Вдруг перед рядами русских сверкнули огоньки в серых клубочках дыма, грохот прокатился вдоль берегов, а в гуще плывущих татар, словно в котле, все закипело. Люди и кони сразу поредели, вода окрасилась кровью, и вот уже несет течение убитых и раненых людей и коней, не успевших еще затонуть.

Но вот опять смыкаются ряды татар, следующий полк соединяется с ними, и опять густо плывут они посередине реки. Опять гремят пищали и пушки, опустошая ряды татарских полков. Все же часть татарской конницы переплыла и уже бродом идет к берегу. Тут русские пустили в ход ручные пищали и частой стрельбой били справа и слева по людям и коням.

Вот уже четыре полка бились так в холодной воде, стараясь выйти на русский берег, и два часа уже гремят русские пищали, свистят стрелы из луков и самострелов. Есть убитые и раненые и от татарских стрел, но это не помогает степнякам, и вдруг их охватывает страх. Как стадо овец, шарахаются они назад, к своему берегу, и, выходя на сушу, густо скопляются у пологого подъема...

Все же напор степных орд не ослаб, и после обеда снова прискакали татарские полки, но на десять верст выше по Угре, к другой переправе, где стоял брат государя Андрей меньшей. Бой длился четыре часа, и помогали там друг другу соседние воеводы и с левой, и с правой руки: пушкарей с пищалами посылали князю Андрею меньшому. И там татары были отбиты, а остатки их сотен бежали к Ахматову стану.

На другой день Ахмат почти вплотную подошел к берегу Угры со всей своей силой. Еще три дня татары упорно пытались пробиться на левый берег, но русские отбивали все отчаянные натиски степняков с большим уроном для них.

На пятый день Ахмат, потеряв надежду захватить левый берег Угры, отошел от реки, остановился в двух верстах от нее и распустил татар грабить литовские земли...

Снова началось стояние двух враждебных станов друг против друга.

Иван Васильевич вызвал к себе в Кременец сына и брата Андрея меньшого, князя Данилу Холмского и своих ближних воевод на думу.

Начал он совещание сразу с сути дела:

— Неведомо нам точно, пойдет на помощь Ахмату король или не пойдет. Посему нам силы свои не токмо беречь надобно, но и прибавить, откуда можно... Можно было бы биться с татарами, токмо яз не хочу победу в кости выиграть. В кости-то и всю Русь за ништо проиграть можно. Яз жду, опричь братьев, отряды некои конные с дальних мест московской земли. Ведомо мне, что казаки из татар тюменских и ногайских о набегах на Сарай мыслят. Слух сей надобно днесь же через Литву пустить. Ведомо мне, что Менглы-Гирей набегал уже на литовскую землю.

Иван Васильевич помолчал и заговорил снова:

— Против меня могут еще сказать: время теряем, зима идет суровая.

— Да, сие, государь, — воскликнул Иван Иванович, — токмо татарам во вред! Лазутчики наши бают, наги и босы татары, ободрались все. Кормов у них не хватает ни себе, ни коням, а мы ведь у себя, на родной земле...

...Октября двадцатого начались морозы, а двадцать шестого встали все реки так крепко, что по ним целыми полками переходить можно.

Но татары, однако, не двигались, а в войске татарском пошла смута и страх. Люди страдали от холода и голода, и более всего пугало татар голодание коней, которые худели и слабели. Все это вызвало ропот среди воинов. Лазутчики доносили, что меж ханом Ахматом и племянником его Касымом опять началась вражда, но воины обоих требовали одного и того же: пищи, тепла и добычи.

Вести же о неудачном походе Ахмата уже облетели поле, и шайки разных уланов ждали случая пограбить и Орду и обозы растроенных татарских войск. Но Ахмат все еще стоял перед замерзшей Угрой, не зная, что де-

лать, на что решиться. Так тянулось до первых чисел ноября...». Наконец, «воеводы и воины московские» «заметили начавшуюся суматоху и в стане Ахмата. В белесых сумерках смутно было видно, как сворачивался стан, как бегали люди, как запрягали верблюдов в кибитки, как складывали шатры, вьючили и седлали коней. Видно было, как темными пятнами стремительно уходил полк за полком, расплываясь в серой предрассветной дымке... Когда же медленно стала загораться багровая заря, от бывшего стана Ахмата уходили уже последние полки» (стр. 422—424, 426—427).

Поход Ахмед-хана закончился полной неудачей.

«Пала Орда, не встать ей уж более, — сказал по сему случаю Иван Васильевич сыну. — На высокую гору взошли мы с тобой, сыне мой. Токмо с высоты сей еще видней, сколь много врагов у нас. Лицом к лицу стали ныне мы с немцами, поляками, литовцами, свеями» (стр. 429). Сценой победоносного возвращения русских полков в Москву заканчивает В. Язвицкий повествование о схватке с «Большой Ордой» и начинает историю «Руси, сбросившей иго татарское».

В красочном описании «стояния» на реке Угре есть некоторые неточности. Известно, что русские полки ушли с Угры к Кременцу и Боровску до отступления Ахмед-хана, а в романе сначала отошли татары (стр. 427).

Преувеличена, на мой взгляд, сила русской артиллерии этого времени, которая, по словам В. Язвицкого, буквально выкашивала «словно просеки, кровавые полосы» в татарских рядах (стр. 423). Летописцы упоминали о применении огнестрельного оружия на Руси уже в последней четверти XIV века. Судя по летописному рассказу, артиллерия — «пушки» и «тюфяки» — сыграла важную роль при обороне Москвы от хана Едигея в 1408 году. В XV веке русские воины имели и ручное огнестрельное оружие — «пищали». Но по своим боевым качествам пищали того времени уступали хорошему луку и тем более самострелу. Они были очень тяжелыми (до 50 кг!), обладали малой скорострельностью и недостаточной меткостью. Пушки тоже были очень несовершенны. Из пушек времени Ивана III можно было сделать только несколько выстрелов в день. Поэтому рассказ В. Язвицкого об ураганном пушечном и пищальном огне на Угре неправдоподобен.

И еще на одно немаловажное обстоятельство хотелось бы обратить внимание читателей. В. Язвицкий приукрашивает роль самого Ивана III в событиях того времени. Из содержания этих глав вытекает, что только полководческий гений великого князя, его непреклонность в достижении цели обеспечили победу над Ордой. Идеализируя своего главного героя, В. Язвицкий оставляет в тени народные массы, умалчивает о их роли в организации борьбы против готовящегося вторжения. Народ был возмущен пораженческими настроениями ряда бояр, считавших бесполезным сражение с татарами. Показательно, что в сентябре 1480 года, когда Иван III появился «на посаде у града Москвы», посадские люди требовали от него решительных действий. По словам летописца, они «начаша князю великому обестужився глаголати и изветы класти, ркуще: «Егда ты, государь князь велики, над нами княжишь в кротости и в тихости, тогда нас много в безлепце продаешь; а нынеча разгневив царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром». Активных действий требовало и русское войско. Настроение посадских людей выражено в выступлении ростовского архиепископа Вассиана: «нача же владыка Вассиан zde глаголати князю великому, бегуном его называя, еще глаголаше: кровь на тебе падет христианская, что ты, выдав их, бежишь прочь, а в бою не поставя с татары и не бився с ними!». На эти интересные обстоятельства обращает внимание Л. В. Черепнин¹.

В. Язвицкий неплохо показал подготовку Руси к решительной схватке с Ордой, многолетний процесс политической консолидации русских земель, являвшийся необходимым условием для свержения иноземного ига, роль Ивана III в складывании Русского централизованного государства. Однако при описании войны с ханом Ахмедом и особенно при характеристике роли самого Ивана III во всех этих событиях он допустил отступление от исторической правды. Красочные батальные сцены романа нуждаются в комментариях, в некоторых уточнениях, чтобы читатели могли правильно представить действительное развитие событий. Об этом уже писали ре-

¹ См.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 879—882.

цензенты романа В. Язвицкого, но, на мой взгляд, не лишним будет напомнить об этом еще раз.

Заключительная книга романа В. Язвицкого — «Государь всея Руси» — повествует о последних десятилетиях правления великого князя Ивана III Васильевича, о времени, когда в Русской земле, сбросившей иноземное иго, складывалось централизованное государство.

Это было время значительных внутренних перемен. В основном были ликвидированы уделы, бывшие удельные князья стали вассалами великого московского князя. Пала Тверь — последний оплот оппозиции централизаторской политике московских великих князей. Начала оформляться поместная система землевладения. В результате победы над удельными князьями в руках великого князя сосредоточился огромный земельный фонд, который шел в раздачу служилым дворянам (верховным владельцем земли при этом оставался великий князь). Хорошо известны массовые раздачи, например, новгородских земель, где владения 70 крупных новгородских землевладельцев перешли к 2 тысячам московских дворян и детей боярских. Изменялась форма феодальной эксплуатации: на поместных землях все более широкое распространение получала барщина. Увеличилась и степень эксплуатации крестьянства. При поддержке феодального государства на Руси начинает складываться общегосударственная система крепостного права. Обострилась антифеодальная борьба крестьянства, протестующего против усиления гнета. В этих условиях проходило укрепление государственной власти, создание административного аппарата централизованного государства и установление законодательства. Важной вехой в политике централизации был Судебник 1497 года, закрепивший великокняжескую власть, поставивший под ее контроль местное управление. Великокняжеская власть ограничивала власть крупных феодалов, все смелее вторгалась в вотчинные дела. Была создана общегосударственная военная организация, дворянская конница становилась основой вооруженных сил страны. Изменился и характер великокняжеской власти: великий московский князь превратился в «государя». Могучее Русское государство после свержения ордынского ига проводило активную внешнюю политику, отвоевывая русские земли, попавшие после монголо-татарского нашествия XIII века

под власть Литвы и Польши, перейдя к наступательным действиям в Прибалтике¹. К. Маркс писал о великом княжении Ивана III Васильевича:

«В начале своего княжения Иван III все еще был данником татар; власть его все еще оспаривалась другими удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских народоправств, господствовал на севере России; Польша, Литва стремились к завоеванию Москвы, а ливонские рыцари все еще не были сокрушены.

К концу своего княжения Иван становится совершенно независимым государем; женою его делается племянница последнего императора Византии. Казань лежит у его ног, и остатки Золотой Орды стремятся к его двору. Новгород и другие народоправства приведены к повиновению. Литва ущерблена, и великий князь ее — игрушка в руках Ивана. Ливонские рыцари побеждены.

Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала о существовании Московского государства, затиснутого между литовцами и татарами, вдруг была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах»².

Если рассматривать заключительную книгу романа как подведение итогов деятельности Ивана III, то следует признать, что В. Язвицкий не сумел это сделать достаточно полно и наглядно. По-прежнему в центре внимания автора — вопросы внешней политики Ивана III, хотя именно на материале последней четверти XV — начала XVI века можно было бы показать государственную деятельность великого князя как главы класса феодалов, социально-экономические отношения на Руси в то время, антифеодальную борьбу народных масс.

Описывая взаимоотношения Москвы с Тверью и Литвой, В. Язвицкий сделал много интересных наблюдений, подметил характерные черты политики Ивана III. Автор правильно определяет особенности московско-тверских отношений накануне падения Твери. Иван III старался подчинить себе окончательно Тверь сначала не военным путем, а путем приобретения московским боярством земельного фонда внутри Тверского княжества. Москов-

¹ См.: История СССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 2, стр. 119—141.

² Цит. по кн.: Е. А. Рази н. История военного искусства. Т. 2. М., 1957, стр. 299—300.

ские землевладельцы (при поддержке великого князя) нарушали границу, захватывали земли тверских бояр. В спорах с московскими землевладельцами тверские бояре были явно в неравном положении. По словам летописца, они терпели «многы от великого князя и от бояр обиды и от детей боярских о землях», потому что «где межи сошлись с межами, где не изобидят московские дети боярские, то пропало, а где тферичи изобидят, а то князь велики с поношением посылает, и с грозами к тверскому, а ответам его веры не имет, а суда не даст»¹. Неудивительно, что в этих условиях тверские феодалы искали защиты у более сильного владетеля — Ивана III и переходили «служити» в Москву. Силы тверского князя подрывались изнутри и он стал искать поддержки у Литвы, а это послужило поводом для похода великокняжеских полков на Тверь. В. Язвицкий пишет так:

«Пошли ссоры между тверскими и московскими князьями и боярами из-за вотчин своих, ставших порубежными. Захватывают они всеми правдами и неправдами друг у друга деревни и села, а князья великие из-за них спорят. Споры же эти всегда не в пользу тверичей кончаются — не под силу князю тверскому один на один копьа ломать с Иваном Васильевичем. Окружен князь Михайла, стеснен отовсюду московскими землями, и нет нигде ему прочной опоры.

— Рано ли, поздно ли, а сожрет Москва нашу Тверь, — говорят меж собой тверские бояре и дети боярские.

Кто из них поизворотливее, переходит к великому князю Ивану, «отсаживается с вотчиной» от князя своего Михайла.

К концу же этого, тысяча четыреста восемьдесят третьего года дьяк Майко на утренних докладах обоим государям чаще и чаще стал сообщать о переходах тверичей под московскую руку...

— Ныне поче прежнего умножаются переходы к нам тверичей. Доброхоты же наши сказывают, что князь-то Михайла совсем в малодушие впал. Бояре же, слабостью его пользуясь, так и прут к нам один за другим....» (стр. 505—506).

¹ ПСРЛ, т. 6, стр. 237; т. 20, стр. 352.

Нечто подобное наблюдалось и в отношениях с Литвой. Войне за возвращение западных русских земель предшествовало проникновение в литовские владения. Русские отряды совершали «наезды» за литовский рубеж, «выводили» на Русь население, разоряли вотчины князей и бояр, «сидевших» под Литвой. Чтобы избежать разорения, бояре «отъезжали» к великому князю. В этой необъявленной войне Иван III явно брал вверх; протесты Литвы оставались без последствий. Земли в верховьях Оки и Днепра были возвращены Русскому государству. Уже упоминавшийся выше дьяк Майко докладывал о литовских делах:

«...Двенадцать городов православных вотчин князей верховских по Березину реку хотят за государей московских поддаться. Города сии суть: Мценск, Одоев, Белев, Перемышль, Старый и Новый Воротынский, Старый и Новый Залидов, Опаков, Серенск, Мещевск и Козельск.

— Сии князи верховские с вотчинами, — заметил государь, — еще при родителе нашем вольны были и служили по докончаниям Литве и нам, а более к Руси тянулись, ибо все там православные: и народ, и князья. Да и выгоднее им быть за Москвой, а не за Польшей и Литвой...

— Выгоднее им с нами, государь, — ответил дьяк Курицын, — нонешнее-то безрядье там — токмо продолжение тех прежних усобиц, которые и Казимиру помешали послать Ахмату на Угру ратную помощь...» (стр. 453).

В романе В. Язвицкого подробно и убедительно описываются и продолжающиеся дипломатические переговоры с Крымским ханством, и походы на Казань, и войны с Литвой, и столкновения с немцами и шведами, и борьба с происками папской курии. Но когда автор переходит к внутренней политике Ивана III, то в основном ограничивается общими рассуждениями, которые не позволяют даже ясно понять позицию самого автора. Можно согласиться с мнением В. Язвицкого, когда он пишет о политике расширения поместного землевладения, об опоре Ивана III на дворянство и «детей боярских». К этой теме автор возвращается неоднократно.

Готовясь к походу на Новгород, Иван Васильевич говорит:

«...Главное же в походе сем...

— Земля, государь.

— Истинно. Дворян с их воями кормить надобно, дабы у нас постоянное войско было, и стало бы оно сильней и лучше не токмо ордынского, но и Казиминова вместе с ним...» (стр. 300).

Великий князь беспокоится: «Готовы ли списки служилых дворян, которых в ратных помещиков обращать будем?», он уже видит последствия «испомещения» своих служилых людей на землях новгородского боярства: «Обратим мы государство господы новгородской в государство московских помещиков!» (стр. 324—325). И уже спустя несколько лет мог сказать Ивану III его сын — соправитель Иван Иванович: «Все рубежи ты укрепил, испоместил все новгородские порубежные земли детьми боярскими, дворянами и даже холопами опальных бояр...» (стр. 469). Дальше — больше. «На изъятых в пользу Московского государства землях вдоль рубежей с иноземными государствами на севере, на полдне и на западе государь наш испоместил московских детей боярских и даже слуг и холопов, дабы кормились они и защищали Московское государство от иноземных нападений. Помещики сии получили небольшие надель, сиречь дворы, и стали называться «дворянами» (стр. 719). Перед смертью Иван III поучает своего наследника, будущего великого князя Василия III Ивановича:

«Удельных мы били боярами да детьми боярскими, ныне же и бояр оттесним дворянством служилым, на которое токмо и нужно опираться» (стр. 803).

Но, заявив об этом, великий князь Иван III Васильевич тут же дополняет: «Помни наиглавное: ищи поддержку у народа». И вспоминает «старика матерого и могучего», который ответил на вопрос великого князя «Как живешь?» следующее:

«Как все, государь. Токмо вот ордынский сапог скинули, — свой жать начинает... Какой свой сапог? А тот, что ныне новые мозоли натирает оброками да Юрьевым днем... Здорово жмет новый сапог-то...». Смысл этих речей Ивана Васильевича не вполне ясен. Может, умирающий государь хотел предостеречь своего преемника от излишних «оброков» и «Юрьева дня»? Но до этого он утверждал:

«У себя на Руси главная опора государю — народ и церковь, которая имеет власть над народом и которая держит народ в руках страхом божьим».

И уж совсем непонятны рассуждения приближенных Ивана III о том, что «много зла княжеского и боярского против тя», но «главное-то, силу мужицкую ты собираешь, государь».

Социальную базу великокняжеской власти В. Язвицкий так и не показал в своем произведении. В романе нет ни одного образа дворянина, служилого феодала: действует сам Иван III, его родственники, его приближенные, удельные князья и их окружение. Очень глухо говорит автор и о классовой борьбе, усилившейся в последние десятилетия жизни великого князя. Несколько страниц, посвященных «непослушеству» монастырских крестьян, да рассуждения внука великого князя Дмитрия Ивановича о том, что «дела пошли трудные, государь, даже с бунтами и драками, до кольев доходит... Народ озлобляется и против церкви, и против государя. Баюг, что ты народ-то на растерзанье жадных попов и вотчинников отдал», — вот, пожалуй, и все, что говорится в романе по этому поводу. В. Язвицкий подробно рассказывает о споре «нестяжателей» и «осифлян», не раз упоминает о «ересях», но опять-таки не видит связи их с обострением классовой борьбы. Это крупный недостаток книги.

РУСЬ КНЯЖЕСКАЯ И РУСЬ МУЖИЦКАЯ

Если бы спросили, о какой Руси писал В. Язвицкий в своем историческом романе «Иван III — государь всея Руси», ответ мог бы быть один: о Руси княжеской. Автор наблюдает за событиями в основном из окна княжеского терема, глазами великого князя и его феодального окружения, а народ, его роль в истории, проявления классовой борьбы характеризуются, как правило, словами Ивана III Васильевича. Нет спора: многие замечания великого князя справедливы, но как действующее лицо, воплощенное в живую плоть художественных образов, народ в романе В. Язвицкого отсутствует. Господствующий феодальный класс во второй половине XV столетия был еще исторически прогрессивен, выполнял миссию формирования русской государственности, возглавлял борьбу народных масс за освобождение от иноземного ига. Но какой ценой, за счет кого росло могущество Русского централизованного государства, В. Язвицкий в достаточной мере не показал. В романе осталась не раскрытой противоречивость прогресса в антагонистическом, классовом обществе: каждый шаг вперед достигался путем нещадной эксплуатации, ценой крови и страданий народных масс.

Из окна княжеского терема показывает события свержения монголо-татарского ига и автор исторической повести «Иван Третий» Вс. Н. Иванов¹. В этой повести тоже действуют в основном сам великий князь и его близкое окружение. Но здесь, в отличие от романа В. Язвицкого, с ним сопоставляется, порой даже оттесняя великого князя на второй план, византийская царица Софья (Зоя) Палеолог, племянница последнего византийского императора.

¹ См.: Вс. Н. Иванов. Иван Третий. В сб.: «Императрица Фике». М., 1968.

Историческая повесть Вс. Н. Иванова — это, по существу говоря, восторженный гимн иноземной принцессе, которая привезла в «дикую» Русь византийскую государственную мудрость, в корне изменила политику Москвы. Именно под влиянием Софьи, по мнению автора, Иван III избавился от «костоломных прямых обычаев первых князей Московских, перенятых у Золотой Орды». Политическая линия великого князя определялась будто бы не в княжеском совете, а в опочивальне: «здесь, у постели, стали решаться дела молодого нового государства, жадно и расчетливо хотящего дышать, жить, крепнуть!»; а сам Иван только действовал, «устремляясь к цели, открытой острым умом Софьи, отточенным на камне навыков древней мировой империи» (стр. 35—36). Приближенный царевны — византийский вельможа Димитрий — подсказывает великому князю, на кого он может опереться в своей политике, говорит, что сила — в земле, в создании «прикрепленного к земле мелкого, и поэтому безопасного для власти, поместного хозяина» (стр. 41). Автор, видимо, забывает, что создание поместного войска — не византийское изобретение, что служилые феодалы, «слуги вольные», впоследствии получившие название «дворян», появились на Руси еще в XII—XIII веках.

Автор приписывает царевне Софье решающую роль в важнейших государственных делах, в том числе и в свержении монголо-татарского ига. Когда в Москву прибыли послы хана Ахмеда, великий князь колеблется, выжидает, не решается на открытое неповиновение Орде, а его мудрая супруга требует решительности:

«...Доколе ждатель?.. Или мне, женщине царского рода римского, легко, когда ты, супруг мой, идешь встречу к татарским послам... Или мало у тебя силы? Или боишься ты стоять за веру святую да за честь свою против врага рода человеческого?.. Все равно, а первого шага не миновать! Орда шатается, Орда некрепка!». Оказывается, свержение иноземного ига — это «то, чего ради она пустилась сюда, на этот суровый лесной Восток!» (стр. 59—60, 67). В ночь перед приемом ордынских послов Софья беспокоится:

«Как будет действовать великий князь? Хватит ли у него решимости? Явится ли он, вековой татарский раб, смелым воином?» (стр. 68). На большом княжеском совете она сурово обрывает бояр, предлагавших уладить

дело миром, угрожает: «Я не побегу!.. Не побегу никуда, потому что трон московский будет для меня лучшей могилкой, а парпур мой — достойный мой саван, если и погибнуть придется!». Софья обводила «лица бородатых советников гордым взором», думала:

«Какой огонь должна была вдохнуть в эти смутные души, чтобы задрожали они животворным трепетом, достойным их великой земли! Смелые они люди, в бою крепки, да трудны для них испытания на распутьях: не знают, куда брести — семя ли, овано ли!» (стр. 74). И Софья в исторической повести Вс. Н. Иванова «вдохнула» этот огонь в «смутные души» неразумных советников великого князя, указала им, «куда брести», другими словами, решила судьбу многострадальной русской земли! Думается, такое описание не имеет ничего общего с исторической правдой.

Византийская царица показана автором глубоким знатоком русской политической жизни, подсказывающим великому князю не только общее направление его деятельности, но и конкретные мероприятия по усилению Московского государства. Что стоит, например, ее напутствие Ивану III перед последним походом на Новгород:

«...Новгородскую землю отбери в казну на себя, государя, и на них верных ратных людей помести... Пусть они теми землями правят, да тебе служат, да сами кормятся... Москву крепят. А тех, кого из Новгорода выведешь, сажай на другие земли, в Низовскую землю либо в Рязанскую (кстати, Рязанское княжество в то время еще сохраняло самостоятельность! — В. К.), чтобы они там на великокняжьей службе рубежи боронили. Им честь, тебе польза... И дело верши тайно и скоро» (стр. 77).

Неудивительно, что без своей мудрой жены Иван III чувствует себя неуверенно. Вот он едет к войску в Коломну (Софья с семьей осталась в Кирилло-Белозерском монастыре), говорит: «Как она там?.. Эх, как нужен бы теперь ее совет, ясный и решительный...» (стр. 92).

В результате образ великого князя Ивана III оказался в исторической повести приниженным: князь нерешителен, послушно следует советам Софьи, а та постоянно беспокоится, не окажется ли ее муж, «вековой татарский раб», трусом.

Не лучше показан в исторической повести Вс. Н. Иванова и русский народ, который вызывал и вызывает вос-

хищение потомков многовековой, героической борьбой против иноземных завоевателей: у Вс. Н. Иванова перед угрозой ордынского похода «спазмы страха, отчаяния, малодушия снова прокатились по всей Московской земле» (стр. 93). Исключение автор повести делает, пожалуй, только для церковников, которые призывали к решительной борьбе с Ордой. А о самом великом князе в Москве попросту говорят: «Не князь он Московский, а бегун!» (стр. 93). Поэтому неубедительны слова автора в заключительной части книги о «бескровной, умной победе Москвы», о «выдержке, мудрости, расчете великого князя Ивана Васильевича», о том, что то, что «казалось робостью, оказывалось величайшей смелостью, тончайшим расчетом» (стр. 105).

В повести Вс. Н. Иванова есть удачные страницы, образные характеристики исторических явлений и процессов. Удачным, на мой взгляд, является описание постепенного ослабления власти Золотой Орды над Русью, что создало условия для свержения иноземного ига:

«Как по весне нехотя тает лед, слазит с реки, так с русской земли сходила сила великой Белой Орды. Давно уже прошло время, когда по зимним дорогам, по ледяным мостам то и дело жаловали в русскую землю ханские баскаки, ехали даруги да темники с ханскими пайцзами золотыми да серебряными пировать да обирать дань, когда все люди русские — княжеские, городовые, черные — были татарами переписаны аккуратно по грамотам-дефтерям, согласно Великой Ясы — Закону Чингисову, и платили они весь положенный ясак, данивыходы. Строга была Яса Чингиса, Великий Закон для всего царства... Тяжелое то было время для славянских лесных да полезых свободных людей, особливо для городов.

Но пришло время... И начала тут Орда ломаться, как в ледоломе. И русские понемногу смелели, пока наконец прадед великого князя Ивана Васильевича — Дмитрий Иванович Донской — 8 сентября 1380 года разбил хана Мамайя на Дону своей ратью, и Мамайгиб. Однако и после того хаживали мелкие татарские рати на Русь хоть и реже, а злее и досаднее. Орденки стали меж собой враждовать, а Москва стала из татар кое-кого привечать, обращать их в своих улусников, как допреж того татаре русских князей в улусниках держали. И, учуяв,

что идет Орда вразвал, стали татарские князья больше и больше подаваться на Русь...

Такие ордынские выходы — впоследствии «казанские сироты» — жили на Руси и в Москве, и в Ростове, и в Нижнем Новгороде, и на других рубежах, и, словно плененные птицы, из сытой своей неволи подманивали на свой манок своих родичей с Дикого Поля, из степи, из Орды, и те рассказывали, что у них в Ордынском царстве деется, и в Кремле хорошо все те дела знали.

А дела были вот такие: убывала, распадалась, хилела былая сила конной, кочевой степи» (стр. 61—62).

Есть в повести Вс. Н. Иванова и другие удачные места, но в целом с концепцией автора, с его преувеличенной оценкой роли византийской царевны Софьи в делах Московской Руси согласиться нельзя.

О том же времени, о великом княжении Ивана III, повествует исторический роман В. П. Аристова «Скоморохи»¹. И в этом романе описывается, как Русь набирала силы, как нарастало народное сопротивление монголо-татарским завоевателям, как великокняжеская власть смиряла сепаратизм отдельных феодальных центров. Но главным действующим лицом романа В. П. Аристова является не феодальная верхушка, а народ, простые люди земли Русской. Это взгляд на тогдашнюю Русь не из окна княжеского дворца, а из оконца курной крестьянской избы, с шумного торжища, с вечевой площади, где толпится «подлый люд». Вместе с героем романа — крестьянским сыном, гусяром и певцом Жданом читатель побывал в древнем Смоленске, стонущем под шляхетским гнетом, в суровом Пскове, отбивающем бешеные наскоки рыцрей-крестоносцев, в громкоголосом Новгороде, где бурлит перед Софийским собором казалось бы вольное вече, умело направляемое «господой» и кулаками продажных боярских холопов — горлопанов. Разные города и земли прошел скоморох Ждан, но везде он видел одно: нужду и бесправие народа, всесилие феодалов, произвол и эксплуатацию. В. П. Аристов создал запоминающуюся картину жизни Руси второй половины XV столетия и, выделив основные процессы и тенденции того времени, показал, как их оценивал народ.

¹ См.: В. Аристов, Скоморохи. В кн.: «Избранное». Курск, 1959.

Тема борьбы с монголо-татарским игом. В одной сцене проезда ордынского посольства по русским землям автор сумел показать различное отношение правящих классов и народных масс к завоевателям, сложную политику великого московского князя по отношению к Орде, изменения в народном сознании — народ перестал бояться ордынцев. Тянется по русской дороге посольство татар, «скуластых, редкобородых всадников в овчинах шерстью наружу, сутулившихся на нескладных гривастых коньках».

«Лица татар, коричневые, сожженные степным солнцем, были безучастны, но острые глаза зорко смотрели из-под высоких бараньих шапок. Было то ордынское посольство, направлявшееся в Москву с грамотой к великому князю. Пахари тянули с голов холщевые колпаки, кланялись ордынскому послу земно, лукаво косили на верхоконного боярина — княжеского пристава, ни на шаг не отстававшего от мурзы.

Боярин беспокойно вертел по сторонам головой, видно, на душе у него было тошно. Не легкое дело провожать от Дикого поля к Москве ордынского посла. Глаз приставу нужен острый, чтобы послы челядинцы не обидели как-нибудь пахарей. Корма посла и челядинцам их дают вволю, да волка сколько ни корми, все в лес смотрит. Поганые, кажется, всем ублажены, а чуть зазевался пристав — глядь, там челядинцы угнали с поля коня; там разграбили двор. Убытка большого не сделают — страшно другое. Не так-то еще давно деды и отцы перед всяким мурзишкой поганым на коленях в прахе простирались, теперь осмелели русские люди. Не раз бывало отстанут челядинцы от посла, уволочут у пахаря овцу или двор заграбят. Пахари, когда так случится, на обиды поганых челом не бьют, сами чинят суд над обидчиками топорами и рогатинами. Хану только того и надо — есть прицепа, шлет великому князю грамоту: «Забыли ваши подданные страх, людей наших до смерти побили», грозит слать своих темников пустошить русскую землю.

Правда, и без ханского веления приходили мурзы грабить Русь, но делалось то мурзами самовольством. С такими разбойниками великокняжеские воеводы управлялись скорым делом.

Настоящей бедой было, если поднимал хан войной

всю орду. Хоть присной памяти князь Димитрий и побил поганого Мамаю и было то шесть десятков лет назад, стряхнуть с шеи татар русским людям еще оказывалось не под силу. Собирают великие князья со всех русских людей дань-выход, дают хану, как деды и прадеды давали. Случится же если где побьют мужики-пахари или посадские татар, — великому князю хлопоты, надо ублажать хана подарками. «Не по нашей воле то случилось, а людишек, какие твоим слугам смертное убойство учинили, велим предать смерти». Великий князь строго-настрога наказывал приставам смотреть в оба, чтобы между пословными челядинцами и пахарями и посадскими людьми свар не было. Пристава, когда приходилось провожать в Москву ордынцев, от себя дарили послов, чтобы те держали своих людей в повиновении» (стр. 400—401).

Повествуя об ордынских набегах на русские земли, В. Аристов рассказывает не о стратегических планах великого князя, не о сборе княжеских и боярских полков, не о битвах и походах, а о жизни крестьян-пахарей, об их страданиях в татарском полоне, о запустевших селах и деревнях. Автор и здесь смотрит глазами смерда, а не военачальника-князя. Он хорошо передает состояние постоянной военной тревоги, нарушавшей жизнь Руси.

«Когда пробивался на лугах полевой лук-татарник, по первому весеннему пути приходили на Русь татары... В ту весну, когда пошел Ждану седьмой год жизни, татарник на лугах и по оврагам пробивался обильно. Это было плохой приметой. Старики говорили, что татарской напасти не миновать...

Как-то под вечер в село влетел конный вестовщик, смахнул с лица пот и пыль, ударил в тулумбас, приподнимаясь на стременах, сбежавшимся пахарям выкрикнул:

— Хороните животы, сироты, хан Улу-Махметка с ордой идет!

Пахари не успели толком распросить вестовщика, огрел он плеткой коня, птицей унесся оповещать другие села и деревни.

Пахари кинулись хоронить в ямы зерно, бабы не знали, за что хвататься, метались от избы к клети, совали в коробыки трубки холста, похоронно причитали...

Мычали коровы, блеяли овцы, щелкали бичами от-

роки. Всю животину угнали в лес. Дворы опустели вмиг...

Три ночи и три дня прятались суходревские пахари в лесных чашах... Сырые лесные сумерки, запах тления, настороженные лица пахарей и тихое, будто и они чуяли татар, ржание коней. Все было таинственно и занято: и буханье птицы на болоте, и смех совы, и треск валежника под медвежьей лапой, и зеленые волчьи глаза в ночи.

Но татары миновали Суходрев стороной.

Не дойдя до села десятка верст, татары круто повернули к Москве. Улу-Махмет узнал, что подручные князь на помощь князю Василию не пошли, а сам великий князь с малой дружиной идет ему навстречу. Улу-Махмет ударил на русских, татары побили княжескую дружину и полонили великого князя» (стр. 402—403).

Казалось бы, речь идет о том же, о чем подробно писал в своем романе В. Язвицкий. Но автор романа «Скоморохи» останавливается не на дипломатических переговорах Василия II Васильевича с ханом, не на политических последствиях пленения, не на изменениях в межкняжеских отношениях на Руси после этого. В. Аристова интересуется другое: какие последствия имело поражение великого князя для сирот-землепашцев. «В Суходреве пахари опустили головы. Кто теперь перед ханом будет заступником? Наедут опять поганые баскаки, станут, как при прадедах, русских людей мучить, разорять непосильными данями... Однако в плену у татар московский князь был недолго. Целовал князь Василий крест — дать Улу-Махмету выкуп, и князь отпустил князя в Москву. Каков был выкуп, узнали суходревские пахари, когда велено было волостелю собирать с сох новую великую дань. Кряхтели суходревцы, доставали последние алтыны, везли на торжок овец и мед, платили. Кряхти не кряхти, а платить выкуп за князя надо. Без князя земля — сирота...» (стр. 403—404).

Но настоящая беда пришла, когда на Русь нагрянули «скорые татары» ордынского «царевича» Мазовшы. «Потаенными сакмами, минуя редкие сторожи у Дикого поля, злыми воронами налетели на русскую землю передовые сотни татарских наездников. За ними двигался с ордой, кибитками и верблюдами ханский сын Мазовша. Князь Звенигородский, стоявший со сторожевым полком у Оки, стал уходить, едва зачернели за рекой шапки та-

тарских конников. Князь Василий, услав в Галич княгиню с младшими детьми, сам кинулся в верхние поволжские города собирать войско...

На Суходрев татары нагрянули под утро. Хотя и разговора в Суходреве только и было, что о татарах, но думали суходревские пахари — и на этот раз минуют поганые село, как миновали уже его не один раз прежде.

Ждан проснулся, разбуженный криком... Дверь распахнулась, и в избе стало сразу светло. Ввалились трое в бараньих высоких шапках, остановились на пороге, вода по углам раскосыми глазами. Один, с вдавленным носом, схватил Любаву за косу, намотал на кисть, потянул. Ждан метнулся к татарину, повис у него на руке, закричал тонко, с плачем:

— Не тронь матки, поганый!

Татары оскалили зубы, затрясли жидкими бородами. Один впился Ждану в плечи руками, на Ждана пахнуло запахом бараньего сала и немытой человеческой кожи. Ждан захлебывался от непереносимого духа и ярости. Опомился он во дворе. У ворот стоял отец. Татарин с вдавленным носом, раскорячив кривые ноги, взял Разумнику руки волосяным арканом. У отца русая борода растрепалась, холщевая рубашка была растерзана от ворота до пояса.

Разумник посмотрел на сына долгим прощальным взглядом и опустил голову. На земле вопила и билась головой Любава. Татарин прикрепил к седлу конец аркана, вскочил на коня, взмахнул плетью. Разумник жалко дернул головой, вприпрыжку побежал за конем. Во двор влетело еще трое татарских конников, закричали что-то двум другим, волокшим из избы Разумниково добро: сермяги, овчины, трубки холста. Дюжий татарин из въехавших во двор подхватил Любаву, кинул поперек впереди седла. Ждан кинулся в угол двора, где огорожа была пониже, подбежал, вцепился в тын, чтобы перескочить. Позади свистнул брошенный аркан. Тугая петля сдавила Ждану горло. Татарин арканом подтянул Ждана, равнодушно, точно молодого жеребенка, оглядел со всех сторон, не снимая петли, накоротко привязал к седлу, тронул коня.

За околицей Ждан увидел множество татарских конников, диковинные поставленные на колеса войлочные

избы — кибитки и толпу русских полонянников. Здесь были суходревские пахари, и отроки, и чужие мужики, должно быть, полонянники из дальних мест...

Весь день шли полонянники среди выкриков татар, рева верблюдов, скрипа кибиток и арб. Волосяная петля терла Ждану шею, от жары и пыли горело в горле и трескались губы. К ночи татары остановились, разложили костры, над кострами повесили таганы варить конину. Полонянников согнали в кучу, сняли арканы, вокруг расселись караульные с луками и копьями...

Татары стояли у реки до полдня. Подходили все новые сотни конников, гнали перед собой толпы полонянников. Ждан удивлялся множеству пленных, думал, что, пожалуй, свели татары пахарей со всей русской земли...

Татары вдруг всполошились, забегали, стали седлать коней. Заревели верблюды, закричали у кибиток возчики: «Басенок! Басенок!» Подбежал полоняник из детей боярских (два раза был он у татар в полоне и татарскую речь понимал хорошо), радостно выговорил:

— Воевода Басенок в угон гонит. Того и всполошились поганые.

Караульные татары вскочили на коней, выставили вперед копыя, топча полонянников конями, закричали, погнались вперед...

В угон за татарами шел воевода Федор Басенок. Другой воевода, Оболенский-Стрига, шел наперерез, отрезал ордынцам путь к Дикому полю. Татары кидались из стороны в сторону, уходили от русских. Чтобы спастись от наседавшего Басенка, темник Алей велел зажигать леса. Еще два дня шли полонянники среди выкриков татар, рева верблюдов и рыжего горячего дыма. Темник думал, что еще день-два, и притомятся у русских кони, и благополучно вернется он в Орду с богатой добычей.

Ранним утром настиг татар воевода Басенок близ Оки... Увидел темник Алей, что надо бросать богатую добычу и уходить, схватился за бритую голову, заскрипел зубами. Перескакивали татары на свежих заводных коней, как делали всегда, когда приходилось спасаться от погони, вскидывали на лошадиные спины молодых полонянок, мчались в степь...

Подъехал воевода, весело сверкнул на полонянников глазами из-под иссеченного, погнутого шлема, приподнялся в седле, на все поле крикнул:

— Здрaвы будте, полоняники!..

Полоняники, какие были в ногах покрепче, тотчас же пустились в обратный путь, торопились вернуться к родным пепелищам». Вместе с другими отправился домой и мальчик Ждан. Они «медленно брели лесными дорогами... То и дело попадались на пути вздувшиеся конские трупы, объединенные зверьем мертвецы, кинутые телеги или остовы кибиток — следы татарского набега. Случалось — только присядут путники отдохнуть, потянет ветерок, пахнет трупным смрадом, воротит с души. Еще не растащило зверье конских и человеческих трупов, а на земле, истоптанной татарскими конями и засеянной пеплом, уже возились пахари, тюкали топорами, ставили на месте сожженных деревень и сел новые дворы...» (стр. 414—420).

Превосходное, яркое и конкретное описание одного из многочисленных ордынских набегов, которые, если взять их все вместе, принесли Руси даже больше вреда, чем страшный, но кратковременный «Батыев погром»!

Феодальную войну второй четверти XV века В. Аристов рассматривает тоже с точки зрения ее последствий для жизни простых людей Руси. Когда Дмитрий Шемяка, изгнав великого князя Василия II Васильевича, захватил Москву, «в Суходреве только и разговору было, что о новом князе: не наложит ли Шемяка на пахарей новую дань. С чего платить новую дань, когда Можайский князь Иван дворы вымел дочиста: ни овцы, ни курицы не осталось. Больше всего боялись, чтобы татары, узнавши о княжеской усобице, не нагрянули весной всей ордой... Чего суходревцы опасались, так и случилось. Шемяка велел брать с пахарей новую двойную дань». «Князья дерутся — у пахарей хребты трещат!» (стр. 408—409).

Но не только дополнительными поборами и опасностью ордынских набегов были страшны мужику княжеские усобицы. Феодалы войны обычно сопровождалась прямым разорением сел и деревень соперников, «выводсм» крестьянского населения в другие земли, грабежами и насилиями со стороны княжеских дружинников. Не минула такая беда и села Суходрева. Однажды пахари «увидели мчавшуюся на рысях прямо к селу толпу верхоконных...

— Князь Ивана стяг!

Пахари притихли, переглядываясь, тоскливо ждали. О князе Иване, соседе и двоюродном брате великого князя Василия, слава шла — хуже не надо. Сидел князь Иван в Можее, княжил так — не только пахари и посадские мужики воем выли, солоно приходилось и княжеским боярам...

Конник со стягом, не доезжая до пахарей десятка шагов, остановил коня. Остановились и дружинники. Наперед выехал конник, сжимая в опущенной руке плеть. Пахари потянули с голов колпаки, поклонились земно, вразброд выговорили:

— Здрав будь, князь!

К седлу у князя приторочена вся ратная сбруя: садок, боевая секира, палица....

Князь Иван недобро усмехнулся, дернул повод, брякнул железом, повернулся к конникам:

— Гей, вои верные! Отдаю село ворога моего князь Василия на вашу волю.

Дружинники только этого и ждали. Гикнули, опережая друг друга, метнулись в стороны... Одни тащили из хлева овцу, трое с хохотом гоняли по двору перепуганных кур и гусей, догнав, глушили птицу палицами.

Разумник смотрел, как распоряжались на его дворе чужие люди. Вступись он за свое добро, один будет ответ: палицей или чеканом по лбу. Что станешь делать? До бога высоко, а князь Василий далеко в Москве, и силы, видно, нет у великого князя оборонить своих пахарей.

Князь Иван пировал в селе Суходреве с дружиной до полуночи. Выпили у пахарей все припасенное пиво и меды, прирезали и птицу и овец. Не столько съели, сколько зря погубили. Хмель развязал дружинникам языки. Узнали пахари, что идет князь Иван к Москве, замыслил с князем Дмитрием Шемякой отнять у князя Василия великое княжение...» (стр. 405—407).

Обычный эпизод феодальной войны; именно так бывало, когда летописцы сообщали, что один князь у другого во время усобицы «волости повоеваша». Поэтому веришь героям романа В. Аристова, мужикам-пахарям, которые горестно рассуждали:

«Князья бьются, а у пахарей хребты трещат. И будет так, пока не соберется вся земля под рукой великого князя.

Мужики вздохнули. От татар и княжеских усобиц стоном стонут пахарь... Пока не соберется вся русская земля у одного князя под рукой, не видеть черным людям житья. Да как горю-беде помочь? Не по хотенью пахарей такие дела делаются» (стр. 408).

И еще в одном месте возвращается автор романа к объяснению причины поддержки «сиротами» объединения Руси.

«Небо по-осеннему мягко-синее казалось бездонным, и думалось Ждану легко. Два года бродит он, а сколько истоптано троп и дорог. Не думал никогда, что так велика русская земля... Одна беда — разодрана русская земля между князьями на клочья. И всякий молодец на свой образец землю держит. В Москве великий князь Василий Иванович, в Твери тоже великий князь Михаил Борисович, в Рязани, Вернее, Серпухове и других городах тоже князья. Господин великий Новгород и Псков наместников и князей принимают, какие придутся по сердцу.

При дедах и отцах князей было, как грибов после дождя. Что ни город — то норы, что ни село — то обычай. А мужикам-пахарям и всем черным людям одно горе. Вздумает бывало мужик пару овец или меда кадь свезти на торг подальше, где, слышал, цену настоящую дадут, только со двора выехал за околицу, — и уже в чужом княжестве. На дороге село стоит, и село-то невеликое, дворов пятнадцать, в селе князь. Перед селом поперек дороги на рогульках бревно и мытник стоит, собирает на князя с проезжих дань — мыто. А верст через пятнадцать другой князь сидит, и опять мытник проезжих караулит и дань берет. Московские князья под свою руку немало уже взяли сел и городов. Черные люди, чем могут, готовы Москве радеть. Бояре, те в разные стороны тянут, кто Москве верой и правдой служит, кто к своему удельному князю...» (стр. 449—450). Впрочем, правильнее было бы в данном случае говорить не о «мужике», а о торговом, посадском человеке — именно он больше всего страдал от княжеских рогаток на дорогах.

Роман В. Аристова интересен тем, что в нем много образных характеристик и зарисовок, точно и ясно рас-

крывающих различные явления жизни Древней Руси. Картины городского торга в Москве, веча в Великом Новгороде, народных празднеств и обрядов запоминаются читателю. Вот как, например, пишет В. Аристов о жизни крестьянина на русском Севере:

«...Тропа приметна едва, кладок нет, а если есть, так совсем ушли в болото. Деревеньки — один двор — стоят друг от друга далеко. На третий день пути до жилья не добрались и заночевали в лесу... Волки подходили близко, их приходилось отгонять, кидая головни. От болотной сырости ломило кости, лесная мошкара тучами звенела над головой, забивалась в нос. И еще брели день через непроходимые чащи. В ином месте сосны повалились одна на другую, переплелись гнилыми ветвями, поросли густо мхом, вздымается такая гора — и некуда податься ее обойти. Над головой мозглые сумерки, редко-редко, отражаясь на верхушке сосны, блеснет золотом солнечный луч или высоко-высоко проглянет голубой клочок неба. Кажется, в таких чащобах одному только лесному хозяину, мишке косолапому, да нечисти лесной, лешакам, и жить. А глядь — меж мшистыми стволами посветлело, покажется полянка, на полянке тын, по тыну вьется хмель, за тыном зеленеет ячмень, тут же приземистая, из толстых бревен изба.

Раз увидели поляну, на поляне раскиданная огорожа, среди лесной поросли видны редкие колоски ячменя. От избы остался один сруб. Перестанет земля давать хозяину урожай — кинет мужик двор, перейдет на новое место, выпалит среди лесной глухомани поляну, засеет ячменем или рожью, будет сидеть лет десятков на одном месте, пока не оскудеет совсем щедрая на урожай лесная земля, а потом подается на новое место...» (стр. 602).

А вот еще одно из типичных явлений жизни того времени — зарождение среди лесов монастырей. «Обитель была бедная, иноков вместе с игуменом Дионисием жило в обители всего шесть душ. Дионисий пришел в лесную лощинку, когда еще обители и в помине не было. В миру Дионисия звали Тимофеем Громословом. Был он конюшим тверского князя. На охоте по хмельному делу в ссоре ударил охотничьим ножом любимого княжеского боярина, пришлось Громослову, спасая голову, бежать, куда глаза глядят. До города Можая от лощины, куда пришел Дионисий, было рукой подать, но вокруг простирались

лесные чащобы, даже мужики-древотлазы, промышлявшие в бортях мед и воск диких пчел, избегали заходить в лощину, где простор был одним лесным бесам и лешакам. Лучшего места спасти душу и голову было не найти, бесов же Дионисий не боялся, верил, что молитва изведет всякую вражью силу. Поселился Дионисий в просторном дупле, кое-как пролетовал лето, к осени выкопал землянку. Питался он ягодами, грибами, а когда случалось раздобыть муки, пек лепешки. Скучная еда иссушила и сгорбила его могучее тело и обескровила лицо. Дионисий скоро стал походить на святых, каких рисовали на деревянных досках мастера-богомазы.

Весть о новом подвижнике разнесли мужики-бортники, от них и узнали о пустыльнике в ближних городах — Можее и Звенигороде. В лесную лощину стали наведываться люди — кто с дарами просил подвижника помолиться о спасении души, кто послушать пророчества. Прибилось еще двое бродячих чернецов, просили благословения копать рядом землянки, спасения ради души. Мужики-древотлазы срубили лес, расчистили место, поставили церквушку и избы отшельникам, умрешь — будет кому помолиться за душу.

Так появился в лесной трущобе монастырек.

Князья, сидевшие в уделах, были монахам первыми радетелями, жаловали обители землями. Пахарям и мужикам-поземщикам, какие земли не пахали, а промышляли разными промыслами и сидели на пожалованных землях, наказывали давать в монастырь оброк, каким монахи изобращат» (стр. 423—424). Что дальше — хорошо известно на примере других «обителей». Монастырь растет, приобретает земли с сиротами-пахарями, богатеет, превращается в коллективного феодала-вотчинника. В. Аристов прослеживает только его первые шаги, когда монахи еще должны были просить у соседних бояр мед и толокно на пропитание «братии».

Авторы исторических романов и повестей, посвященных феодальной Руси, обычно не жалеют нелицезвонных слов в адрес духовенства, особенно «черного» — монахов и монастырей. Даже В. Язвицкий, которого справедливо упрекали в идеализации православной церкви, с самого начала предупреждает устами мудрой бабки Софьи Вяттовны своего юного героя — княжича Ивана:

«Учись на людях, Иванушка, и век помни: богу молись, а чернецам не верь. На всякое они воровство ради кормления, ради стяжанья пойдут...»¹.

Однако эти обличения корыстолюбия и алчности духовенства носят, к сожалению, абстрактный характер, не подкрепляются в произведениях фактами — конкретными действиями духовных феодалов; классовую сущность монастырей как коллективных феодалов-вотчинников авторы обычно не раскрывают достаточно ясно. Поэтому мне бы хотелось обратить внимание читателей на один из эпизодов исторического романа В. С. Прибыткова «Тверской гость»; на многих страницах писатель повествует об истории деревни в Северо-Восточной Руси, попавшей под власть монастыря, показывает методы, которыми духовный феодал закрепощает бывших черносошных крестьян:

«Давным-давно поселились люди на том месте, где стояло теперь Княтино. Первые мужики пробрались сюда, на Верхнюю Волгу, сквозь вековые чащобы, бурелом и волчьи пади, спасая от неведомой теперь беды жен и детишек. Брели целый год, оставляя в лесных мхах умерших дедов, сторонясь открытых мест, вздрагивая от свиного крика. И, наконец, вышли. В заросшие лица, в глаза, привыкшие к лесному сумраку, ударила, полыхнула тысячью солнц волжская ширь, груди вдохнули запах влажной земли и цветущей травы. И люди решили — здесь...

В ту пору лес еще подступал к Волге вплотную. Люди жгли его, рубили, выдирали огромные пни, судорожно цеплявшиеся кривыми корнями за обжитую землю, и распахивали отвоеванные у леса пяди. На выжженных буграх густо всходила рожь, росли ячмень и гречиха, весело голубел овес.

Поколение за поколением шли люди на дремучий бор, и тот отступал от Волги, давая землепашцу хлеб, смиряясь перед упорством и неиссякаемой силой человека.

А годы шли — и одни умирали, другие нарождались на свет, одни богатели, другие впадали в нищету, одни захватывали лучшую землю, другим доставалась похуже... Нынешние княгини были далекими потомками тех мужиков, которые некогда выбрали к Волге, и само Кня-

¹ В. Язвницкий. Иван III — государь всея Руси. Кн. 4—5, стр. 37.

тино было лишь одной из махоньких деревень, выстроенных разросшимся, расселившимся вдоль по Волге племенем.

Считались княгинцы испокон за боярами Дулепами. Платили им с дыма, с лошади, с коровы, пахали им земли, давали масло, шерсть, красную дичь и пушного зверя, ходили за ними в трудный год и на рать...

Бояре брали, но они же и давали: защищали своих крестьян оружием от недругов, воевали татар.

Жизнь была не сладка, но где она была лучше? И нынешние княгинцы крепко держались за обычаи предков, чтли своих господ, тем более, чем боярские тиуны наезжали не часто. Тверь давно жила в мире, и поборы были невелики.

Нежданно, три года назад, Илья Дулепа отпустил княгинцев на волю. Воля эта вышла боком — земли боярин оставил чуть. Многие мужики разбрелись — кто в серебренники, кто в половинники к соседним боярам, кто в город. Но оставшиеся цепко держались за землю. Рядом был бор. Выжги — и владей пашнями. И что ни год — прибавлялось у княгинцев неистощенной, щедрой пахотной земли, прибавлялось хлеба, всякого добра, выменянного на зерно. И долго бы жить княгинцам на воле добрыми домами, не упрись их земли во владения Ипатьевского монастыря.

Монастырь этот, из захудалых, возник верстах в восьми от Княтина, заложенный еще великим князем тверским Борисом Александровичем в память о чудесном спасении на охоте. Ходил в тех местах покойный князь на медведя. Подняли матерого стервятника, нападавшего на людей и скотину. Князь поддел ревущего зверя на рогатину, успел упереть ее в землю, но медведь был велик и тяжел, рогатина надломилась, и не ожидавший этого Борис увидел, как наваливается на него огромная туша с разинутой пастью, растопырив лапы с чудовищными когтями.

Сгинуть бы Борису в тот часец, когда б не счастливый случай. Пятясь, князь оступился в непримеченную яму, упал, провалился в нее, а медведя подхватили на рогатины служивые.

Вернувшись, Борис выпорол незадачливого мастера, сработавшего рогатину, повелел сделать новую, а на месте ямы заложил монастырь в честь своих великому-

чеников Бориса и Глеба, отписав монастырским пять деревенок с людьми, скотом, пахотой.

Ипатьевским монастырь прозвали в память о первом его игумене, старце тихом и кротком, пекшемся о сиротах и заставлявшем монахов самих делать всякую работу.

Но первый игумен прожил недолго, а преемники его все, как один, были стяжатели. И самым лютым оказался третий — Перфилий.

Этот ни перед чем не стоял, чтоб прибрать к рукам побольше земли. А где было взять ее, как не у вольных крестьян? И игумен, долго не думая, накладывая свою руку на чужое добро. Как парша, расползались монастырские владения по волжскому берегу, подползали к земле княгинцев и вскоре столкнулись с нею — межа к меже. С волжского обрыва глядели на княгинскую землю, прищурив узкие деревянные оконца, колокольни монастыря, словно примеривались, приглядывались.

Недружелюбно косились на монастырь и княгинцы.

Свежа была в памяти судьба соседней деревушки, которую игумен закрепостил, съездив в Тверь и привезя оттуда княжескую грамоту. Упрямившихся соседских мужиков игумен обложил такими тяготами, что взвыли.

Да и своя судьба беспокоила. То из-за леса, то из-за рыбной ловли, то из-за охоты все время вспыхивали ссоры с монастырем. Доходило и до драк. А как появились новые ляды — совсем тревожно стало...

И твердо легла в мужицкие головы мысль: новых ляд монастырю не давать, а придет нужда — биться. Когда Федор увидел входящих ратников, он сразу подумал о лядах. Но он и догадаться не мог, какая участь уготована его родной деревеньке». Мужиков окружили монастырские ратники, тиун объявил:

«За непотребство ваше, за воровство, за глумление над слугами христовыми послал меня ныне святой отец игумен гнездо ваше разорить! Отныне и навеки землю вашу монастырь берет себе!.. И луга, и лес, и рыбные ловли — все теперь монастырское. А вам отсюда уйти прочь. А скотину и всю живность оставить...».

В жаркой схватке безоружные мужики были побеждены монастырскими ратниками, оставшихся в живых нещадно избили плетью. Деревня была ограблена подчистую: монастырские слуги «торопливо, как воры, на-

грузили княтинские же телеги, вывели скот, погнали прочь. Тиун с пятком ратников уходил последним. Своими руками таскал сухую, скрипучую солому, наваливал в избах на пол, выгребал из печей уголья в желтые вороха... Уже сидя в седле, оглядел еще раз улицу. Все десять княтинских изб жарко занимались... Деревенька, намозолившая глаза игумену, исчезала»¹.

Конец этой истории — вполне в духе того времени: один из княтинских крестьян отправился с челобитной на самоуправство игумена к великому тверскому князю. На защиту игумена встал местный епископ.

«Даруй, княже, те земли монастырю. Отец покойный жаловал борисоглебцев, ангел господень ему там жизнь уберег. А мужиков наказать вели». И князь решает: «Дарю!» Мужичий челобитчик услышал на следующий день: «Горе луковое! Куда совался-то? Знаешь, как дело повернулось?.. Землю вашу монастырю отписали, а тебя схватить велено!» (стр. 121, 123).

Время Ивана III Васильевича было не только временем больших успехов в централизации страны, подъема освободительной борьбы против иноземного ига, временем, когда «изумленная Европа» увидела на своих восточных рубежах могучее государство, но и одновременно временем значительного усиления феодального гнета, временем обострения классовой борьбы закрепощаемого крестьянства. Об этом нужно постоянно помнить.

¹ В л. При быт ков. Тверской гость. М., 1956, стр. 46—53.

**О КНИГАХ,
КОТОРЫЕ ЕЩЕ НЕ НАПИСАНЫ
(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)**

Советские писатели немало потрудились над созданием художественной летописи Руси. События далекого прошлого воплощены ими в ярких и запоминающихся образах, вызывают чувство гордости славной историей нашей Родины, героическими подвигами народа, отстоявшего в сложнейших исторических условиях свою свободу и независимость, создавшего богатую и самобытную культуру.

Однако художественную летопись нашей Родины еще нельзя считать законченной. Есть важные и интересные события, а то и целые периоды истории Руси, которые остались вне поля зрения писателей исторического жанра. Поэтому, заканчивая обзор романов и повестей о феодальной Руси, мне хотелось бы поделиться мыслями о книгах, которые еще не написаны, но которые ждет читатель.

Лучше других раскрывается в художественной литературе тема героической борьбы Руси за свободу и независимость против внешних врагов. Ей посвящены наиболее значительные художественные произведения исто-

рического жанра. О событиях нашествия Батыя в середине XIII столетия повествуют В. Г. Ян в своей известной трилогии «Чингиз-хан», «Батый», «К «Последнему морю», С. И. Хмельницкий, А. К. Югов, А. Хижняк и другие советские писатели¹. Героической борьбе с наступлением немецко-шведских крестоносцев на северо-западные рубежи русской земли посвятил свой роман «За землю Русскую» А. А. Субботин. О десятилетиях, которые привели Русь на Куликово поле, и о славной Куликовской битве 1380 года писали советские писатели С. П. Бородин, М. А. Рапов и др.². О свержении монголо-татарского ига и победе Руси над ханом Ахмедом в 1480 году рассказывает в своем романе В. Язвицкий.

Однако и тема борьбы с монголо-татарскими завоевателями, разработанная писателями лучше других, далеко не исчерпана. Мне хотелось бы выделить прежде всего следующее: справедливо восхищаясь подвигами русского народа, в упорных сражениях обескровившего полчища Батыя и спасшего Западную Европу от опустошительного монголо-татарского нашествия, писатели оставили без внимания сопротивление других народов Восточной Европы — болгар (предков нынешних чувашей, казанских татар и других народов Поволжья), половцев, аланов, мордвы.

Известно, что Волжская Булгария первая встретила нашествие полчищ хана Батыя, двинувшихся на Восточную Европу. Еще в 1229 году болгарские «сторожи» бились с завоевателями на реке Яик. А еще раньше, в 1224 году, болгары нанесли серьезное поражение монголо-татарскому войску Субедея и Джебе, возвращавшимся на восток после битвы на реке Калке. Арабский историк Ибн-Аль-Асир сообщал, что после битвы с русскими и половцами на реке Калке «татары вернулись оттуда и направились в Булгар. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив до тех пор, пока они зашли за место за-

¹ См.: С. И. Хмельницкий. Каменный щит. Л., 1960; А. К. Югов. Ратоборцы. М., 1956; А. Хижняк. Даниил Галицкий. М., 1964; В. Д. Ряховский. Евпатий Коловрат. Рязань, 1958.

² См.: С. П. Бородин. Дмитрий Донской. М., 1958; М. А. Рапов. Зори над Русью. Ярославль, 1958; М. В. Езерский. Дмитрий Донской. М.—Л., 1941, и др.

сад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие»¹. Не принесло успеха завоевателям и новое наступление, предпринятое ими в 1232 году. На южной границе своей страны, на рубеже леса и степи, болгары построили мощные оборонительные линии, о которые разбилась монголо-татарская волна. Остатки этих оборонительных сооружений — валов, протянувшихся на сотни километров, обнаружены археологами. Завоеватели вынуждены были отступить, не пробившись к богатым болгарским городам. По сообщению летописца, монголо-татары «зимоваша, не дошедше Великого града Болгарьскаго»². А. П. Смирнов, автор исследования по истории Волжской Булгарии, считал, что сопротивление болгар задержало монголо-татарское наступление на Восточную Европу на 3—4 года³. Действительно, только поздней осенью и зимой 1236 года объединенные силы монголов сумели сокрушить Булгарию. Страшен был погром, учиненный завоевателями в болгарских землях. Русский летописец сообщал: «придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славныи Великыи град Болгарьский и избиша оружием от старца до унаго и до сушаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша»⁴. Монгольский полководец Субедей, возглавлявший войско, которого восточные авторы называли «одним из четырех свирепых псов Чингиз-хана», не щадил никого. Однако сопротивление болгар не прекращалось. Как сообщил персидский историк Рашид-ад-Дин, «тамошние вожди Баян и Джику», видимо, правители отдельных болгарских областей, «опять возмутились. Вторично послали туда Субедей-бахадур для усмирения их»⁵. А в 1241 году Никоновская летопись упоминала о том, что снова «того же лета Батыевы Татарове взяша Болгары, иже на Возле и на Каме!»⁶.

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1, стр. 28.

² ПСРЛ, т. 1, стб. 459.

³ См.: А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 98—100, 102.

⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 460.

⁵ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2, стр. 36.

⁶ ПСРЛ, т. 10, стр. 125.

Весной 1237 года монголо-татарские полчища перешли Волгу и обрушились по половцев, аланов, буртасов. Все эти народы Поволжья внесли свой вклад в борьбу с монголо-татарскими завоевателями. Известно, что война с половцами была упорной и затяжной, она продолжалась до осени. И даже тогда, когда, по словам персидского историка Джувейни, современника монгольских завоеваний, «все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову пред начертаниями высшего повеления», — борьба продолжалась. Вот известия об одном из эпизодов этой борьбы:

«Между кипчакскими негодяями, — презрительно писал о половцах Джувейни, верно служивший монгольским ханам, — оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удалцами сумел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у них не было постоянного местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день оказывался на новом месте, как говорится в стихе: «днем на одном месте, ночью на другом»... Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска монголов ни искали следов его, нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном его большей частью служили берега Итиля [Волги], он укрывался и прятался в лесах их, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и его брат Бучек пошли облавой по обеим сторонам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, что это значит, чей это стан, куда он ушел и где искать его. Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранные и награбленные во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть туда, не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону и обнажилась земля,

Менгу-каан приказал войску немедленно скакать на остров. Прежде чем Бачман узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собой множество добра и имущества и решили вернуться. Вода опять заколыхалась, и, когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его на две части»¹. Если отбросить нелестные эпитеты, которыми наградил «смутьяна» Бачмана официальный историк монгольских ханов Джувейни, то в «смутах и беспорядках», которые «умножались», можно без труда увидеть достаточно сильное и массовое народное движение против завоевателей. Для того чтобы справиться с Бачманом и его «кипчакскими удалцами», монголам пришлось построить большой флот из 200 судов и выделить 20-тысячное войско «вполне вооруженных монголов», а во главе его поставить двух высокородных ханов, сыновей Чингиз-хана! Это ли не благодарный сюжет для исторического романа или повести?

Не лишним будет напомнить, что сопротивление половцев не было подавлено монголо-татарскими завоевателями на первом этапе нашествия. После зимнего похода 1237—1238 годов на Северо-Восточную Русь завоевателям снова пришлось воевать с половцами и черкесами в причерноморских степях и на Северном Кавказе. Эта война была затяжной, кровопролитной и задержала вторжение хана Батыя в Южную Русь².

В обороне Киевской земли от нашествия завоевателей осенью 1240 года немалую роль сыграли «черные клобуки», кочевые племена, которые перешли на службу к русским князьям и были поселены вдоль южной, степной границы Руси. В состав «черных клобуков» входили остатки племен печенегов и торков, турпей, коуи, берендеи. Много десятилетий конные отряды «черных клобуков» помогали русским князьям воевать с половцами,

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2, стр. 23—24.

² См.: В. В. Каргалов. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967, стр. 111—117.

а когда на Южную Русь двинулись полчища Батыя, «черные клобуки», жившие вдоль укрепленной линии по реке Роси, мужественно встретили их удар. Недаром Рашид-ад-Дин, обычно фиксировавший в своей «Истории цариц Дешт-и-Кыпчак» наиболее значительные события монгольских завоеваний, специально отмечал: «царицы Бату с братьями, Бури и Бучек направились в страну русских и черных шапок [черных клобуков]»¹. О героической борьбе «черных клобуков» и русских гарнизонов поросских крепостей не сохранилось сведений в письменных источниках. Однако археологические раскопки укрепленных городков на реке Роси (например, на Княжьей горе и Девич-горе) воссоздают картину яростного сопротивления и гибели защитников крепостей киевского порубежья: останки людей под развалинами сгоревших построек, массовые находки оружия, в том числе татарского, драгоценные клады, зарытые в минуты опасности.

Долгое время судьба «черных клобуков», исчезнувших после «Батыева погрома» со страниц русских летописей, вызывали споры среди историков (а «черные клобуки» были весьма многочисленными — одни берендеи, по свидетельству летописца, могли выставить 30—40 тысяч конного войска!). Одни считали, что «черные клобуки» откочевали в Приаралье и превратились в тех, кого сейчас называют каракалпаками. Другие утверждали, что «черные клобуки» так и остались в Поросье. Наконец, третьи писали, что завоеватели переселили остатки племен «черных клобуков» в степи Нижнего Поволжья и превратили в рабов при стадах скота. Только археологические раскопки курганов «черных клобуков», имеющих характерную особенность — погребение вместе с конем, в какой-то степени проливают свет на действительную судьбу этих служилых кочевников. Такие курганы в XIII—XIV веках частично сохранились на местах прежнего расселения «черных клобуков», частично распространились на юго-восток, в степи Поволжья. Видимо, «черные клобуки», подчинившись монгольским ханам, превратились в вассалов Золотой Орды и кочевали на новых местах. Однако и в составе монголо-татарских

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2, стр. 37.

орд «черные клобуки» долгое время сохраняли свои обычаи, о чем свидетельствуют их курганы¹. Интересная судьба «черных клобуков», этих мужественных и стойких племен, тесно связанных с Русью, несомненно, заслуживает включения в художественную летопись нашей Родины. Книга об этих малоизвестных событиях была бы встречена читателями с интересом.

Неполным был бы рассказ о борьбе с монголо-татарскими завоевателями и без упоминания о роли в этой борьбе народов Восточной Европы — мордвы. Мордовские земли были завоеваны Батыем летом 1236 года, во время похода на правобережье Волги. Однако спустя три года монголо-татары снова вынуждены были организовать большой поход на мордву, о котором сообщают летописцы: «На зиму взяша Татарове Мордовскую землю»². Видимо, в Мордовской земле поднялось восстание против завоевателей. Неоднократно выступала мордва против ордынцев и в дальнейшем³. Героем мордовских народных песен был непокорный «паренек-мокша», который бежит из ордынского плена, распускает татарский скот. По летописям известны случаи совместных битв русских и мордвы против завоевателей. Например, в 1444 году на ордынского царевича Мустафу, который «прииде на Рязан со множеством Татар ратию», вместе с русскими полками вышла в бой «Мордва с сулицами и с рогатинами и с саблями»⁴. Ордынцы потерпели полное поражение. Свой вклад в борьбу с Золотой Ордой внесли также чуваша и марийцы. Пока же по этой теме мы имеем книги, рассказывающие только о событиях XVI века, об участии народов Поволжья в войнах с Казанским ханством.

Другая тема, которой посвящены многие произведения советских писателей исторического жанра, — это возникновение и возвышение Москвы, превращение ее в центр Руси, складывание Русского централизованного государства. Но и здесь есть существенные пробелы. Вы-

¹ См.: Г. А. Федоров-Давыдов. Курганы, идолы, монеты. М., 1968, стр. 64—68.

² ПСРЛ, т. 1, стб. 470.

³ Ом.: М. Г. Сафаргалиев. Борьба мордовского народа с татарским игом. «Записки НИИ Мордовской АССР. История и археология». Т. 6. Саранск, 1945, стр. 147—160.

⁴ ПСРЛ, т. 12, стр. 61—62.

ше уже указывалось, что вне поля зрения писателей остались последние годы Дмитрия Ивановича Донского и великое княжение его сына, Василия I (см. главу 5). Ничего не рассказывается в художественных произведениях и о первых шагах Московского княжества. Я не говорю уже о такой загадочной и интересной фигуре, как «князь Михайло, нарицаемый Хоробрит», о котором Никоновская летопись сообщала, что он в 1248 году «согна с великого княжения Владимирскаго дядю своего великого князя Святослава Всеволодовича, внука Юрья Долгорукого, и сам сяде на великом княжении в Володимери»¹. Впрочем, великим князем он оставался недолго и в том же году был убит в сражении с литовцами. Об этом князе осталось очень мало сведений. Известно только, что Михаил Ярославич Хоробрит был московским князем. В Тверской летописи о смерти этого князя говорится следующее: «Тоя же зыми бишася князи Рустии с Литвою, и одолеша князи Рустие. Тогда убиен бысть князь Михайло Ярославичь, внук Всеволожа, Московский, от Литвы на реце Поротве, брат князю Александру Невскому»². Но о следующих московских князьях, Данииле Александровиче и Юрии Даниловиче, при которых Москва превратилась в сильное княжество, присоединив к себе Коломну, Переяславль и Можайск, и уже выступила претендентом на великокняжеский «ярлык», имеется достаточно данных, чтобы создать их художественные образы. Кстати, небезынтересно напомнить, что именно Даниил Московский обнажил оружие против ордынцев. Во время похода 1301 года на Рязань он разгромил татарский отряд, поддерживавший рязанского князя, и, по сообщению летописца, «много татар изби»³.

Не нашло освещения в художественной литературе также время преемников Ивана Калиты — великого князя Семена Ивановича Гордого (1340—1353) и великого князя Ивана Ивановича Красного (1353—1359), хотя при них Москва сделала дальнейшие шаги к главенству над Русью. Интересно, что Иван Иванович, в отличие от Калиты, уже осмеливался оказывать неповиновение ордынскому хану. Показателен следующий факт, содержащий-

¹ ПСРЛ, т. 10, стр. 136—137.

² Там же, т. 15, стб. 395.

³ Там же, т. 7, стр. 183.

ся в Никоновской летописи: в 1358 году «прииде посол велик из Орды царев сын именем Момат-Хожа на Рязанскую землю и посла на Москву к великому князю Ивану Ивановичу, внуку Данилову, о разъезде земли Рязанския, пределы и межи утвердiti нерушимы и непретворимы. Князь велики же Иван Иванович не пусти его в свою отчину»¹. Это было уже проявление тенденции к самостоятельной политике по отношению к Орде, которая отличала время следующего московского князя — Дмитрия Ивановича Донского, заявившего ханскому послу в 1371 году: «к ярлыку не иду, а в землю на княжение Володимерское не пушу, а тебе, послу, путь чист!»².

Укажу еще на некоторые темы, не нашедшие отражения в художественной литературе исторического жанра: история отдельных княжеств и земель Северо-Восточной Руси, например, Рязанского, Нижегородского, Смоленского княжеств (о Новгороде и Пскове в период складывания Русского централизованного государства книги имеются); длительная борьба Руси против наступления литовских феодалов; войны за воссоединение западных русских княжеств, попавших под власть Литвы и Польши после монголо-татарского завоевания; процесс закрепощения крестьянства в XIV—XV веках; русский город посламонгольского времени; «ереси» и борьба с ними православной церкви в XV столетии. Этот перечень можно было бы значительно продолжить.

Хочется надеяться, что недалеко то время, когда читатель, интересующийся прошлым нашей Родины, найдет на полках библиотек художественные произведения, исторически достоверно, ярко и убедительно повествующие о всех важнейших событиях славной истории Руси, не оставляющие без внимания ни одного этапа ее многовекового пути.

¹ ПСРЛ, т. 10, стр. 230.

² Там же, т. 11, стр. 15.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> «Русь Великая»	9
<i>Глава 2.</i> Москва и «москотяне»	32
<i>Глава 3.</i> Путь к великому княжеству	46
<i>Глава 4.</i> «Повесть лет, которые привели Русь на Куликово поле...»	77
<i>Глава 5.</i> Великий князь Дмитрий Иванович Донской	93
<i>Глава 6.</i> «Иван III — государь всея Руси»	120
<i>Глава 7.</i> Русь княжеская и Русь мужицкая	156
О книгах, которые еще не написаны (<i>Вместо заключения</i>)	175

Вадим Викторович Каргалов

МОСКОВСКАЯ РУСЬ
В СОВЕТСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Редактор Т. А. Кондратьева
Художник В. В. Шляндин
Художественный редактор В. И. Пономаренко
Технический редактор З. А. Муслимова
Корректор В. В. Краснов

А-07509 Сдано в набор 14/VIII—70 г. Подп. к печати 22/I—71 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Объем 5,75 печ. л., 9,66 усл. п. л. Уч.-изд. л. 9,58.
Изд. № РЛ-81 Тираж 22 000 экз. Цена 35 коп.
План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы)
на 1971 г. Позиция № 116
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Московская типография № 8 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР,
Хохловский пер., 7. Зак. 1591

35 коп.

